

ДАВЫДОВ Д. А.

ПОСТ КАПИТА ЛИЗМ

И РОЖДЕНИЕ
ПЕРСОНАЛИАТА

РИПОД
КЛАССИК

УДК 304
ББК 60.5
Д13

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института философии и права УрО РАН
(протокол № 3 от 15 марта 2021 г.)*

Рецензенты: Павлов А.В., д.филол.н.
Прозументик К.В., к.филол.н.

Давыдов, Дмитрий

Д13 Посткапитализм и рождение персоналиата / Д. Давыдов. —
М. : РИПОЛ классик, 2021. — 336 с.

ISBN 978-5-386-14369-5

В последнее время идея посткапиталистического общества становится все более актуальной. На фоне системного кризиса капитализма и многих противоречий, которые обнажила пандемия COVID-19, все чаще наблюдаются попытки предложить альтернативное будущее, в котором роботы и искусственный интеллект даруют изобилие материальных благ, каждый обеспечен всем необходимым, а сами люди занимаются преимущественно свободной творческой деятельностью. Все эти утопические представления во многом вдохновлены классическими марксистскими взглядами на коммунизм как наиболее вероятную неантагонистическую форму посткапиталистического общества. В настоящей книге представлена попытка взглянуть на посткапиталистическую перспективу под радикально иным углом зрения. Многие факты и тенденции указывают на то, что мы движемся к новой антагонистической общественной формации, а вместо относительной общественной гармонии устанавливается господство нового класса — персоналиата.

Книга адресована политологам, философам, экономистам, социологам, историкам, а также всем интересующимся перспективами общественного развития.

**УДК 304
ББК 60.5**

© Давыдов Д. А., 2021
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2021

ISBN 978-5-386-14369-5

Оглавление

Введение	5
РАЗДЕЛ I. ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?	25
Глава 1. Забытая и актуальная. Эвристический потенциал теории общественных формаций	27
1.1. Теория общественных формаций и ее «фатальные» ошибки	28
1.2. Преобладающий источник потребительных ценностей как критерий выделения общественных формаций	52
Глава 2. От революции рабочего класса к синтезу элит	77
2.1. Социальная «революция снизу» — исключение из правил?	78
2.2. Синтез элит как революционный процесс .	85
РАЗДЕЛ II. ПЕРСОНАЛИАТ	103
Глава 1. Конец экономики отменяется	105
1.1. Творческая деятельность в контексте противоречивых общественных отношений ...	106

1.2. Внимание — новый дефицитный ресурс. Личность — ключевое благо	111
Глава 2. Персоналиат — претендент на статус господствующего класса?	124
2.1. Меняющиеся инструменты власти и политического влияния	125
2.2. Универсальные лидеры мнений	151
Глава 3. Расширяющаяся сфера производства личности	184
3.1. Рождение личности из духа постиндустриализма	185
3.2. Общество всеобщей самореализации	194
 РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ	211
Глава 1. Классовая борьба продолжается	213
1.1. Новый классовый антагонизм: персоналиат vs. имперсоналиат	214
1.2. Классовая борьба: новая поверх старой? ...	235
Глава 2. Альтернативы для нашего будущего	251
2.1. Классовое угнетение в «личностной» системе координат	252
2.2. Посттрудовая (анти-)утопия?	267
 Заключение	308
Литература	315

Введение

*Посвящается моей жене Татьяне,
чья сильная личность дает мне новые силы.*

Посткапитализм близок, и слишком многие вещи указывают на это (а потому говорить о нем уже не зазорно¹). Посткапитализм близок отчасти постольку, поскольку капитализм выглядит все более слабым. Капиталистическая экономика более не в состоянии поддерживать внятный экономический рост и социальное развитие. Рост ВВП во всех странах постепенно замедляется. Для США эти показатели сегодня находятся на уровне 1–3 %, в то время как до 70-х годов нормальным считался рост не менее 5 %. В 1950 году ВВП США вырос на 13,5 %, в 1965 на 8,5 %, в 1984 на 7,9 %. Дальше уже таких «пиков» на графике ежегодных показателей динамики ВВП ведущей капиталистической державы не найти. Рекорд последних двух десятилетий — 2003 год с 4,4 % ро-

---

¹ «Когда я учился в старшей школе и говорил людям, что я социалист, — пишет Б. Сункара, — они смотрели на меня как на сумасшедшего. Когда я говорю людям сегодня, что я социалист, они просто кивают и продолжают заниматься своим делом — ни намека на физическое отвращение» (Sunkara B. The Socialist Manifesto: The Case for Radical Politics in an Era of Extreme Inequality. New York, NY: Basic Books, 2019. P. 3).

ста¹. А для многих европейских стран рост в 1 % считается большим успехом². После экономической рецессии, последовавшей за 2008 годом, экономика развитых стран восстанавливалась вяло. Несмотря на значительное восстановление после кризиса, рост заработной платы в Соединенных Штатах не смог достичь темпов, достигнутых до кризиса, и в течение последнего десятилетия находился в состоянии стагнации. Фактически в реальном выражении средняя почасовая зарплата достигла максимума более чем сорок пять лет назад: ставка в 4,03 доллара в час, зафиксированная в январе 1973 года, имела такую же покупательную способность, что и 23,68 доллара в 2019 году³. Параллельно наблюдается рост социального неравенства. В 1980 году соотношение самых богатых 10 % населения к самым бедным 10 % в США составляло 9,1, а это означает, что домохозяйства в верхней части социальной пирамиды имели доходы, примерно в девять раз превышающие доходы домохозяйств в нижней части. Соотношение доходов «10% к 10%» росло с 1980 года, достигнув 12,6 в 2018 году, то есть увеличившись

---

¹ Real Gross Domestic Product / U.S. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/A191RL1Q225SBEA> (дата обращения: 14.03.2021).

² European Union GDP Annual Growth Rate /Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/european-union/gdp-annual-growth-rate#:~:text=Looking%20forward%2C%20we%20estimate%20GDP,according%20to%20our%20econometric%20models> (дата обращения: 14.03.2021).

³ Desilver D. For most U.S. workers, real wages have barely budged in decades / Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/08/07/for-most-us-workers-real-wages-have-barely-budged-for-decades/> (дата обращения: 14.03.2021).

на 39 %¹. Рост экономического неравенства не является единственной проблемой США. Как было сказано в отчете Oxfam, опубликованном накануне открытия юбилейного, 50-го Всемирного экономического форума в Давосе, «2153 миллиардера в мире имеют больше богатства, чем 4,6 млрд человек (60 % населения планеты), а богатство 1 % самых состоятельных людей мира более чем в два раза превышает благосостояние 6,9 млрд жителей Земли... Почти половина человечества живет менее чем на 5,5 долларов в день»².

Капитализм не просто не способен обеспечивать равенство и социальное процветание, но порождает (поскольку рыночная экономика ориентируется исключительно на логику извлечения максимальной прибыли) огромное количество глобальных проблем, среди которых все более обостряющаяся проблема загрязнения окружающей среды³. И даже тот экономический рост, который создает капиталистическая экономика, не является показателем роста благополучия. Показатель ВВП фиксирует рыночные стоимости (которые не учитывают многочисленные экстерналии) и упускает из виду огромное количество благ⁴,

---

¹ Horowitz U. M., Igielnik R., Kochhar R. Trends in income and wealth inequality / Pew Research Center. URL: <https://www.pewsocialtrends.org/2020/01/09/trends-in-income-and-wealth-inequality/> (дата обращения: 14.03.2021).

² Лосев А. Неравенство вышло из-под контроля. Его рост угрожает финансовым рынкам, констатировали в Давосе / Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4243130> (дата обращения: 14.03.2021).

³ Попова М. Содержание углекислого газа в атмосфере стало рекордным за 23 миллиона лет / N+1. URL: <https://nplus1.ru/news/2020/06/03/carbon-dioxide-maximum> (дата обращения: 14.03.2021).

⁴ Койл Д. ВВП. Краткая история, рассказанная с шпететом. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

не покупающихся и не продающихся, но имеющих важнейшее значение для всего человечества (от чистоты воздуха и воды до всевозможных улучшающих жизнь изобретений и инноваций, общественных благ как результатов добровольной деятельности). Поэтому сегодня мы видим «вялый» экономический рост, который, если принять к сведению не учитываемые показателем ВВП издержки в виде планетарного экологического бедствия, долгосрочных негативных последствий неравенства (скажем, лихорадка Эбола или коронавирус SARS-Cov-2 как отчасти последствия крайней нищеты¹) и т. п., еще не понятно, является ли свидетельством прогресса или упадка.

Соответственно, постепенно все больше людей со скепсисом смотрят на перспективы капитализма. В относительно недавнем исследовании Trust Barometer, к примеру, было опрошено тридцать четыре тысячи человек в двадцати восьми странах. Как оказалось, 56 % людей считают, что капитализм приносит больше вреда, чем пользы. При этом среди людей старшего возраста процент разочарованных в капитализме — 53 %, а среди молодежи и людей среднего возраста — выше (57 и 59 % соответственно). В десятку стран-лидеров по числу разочаровавшихся в капитализме вошли Таиланд (75 %), Индия (74 %), Франция (69 %), Малайзия (68 %), Индонезия (66 %), КНР (63 %), Италия (61 %), Испания (60 %), ОАЭ (60 %) и Нидерланды (59 %)². Опросы молодежи даже в такой исконно по ду-

---

¹ Если учитывать, что очень многие смертельно опасные активно распространяются в сообществах с плохими санитарными условиями.

² Калюков Е. Большинство людей в мире разочаровались в капитализме и своем будущем / РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2>

ху «буржуазной» стране, как США, показывают явную тенденцию в сторону поддержки левых идей. Данные поступают из многих источников. К примеру, итоги опроса общественного мнения, проведенного исследовательской службой Harris Poll, согласно результатам которого в США среди миллениалов и представителей поколения Z (люди, родившиеся в 1995 году и позже) почти половина — 49,6 % — хотели бы жить в социалистическом государстве (в целом по стране о таком желании заявили 37,2 % опрошенных)¹, хотя еще нужно уточнять, что здесь подразумевается под социализмом.

На фоне углубляющихся противоречий капиталистической мир-системы прорисовываются образы зарождающегося посткапиталистического будущего. Многое свидетельствует о том, что капиталистический способ производства находится в системном («сущностном») кризисе. Основным источником потребительных ценностей² в информационную или постиндустриальную эпоху³ становится *творчество* как

020/5e2562019a794766c80373ae (дата обращения: 14.03.2021).

¹ Сенин К. Социалистические Штаты Америки: американская молодежь пресытилась капитализмом. Новые социалисты способны серьезно изменить политический расклад на президентских выборах 2020 года / Известия. URL: <https://iz.ru/857148/ki-rill-senin/sotcialisticheskie-shtaty-ameriki-amerikanskaia-molodezh-presytilas-kapitalizmom> (дата обращения: 14.03.2021).

² Более корректная замена термину «потребительная стоимость». См.: Хабалашвили Н. М. В пользу термина «Потребительная ценность» // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2010. № 3. С. 44–51; Кондрашов П. Н. Нелепость, ставшая привычкой // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 203–217; Чеховский. В. Э. В. Ильенков о «стоимости» и о переводе «Wert». Сборник научных трудов «В. Ильенков и философия Маркса». Усть-Каменогорск. 2018. С. 300–310.

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.

основной генератор *знаний* и тех благ, которые плохо «встраиваются» в рыночную экономику (или вообще из нее полностью «исключаются»). Ключевым компонентом экономики знаний является более сильная зависимость от интеллектуальных способностей, чем от физических или природных ресурсов¹. При этом многими исследователями уже неоднократно отмечалась «небуржуазная» сущность экономики знаний². Знание, в отличие от материальных активов, неисчерпаемо, и чем больше его пытаются «потратить» (читая, копируя, цитируя и т. п.), тем сильнее оно прирастает. Знание и многие другие результаты творческой деятельности (вроде чертежей, электронных книг или изображений) могут бесконечно и почти бесплатно реплицироваться. Творчество, в свою очередь, не поддается точному измерению. Тейлористские принципы измеримости и алгоритмизации не работают, если речь идет об оплате труда, скажем, ученых³. Творчество даже не со-

---

¹ Powell W. W., Snellman K. The Knowledge Economy // Annual Review of Sociology. 2004. № 30. Pp. 199–220.

² См., например: Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010; Бузгалин А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.

³ Хотя этот тезис можно попытаться оспорить. Так, Д. Г. Хумарян справедливо замечает, что в условиях неопределенностей рынков, технического усложнения производства и т. п. потребность в организационной власти снижается отнюдь не всегда. Поэтому можно говорить о своеобразном неотейлоризме (аппаратные инструменты контроля затрат труда, фрагментация труда на цепочки операций, учет затрат времени, контроль коммуникации, деление целостного процесса труда на модули и т. п.). Однако это не исключает растущих стратегий «новых огораживаний» и присвоения интеллектуальных рент, т. к. сверхстоимости сегодня все чаще создаются именно «спонтанно», в «слепых», неподконтрольных менеджменту зонах (к примеру, многочисленными успеш-

всем правильно называть трудом, так как творческий процесс сильно зависит от самого *общественного бытия*, оно на глубинном уровне коллективно и в некоторых аспектах «бессознательно». Соответственно, возникают прямые ассоциации сложившейся ситуации с предсказанным К. Марксом приходом *всеобщего труда*¹. Творчество скорее зависит от состояния общественной инфраструктуры, от наличия или отсутствия тех или иных общественных благ, нежели от «точечных» капитальных вливаний или инвестиций. В сущности, подлинная экономика знаний, как верно заметил А. Горц, это «коммунизм знаний»². В капиталистической системе знание могут только искусственно присваивать, ограничивать к нему доступ. Но растущая доля интеллектуальной ренты — это свидетельство не столько всепро-

---

ними стартапами). К тому же возникает вопрос: если в сфере «производства» знаний и высокотехнологичных продуктов остается потребность в управлении, то почему это управление обязательно должно являться «капиталистическим», то есть нацеленным на рынок и максимизацию прибыли? (см.: Хумарян Д. Г. Принуждение, когнитивный капитал, стоимость: к вопросу о принципах управления знанием // Социология власти. 2020. № 1. С. 55–88).

¹ Согласно Марксу, по мере общественного развития непосредственный физический труд исчезает как определяющий принцип производства, а «качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания» (Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (первоначальный вариант «Капитала»). Часть II. М.: Издательство политической литературы, 1980. С. 210). См. также: Орлов В. В., Гриценко В. С. Постиндустриальное общество и проблема труда // *Философия и общество*. 2012. № 3. С. 60–78; Гриценко В. С., Орлов В. В. «Капитал» Маркса и кризис капитализма // *Философия и общество*. 2015. № 1. С. 65–75.

² Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. С. 82–107.

никающих буржуазных отношений, сколько их вырождения, отката назад к рентному состоянию¹.

Растущая экономика знаний не просто порождает перспективу «коммунизма знаний». Индустрия высоких технологий способствует ускоряющейся автоматизации производства², что отчасти приводит к тому, что с конца 1970-х в тех же США рост оплаты труда перестает соответствовать росту производительности. Корпорации «удешевляют» рабочую силу там, где она находится под угрозой автоматизации. В итоге с 1975 года оплата труда в ведущей капиталистической державе выросла всего приблизительно на 13 %, в то время как производительность труда — более чем на 150 %. Это сильно отличается от временного промежутка между 1948 и 1975 годами, когда графики роста оплаты труда и его производительности сливались в единую линию (в обоих случаях рост приблизительно в 100 %)³. Все это сильно бьет по социальным низам и представителям сужающегося «среднего класса». Сегодня речь идет не просто об экономике «без роста зарплат», но об экономике «нестабильных зарплат» (в частности, гиг-экономике⁴), в кото-

---

¹ Фишман А. Г., Мартыянов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2019.

² Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. См. также: Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться. М.: Инди-видуум, 2021.

³ Lawrence M. The Wedges Between Productivity and Median Compensation Growth / Economic Policy Institute. URL: <https://www.epi.org/publication/ib330-productivity-vs-compensation/> (дата обращения: 14.03.2021).

⁴ Крауч К. Победит ли гиг-экономика? М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2020.

рой расширяется прослойка прекариата (людей без стабильного заработка и социальных гарантий)¹. Но технологии не только угрожают, они также дают новые возможности. Технологическое изобилие все чаще вдохновляет различных авторов на попытки конструирования альтернатив капитализму. Автоматизация производства рано или поздно может освободить людей от необходимости работать вообще или слишком много. Возникают различные концепции посттрудового общества². Бедных или нищих можно превратить в свободных творческих деятелей и активистов³, выплачивая всем без исключения гражданам *безусловный базовый доход*, который заменит громоздкие системы социальной помощи и обеспечит всех «правом на жизнь» — базовыми материальными благами⁴. Интернет, в свою очередь, связывает людей из разных точек планеты за считанные миллисекунды. Современные левые утопии проникнуты «анархистским» духом кооперации и самоорганизации, добровольной деятельности в духе DIY⁵.

¹ См.: Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014; Гощенко Ж. Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

² См., например: Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.

³ Гражданское общество как потенциальная сфера занятости: См. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. С. 374–375.

⁴ См., например: Бреган Р. Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018; Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

⁵ Основную тенденцию в современной левой политической мысли можно охарактеризовать как «анархо-локалистскую». См.: Давыдов Д. А.

Соответственно, в последние годы появляется все больше научной и научно-популярной литературы, посвященной тематике посткапитализма¹. Сюда по традиции входит обширный пласт марксистской литературы, ибо сам марксизм переживает своеобразный ренессанс². Но тематика посткапитализма все чаще выходит за узкие рамки марксизма (о каких бы его формах речь ни шла), включает в себя смелые дискурсы, сочетающие изучение передовых технологий с исследованием противоречивых тенденций современного общества³. Сам термин «посткапитализм» становится компромиссным, ибо больше ориентирует на внутренние трансформации капиталистической системы, постепенно перерождающейся в нечто иное, но пока еще не полностью выходящее за пределы имеющейся системы⁴.

Но что-то во всех этих оживленных дискуссиях о грядущем закате капитализма не складывается. Пан-

---

Анархолокализм и кризис левой политической мысли // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. Т. 93. № 2. С. 66–84.

¹ См., например: Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016; Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: StrelkaPress, 2019. См. также: Давыдов Д. А. Есть ли смысл в концепте посткапитализма? // Дискурс-Пи. 2018. № 2. С. 114–122; Кондрашов П. Н. Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150–159; Павлов А.В. Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // Логос. 2019. № 2. С. 1–24.

² Бузгалин А.В. Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 36–47.

³ Ореховский П. А. Левая утопия в XXI веке // Общественные науки и современность. 2020. № 2. С. 162–175.

⁴ Павлов А.В. Социально-философские перспективы безусловного базового дохода // Философские науки. 2020. № 3. С. 105–118.

демия COVID-19 могла стать «последней каплей» (резкий экономический спад и небывалый рост безработицы). Она не просто раскрыла неспособность «либерального» буржуазного общества дисциплинированно справиться с глобальной бедой (опыт Китая оказался внушительным контрастом), но и окончательно подорвала веру в «американскую мечту». Кажется бы, нет лучшего времени для антисистемного социального взрыва или чего-то вроде «левого поворота». Но этого, по крайней мере пока (на момент написания этого текста), не происходит. На фоне рекордных показателей безработицы, колоссального социального неравенства и всех тех социальных проблем, которые ярко проявились в период пандемии COVID-19, в США вспыхивают протесты, обусловленные гибелью чернокожего от рук белого полицейского. И хотя левая повестка также присутствует в протестных выступлениях, пока она ограничивается неубедительными призывами распустить полицию или, скажем, поддержать бизнес черных¹. До этих событий движение «желтых жилетов», казалось бы, показало всю мощь протеста против неолиберализма и капитализма как такового, но и здесь все закончилось, по сути, незначительными уступками. Сегодня борьба левых напоминает сопротивление, но никак не стремление выстроить что-то в институциональном плане принципиально новое.

---

¹ The demands of the collective black voices at free capitol hill to the government of Seattle, Washington / Free Capitol Hill. URL: <https://medium.com/@seattleblmanon3/the-demands-of-the-collective-black-voices-at-free-capitol-hill-to-the-government-of-seattle-ddaee51d3e47> (дата обращения 14.03.2021).

Почему левая (не леволиберальная!) альтернатива, даже, казалось бы, в идеальных для нее условиях, не становится *действующей*? Мы можем, как обычно, допустить, что проблема в пресловутой «незрелости» общества. Технологии еще недостаточно развиты, чтобы обеспечить изобильное «посттрудовое» состояние, знания пока еще не стали главным фактором производства, а само общество все еще слишком сильно разделено на отчужденные группы (не существует «классового единства» притесняемых слоев населения и т. п.). Однако в 1917 году общество было куда беднее, а о таких вещах, как «коммунизм знаний», тогда особо и не думали. Проблема, стало быть, не в технологической незрелости, а в революционном субъекте, который также еще не до конца «созрел»¹. Но сегодня нет ни единого внятного свидетельства в пользу того, что в обозримом будущем появится некая сплоченная социальная сила, которая будет в состоянии объединить ту или иную страну (не говоря уже о мире в целом) под флагом равенства и справедливости. Скорее все указывает на продолжающийся распад единого общества на различные сегменты, меньшинства, сооб-

---

¹ А потому марксизм как наука о революции вырождается в марксизм как революционную надежду, *религию коммунизма*. Левая мысль в целом все более ориентируется на нейтральный концепт посткапитализма. Как верно замечает А. В. Павлов, «они одновременно возвращают в дискурс старые темы марксизма типа „прогресса“, но вместе с тем прощаются с ключевыми марксистскими категориями типа „революция“, что не может не огорчать ортодоксальных марксистов. Впрочем, даже состоявшиеся марксисты мыслят революцию не как что-то конкретное, но скорее как некую утопию, приближения которой они, разумеется, не хотят, поскольку суть этой утопии в одних лишь мечтаниях» (Павлов А. В. Социально-философские перспективы безусловного базового дохода // Философские науки. 2020. Т. 63. № 3. С. 112).

щества, группы и группировки, «сборки» и т. п. Это вполне естественный процесс дифференциации, когда вслед за технологическим, экономическим и т. п. усложнением следует «усложнение» социального.

В данной книге произведена попытка посмотреть на ситуацию под другим углом зрения. Посткапитализм действительно близок. Но обязательно ли идея посткапиталистического общества должна отсылать к идеям равенства, единства и коллективности (или общности), преодоления всех форм отчуждения, отсутствия общественных антагонизмов и т. п.? На этот вопрос можно попытаться ответить отрицательно. Уже давно прошли времена, когда можно было указать на сплоченную социальную силу, которая готова стать «классом для себя» во имя равенства, борьбы с отчуждением и высоких идеалов социализма. История левой политической мысли — это история разочарований в субъектах. И сегодня левые все еще сконцентрированы на поиске «линий разломов», структурных социальных противоречий. Идея посткапиталистического общества все еще нераздельно связана с идеей «инициативы снизу» со стороны «страдающей» социальной прослойки, представители которой в борьбе против угнетения или эксплуатации ведут человечество к лучшему общественному устройству без всевластия капитала. Эта установка разделяется многими: от несдающихся «ортодоксальных» марксистов с их идеей никуда не исчезнувшего пролетариата¹ до современных «новых» левых, делающих

---

¹ См., например: Мухачев В. В. Недостигаемый Маркс. Концепция идеологии создателей марксизма как «terra incognita». М.: URSS, 2018; Попов М. В. Классовая борьба. Чехов: Primedia Elaunch LLC, 2018.

упор то на прекариат, то на прогрессивных интеллектуалов и работников умственного труда¹, то на сетевую самоорганизацию абстрактных «граждан мира» или постмодернистские «сборки» или «множества»². Однако есть основания полагать, что и эти ставки на «низовую» борьбу также вряд ли оправдают надежды. Сегодня наступает такой момент, когда нужно оглянуться назад и задаться вопросом: не является ли сам язык, на котором мы пытаемся говорить о посткапитализме, устаревшим и требующим радикального пересмотра? Не принимаем ли мы в качестве аксиом всякий раз, когда говорим о следующей за капиталистической общественной формации, такие теоретические послы, которые при тщательном рассмотрении оказываются не просто недостаточно обоснованными, но и в корне ошибочными?

Данная книга представляет собой попытку скептического взгляда на ряд догм и «аксиом» в интеллектуальном дискурсе о посткапитализме. Для этого необходимо полностью сменить теоретическую оптику. Первоочередного пересмотра требуют такие «аксиомы», которые долгое время являлись неприкосновенными в левом интеллектуальном дискурсе. Прежде всего это представление о том, что вслед за капитализмом следует неантагонистическая общественная формация (зафиксированная в утопическом мышлении как бесклассовый коммунизм). Согласно данному

---

¹ Бузгалин А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 43–53.

² Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная Революция, 2006.

представлено, если в («зрелом», «завершенном/сформировавшемся» и т. д.) посткапиталистическом обществе и будут свои противоречия, то это: а) не имеет отношения к самому процессу перехода к посткапиталистической стадии развития (то есть проявятся позже); б) они окажутся куда более «мягкими» и не будут относиться к категории «общественные антагонизмы» (как «разорванности» общества на враждующие социальные прослойки). Согласно другой «аксиоме», переход к посткапиталистическому обществу осуществляет «угнетаемая» социальная прослойка (в марксистской традиции рассматриваемая как эксплуатируемый класс), представители которой мгновенно или постепенно (через серию реформ) совершают «политически обусловленный» переход к следующей стадии развития. Собственно говоря, эти два фундаментальных для многих левых мыслителей положения тесно друг с другом связаны: если следующая стадия развития будет неантагонистической, то логично, что должен наблюдаться некий «уравнительный» порыв, который «разрешает» классовую борьбу в целом. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что данные исходные посылы разделяются вообще всеми левыми теоретиками и практиками. Но очень часто сознательно или подсознательно вместе они составляют нечто вроде принимаемых на веру базовых допущений, которые мешают разглядеть в происходящих больших общественных трансформациях куда более сложную и неоднозначную картину.

Далее будет представлен оспаривающий существующие представления взгляд на перспективы посткапиталистического общества. При этом на вооружение

будет взята общая методология марксистского материалистического понимания истории. Правда, под материалистическим пониманием истории здесь понимается не «завершенное» учение К. Маркса и его последователей, а открытая для критики и пересмотра совокупность методологических установок, ставящих во главу угла сферу производства (как в узком, так и в «широком» смысле) как то, что в конечном счете определяет пределы институционального «надстроечного» многообразия в рамках одного способа производства. К инструментарию, разработанному Марксом, будет предложено относиться именно как к научной методологии, которая, сталкиваясь с новыми фактами, требует пересмотра теорий и концепций, с помощью нее созданных. Это означает, что из ее «аксиоматики» стоит убрать все то, что так и не обрело научной доказательной базы: что основывалось на экстраполяциях, прогнозах, ставках или желаниях, но никак не на прочной фактологии или обращении к универсальным, повторяющимся закономерностям исторического развития. По иронии судьбы многое из того, чем сегодня знаменит и актуален Маркс не выводится из его же теоретических схем, а то и вовсе никогда не имело твердой научной основы и всегда находилось на уровне экстраполяций и смелых гипотез.

Работа состоит из трех разделов.

В первом разделе я попробую совершить ревизию ряда опорных принципов материалистического понимания истории. В частности, акцент будет сделан на попытке оживить во многом забытую теорию общественных формаций. Будет совершена попытка отбросить многие изжившие себя догмы и гипотети-

ческие утверждения, ранее принимавшиеся за бесспорные аксиомы. Тем не менее главная цель — не пытаться уничтожить марксизм как таковой, а опереться на его наиболее фундаментальную и подкрепленную фактами часть. Я постараюсь показать, что марксизм дает большие эвристические возможности, но не как концепция, предсказывающая революцию рабочего класса и наступление коммунизма как неантагонистической стадии развития общества, а как набор аналитических инструментов, позволяющих выявлять универсальные механизмы исторического развития, а также объяснять это развитие, опираясь на фундаментальные трансформации средств производства. Эти аналитические инструменты сегодня нуждаются в существенном обновлении. Идея революции рабочего класса себя не оправдала. Однако эта идея всегда опиралась на смелые гипотезы и экстраполяции, а не последовательный и детальный исторический анализ, который скорее укажет на то, что полноценная социальная (ведущая к реальной и бесповоротной смене общественной формации) революция угнетенных была бы чистым историческим прецедентом, ибо до сих пор смены общественных формаций осуществлялись скорее элитами, а не борющимися социальными «низами». Соответственно, возможно парадоксы современности связаны с тем, что история во многом повторяется: мы действительно движемся к посткапитализму, но совершенно не факт, что движение это подразумевает нечто вроде постепенного всеобщего разотчуждения, обретения настоящего равенства, свободы, роста солидарности, относительной гармонизации общественных отно-

шений, достижения всеобщего благополучия и т. п. Нашу исследовательскую оптику стоит радикально поменять: многие тенденции и факты указывают на то, что происходящая посткапиталистическая трансформация — это новый «синтез элит», характеризующийся появлением нового господствующего класса (персоналиат) и новым классовым расслоением (персоналиат/имперсоналиат). Такой теоретический поворот от угнетенных масс к элитам не означает низведения марксизма до чисто аналитической концепции. Это не значит также, что необходимо отбросить идею классовой борьбы. Однако роль и значение классовой борьбы должны быть уточнены, так как ее функционал может заключаться не столько в реализации перехода от одной стадии развития (формации) к другой (социальная революция), сколько в достижении равновесия интересов антагонистических классов, в попытках не допустить крайних форм угнетения и возможных социальных катастроф.

Во втором разделе речь пойдет непосредственно о процессах, свидетельствующих о возвышении персоналиата как в перспективе *нового господствующего класса*. При этом будет показано, что это возвышение связано как с появлением нового *преобладающего* источника потребительных ценностей (творчество), так и с постепенными изменениями в том, *что* и *как* производится (сдвиг от акцента на производстве материальных благ к производству личности). Данные трансформации также характеризует изменение ключевого дефицитного (ограниченного) ресурса: *капитал* постепенно теряет свое значение, и теперь для очень многих куда важнее завладеть другим стратегически

важным ресурсом — *вниманием*, за которое разворачивается все более и более агрессивная и массовая борьба. Все это обуславливает рост политического влияния расширяющейся прослойки «людей, обладающих личностью» — тех, кто способен привлекать к своей яркой (или эпатажной) личности¹ максимум общественного внимания и извлекать из этого те или иные выгоды. Свои аргументы я постараюсь выстроить как на данных эмпирических социологических, социально-психологических, культурологических и политологических исследований, так и на собственных результатах двухлетнего исследования социальных медиа (преимущественно YouTube), проведенного в общем методологическом ключе киберэтнографии². Данный подход подразумевает, что те или иные социальные медиа имеют свою собственную культуру, лидеров мнений и специфические языки политического влияния. Соответственно, в своем глубинном погружении в онлайн-культуру я стремился увидеть и раскрыть то, что сегодня пока еще не для всех очевидно: бурно растущую область творческой самореализации в социальных медиа, где постоянно рождаются свои популярные лидеры мнений, обретающие все больше различных инструментов политического влияния и формирования политической повестки дня.

---

¹ Многозначность термина «личность» будет раскрыта ниже. Здесь под личностью понимаются социально разделяемые образы того или иного индивида (или представления о нем), свидетельствующие о его способности привлекать внимание публики.

² Coleman E. G. Ethnographic Approaches to Digital Media // Annual Review of Anthropology. 2010. № 1. Pp. 487–505.

Наконец, в третьем разделе будет представлена попытка раскрыть неоднозначность происходящей посткапиталистической общественной трансформации. Если быть точнее, то я постараюсь показать: история повторяется в том смысле, что мы являемся наблюдателями зарождения новой антагонистической общественной формации. Персоналиат — это, условно говоря, новая «аристократия» со своим специфическим классовым этосом. Это этос стремления к свободе, к личностной независимости, к максимуму демократии и нонконформизму, что ведет к специфическим «левым» (антибуржуазным) утопическим дискурсам о посттрудовом обществе, безусловном доходе и сетевой самоорганизации. При этом я сосредоточусь скорее на критике этого этоса, на его разрушительном и даже губительном потенциале для всего общества. И, возвращаясь к идее классовой борьбы, я постараюсь показать, что общественно необходимый труд все еще актуален. Более того, этот труд вполне может сочетаться с таким творчеством, которое, оставаясь преимущественно анонимным, все же может стать важнейшим источником смысла для тех, кто по тем или иным причинам не желает вступать в ожесточенную «борьбу за личность».

Раздел I

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Глава 1

Забытая и актуальная. Эвристический потенциал теории общественных формаций

Начать хотелось бы с наиболее общих и фундаментальных аспектов исследования больших формационных сдвигов, к которым можно отнести современный переход от капитализма к посткапитализму. Понять современную ситуацию мы сможем только в том случае, если отбросим из научных построений догмы и приведем в порядок наши представления о закономерностях исторического развития. За этот порядок в советские времена во многом отвечала теория общественных формаций (в рамках формационного подхода к изучению истории), творческий потенциал которой со всех сторон сковывал партийный догматизм. Сегодня теория общественных формаций — это маргинальная область концептуальных разработок, которая даже среди марксистов далеко не у всех пользуется почетом и уважением, не говоря уже о попытках подчеркнуть ее самостоятельный научный статус и развивать как нечто цельное и с научной точки зрения полезное. Тем не менее можно попробовать

оспорить разделяемое многими исследователями мнение, что данная теория являлась исключительно идеологическим продуктом, созданным только лишь для оправдания господствовавшего в СССР политического режима. За догматическими шаблонными суждениями скрывались живые дискуссии, нацеленные на выяснение универсальных закономерностей общественного развития. Результаты этих дискуссий не теряют актуальности и сегодня, когда многие ученые вновь осмысливают перспективы посткапиталистического общества.

1.1. Теория общественных формаций и ее «фатальные» ошибки

Научное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса по своим притязаниям на выявление и описание магистрального вектора развития человечества до сих пор не имеет аналогов. Разработанная советскими исследователями теория общественных формаций (здесь имеется в виду, что основоположники создали теорию формаций только в самых общих чертах, предложив формационную парадигму, которую затем развивали в основном советские ученые), в свою очередь, претендовала в странах советского блока на монопольное право делать научно обоснованные дальнесрочные прогнозы развития общества. Причем прогнозы эти, как предполагалось, должны были ориентироваться не на отдельные компоненты, не на те или иные черты или сферы общества, а на формирование образа будущего в его целостности. Основная функция теории общественных формаций заключалась в выявлении *эта-*

пов исторического развития человечества (общественных формаций). Это давало возможность корректировать набор принципов, лежащих в основе материалистического понимания истории. Так, рассмотрение эволюции общественных формаций позволяло выяснить, какие конкретные процессы общественной жизни оказывают существенное влияние на историческое развитие (ведут к радикальным изменениям во всех сферах общества), а какие являются вторичными, несущественными.

Конечно, нужно учитывать, что теория общественных формаций как продукт советской науки — изобретение преимущественно идеологическое. (Впрочем, стоит отметить, что многие пришедшие на смену марксистскому истмату и заимствованные из зарубежной науки политологические (вроде концепций демократического транзита, «конца истории», теорий политической модернизации и т. п.) и экономические концепции (современная экономическая теория с ее «человеком экономическим») выполняли все ту же идеологическую роль, только в пользу противников марксизма и вообще «левой» картины мира.) Перед исследователями советского периода зачастую стояла задача «подгонять» факты под определенные теоретические клише. Тем не менее можно не согласиться с радикальным призывом отбросить всю советскую общественную науку как несостоятельную. За идеологической официальной ширмой скрывались весьма интересные и живые теоретические дискуссии, а сама теория общественных формаций, как мы увидим, зачастую не столько оправдывала существующий строй, сколько постепенно готовила теоретиче-

скую почву для «подрыва» самого идеологического над ней диктата. Моя цель — определить, насколько те «забытые» теоретические наработки современны, что из них сохранило эвристический потенциал применительно к изучению современности.

NB! Относительно скептического взгляда на научный статус теории общественных формаций можно привести цитату Ю. И. Семёнова:

«В России до революции и за рубежом и раньше и сейчас материалистическое понимание истории подвергалось критике. В СССР такая критика началась где-то... с 1989 г. и приобрела обвальный характер после августа 1991 г. Собственно, назвать все это критикой можно лишь с большой натяжкой. Это было настоящее гонение. И расправляться с историческим материализмом стали теми же самыми способами, какими его раньше защищали. Историкам в советские времена говорили: кто против материалистического понимания истории, тот не советский человек. Аргументация “демократов” была не менее проста: в советские времена существовал ГУЛАГ — значит, исторический материализм ложен от начала и до конца. Материалистическое понимание истории, как правило, не опровергали. Просто как о само собой разумеющемся говорили о его полнейшей научной несостоятельности. А те немногие, которые все же пытались его опровергать, действовали по отлаженной схеме: приписав историческому материализму заведомый вздор, доказывали, что это вздор, и торже-

ствовали победу. Развернувшееся после августа 1991 г. наступление на материалистическое понимание истории было встречено многими историками с сочувствием. Некоторые из них даже активно включились в борьбу. Одна из причин неприязни немалого числа специалистов к историческому материализму состояла в том, что он навязывался им ранее в принудительном порядке. Это с неизбежностью порождало чувство протеста. Другая причина заключалась в том, что марксизм, став господствующей идеологией и средством оправдания существующих в нашей стране «социалистических» (в действительности же ничего общего с социализмом не имеющих) порядков, переродился: из стройной системы научных взглядов превратился в набор штампованных фраз, используемых в качестве заклинаний и лозунгов. Настоящий марксизм был замещен видимостью марксизма — псевдомарксизмом. <...> При этом не только превращались в мертвые схемы действительные положения материалистического понимания истории, но и выдавались за непреложные марксистские истины такие тезисы, которые никак не вытекали из исторического материализма. <...> Исторический материализм рассматривался как такой метод, который позволяет еще до начала исследования того или иного общества установить, что будет найдено в нем исследователем. Большую глупость придумать было трудно. В действительности материалистическое понимание истории не предваряет результаты исследования, оно лишь указывает,

как нужно искать, чтобы понять сущность того или иного конкретного общества. Однако неверно было бы полагать, что для обратного превращения исторического материализма из шаблона, под который подгоняли факты, каким он у нас долгое время был, в подлинный метод исторического исследования достаточно вернуться к истокам, восстановить в правах все то, что когда-то было создано К. Марксом и Ф. Энгельсом. Материалистическое понимание истории нуждается в серьезном обновлении, которое предполагает не только внесение новых положений, которых не было у его основоположников, но и отказ от целого ряда их тезисов¹.

Сегодня актуальность марксизма, и в частности теории общественных формаций, растет, особенно в контексте современных дискуссий о движении человечества к посткапитализму. При этом стоит отметить, что здесь теория общественных формаций рассматривается как своего рода «аналитическая подпорка», теоретический инструмент *в рамках* материалистического понимания истории. Выделение по тому или иному критерию этапов развития общества позволяет выявлять и наглядно представлять механизмы воздействия экономического «базиса» на все остальные, «надстроечные», сферы общества. Это не означает, что общественные формации — нечто «объективно» существующее. Скорее общественные формации — продукт своеобразного абстрагирования, «логического упоря-

---

¹ Семёнов Ю. И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // *Философия и общество*. 1998. № 3. С. 195–196.

дочивания» исследователем исторического процесса. Не исключено, что от результатов данного «упорядочивания» зависит успешность применения материалистического подхода к изучению глобальных политических, экономических и иных трансформаций современных обществ. Задача исследователя в данном случае — выявление *наиболее значимых* базисных (или, условно говоря, «фундаментальных абстрактных», позволяющих двигаться по пути к конкретному) факторов, влияющих на трансформацию общества и делящих историю на периоды (формации), в которых эти факторы *наиболее действенны* (влияют на все сферы общества и соответствующим образом выстраивают «социальную тотальность»). Разумеется, само материалистическое понимание истории необходимо рассматривать как *один из* возможных инструментов познания общества, не исключающий остальные (нацеленные на выявление культурных детерминант, описание своеобразия отдельных обществ и т. п.) и ориентированный на рассмотрение общества в определенном *срезе*, с помощью специфической «материалистической» методологической оптики.

Проблема заключается в том, что консенсус относительно критериев выделения общественных формаций так и не был достигнут. Теория общественных формаций в целом серьезно обесценилась в академическом сообществе, особенно после того как вместо предсказываемого ею перехода к коммунизму случилась реставрация капитализма. Другая крайность: многие современные исследователи утверждают, что никаких ошибок в основных положениях теории общественных формаций не было. Проблема якобы за-

ключается в том, что изначальный посыл Маркса и Энгельса был искажен. Коммунизм стали строить в условиях недостаточно развитых производительных сил в отдельной стране, окруженной врагами и т. п. Иными словами, речь должна идти о том, что необходимо дождаться соответствующего развития производительных сил (дискурс об автоматизации и роботизации производства), и уже тогда можно вновь поставить вопрос о возобновлении целенаправленного движения к социализму/коммунизму. В конце концов, и капиталистическое общество возникло не сразу, происходили постоянные «откаты назад»¹.

И все же, как я далее попытаюсь показать, ошибки были. Причем обусловлены они как раз отсутствием консенсуса относительно основного критерия выделения общественных формаций. В качестве такового пытались обозначить то преобладающие формы собственности, то исторические типы техники, то специфику производственных отношений. Все это попутно приводило к ряду трудностей, которые так и не были преодолены (не разрешены они и в современ-

---

¹ А. В. Бузгалин, А. И. Колганов: «...на базе технологий (и, прежде всего, содержания труда), характерных для прежней системы (ручной труд для докапиталистических систем, индустриальный — для капитализма), новая система (соответственно, капитализм или социализм) может возникнуть, а может и не возникнуть. Революционный порыв может привести к победе, а может — к поражению. В случае победы начнется развитие новой системы на еще не адекватном для нее технологическом базисе, возникнет феномен, который я бы назвал “опережающей мутацией”. Это ситуация, когда общественные отношения несколько “забегают вперед” по отношению к материальному базису, содержанию труда» (Бузгалин А. В., Колганов А. И. 2008. XXI век: в чем был прав и в чем ошибался Карл Маркс. Альтернативы. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/8546-xxi-vek-v-chem-byil-prav-i-v-chem-oshibalsya-karl-marks.html (дата обращения: 14.03.2021).

ном марксизме). Моя цель — не только раскрыть те проблемы, которые имелись в теории общественных формаций, но также предложить новый принцип выделения исторических этапов развития человечества, опираясь на который можно было бы с иных позиций взглянуть на существующие представления о пределах капитализма и перспективах посткапиталистического общества.

***

В общем и целом, теоретический посыл, лежащий в основе материалистического понимания истории и теории общественных формаций, ясен. Он подразумевает, что существуют очень серьезные ограничения, накладываемые на конкретную историческую «форму» общества уровнем развития производительных сил. Этот посыл может иметь следующую формулировку: «Развитие экономики (понимаемой в самом широком смысле как производство и воспроизводство социального бытия), связанное с преобразующим характером предметной деятельности, ведет к развитию производительных сил, что на определенном этапе неизбежно вызывает необходимость изменения и производственных отношений. Но в силу того, что существующие производственные отношения закрепляются в регулятивных нормах надстройки, в какой-то момент надстройка перестает соответствовать уровню производства и становится тормозом развития общества. Нарождающийся новый базис в структурах еще существующей прежней общественной формы требует совершенно новых регулятивных механизмов (форм го-

сударства, права, морали), но этому препятствует старая надстройка, функции которой выполняют прежние господствующие классы. <...> Изменения, характеризующие прежде всего отношения производства, рано или поздно вступают в противоречие с устоявшимися социальными структурами, сформировавшимися на основе прежних форм производства; это создает условие для революции: новые формы производства и детерминированные ими отношения больше не могут уживаться со старыми формами государства и права»¹. Такова в целом картина развития общества: одни способы производства приходят на смену другим, что влечет за собой закономерную ротацию надстроек. Погружаясь в конкретный контекст, мы можем опираться на эту идею, говоря об историчности тех или иных общественных структур, идеологий, представлений о человеке и т. д. Для этого и не нужен какой-то четкий универсальный критерий выделения общественных формаций. Маркс, говоря об общественных формациях, не создает никакой *теории* общественных формаций. Нужно помнить, что сам концепт «формация» в трудах Маркса и Энгельса являлся скорее метафорой. Для них главным было показать, что капитализм историчен, что он является всего-навсего определенным этапом развития человечества, на смену которому должно прийти что-то новое.

Поэтому необходимо иметь в виду, что теория (то есть нечто развернутое) общественных формаций²

---

¹ Кондрашов П. Н. Онтологические структуры историчности. Исследование философии истории Карла Маркса. М.: URSS, 2014. С. 150–151.

² Пока воспользуемся следующим определением: общественная формация (*Gesellschaftsformation*) — исторически сложившийся на основе опре-

является скорее результатом изысканий советских ученых-обществоведов, нежели масштабным явлением мировой науки¹. В трудах классиков марксизма мы найдем лишь очень редкие разрозненные фрагменты (к примеру, в «Немецкой идеологии»², в предисловии «К критике политической экономии»³, в третьем наброске ответа на письмо В. И. Засулич⁴ и др.), в которых тема исторического развития затрагивается максимально кратко, причем один фрагмент зачастую противоречит другому. В «Немецкой идеологии»

деленного способа производства и соответствующей ему надстройки тип общества, характеризующийся определенными технологиями и техническими средствами, социальной структурой, механизмами производства, распределения и потребления, господством той или иной формы собственности, теми или иными формами духовного освоения мира. Иными словами, под общественной формацией понимают определенную систему социальных явлений и отношений, внутренне связанных друг с другом и зависящих друг от друга, организм, материальной основой которого является способ производства.

¹ Отмечая это, мы вовсе не желаем принизить вклад зарубежных исследователей-марксистов в исторический материализм как таковой (см., например: История марксизма. Т. 1. Марксизм во времена Маркса. М.: Издательство «Прогресс», 1984; Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007; Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Издательский дом «Территория будущего» и многое другое, 2010). Речь идет о том, что теория общественных формаций как нечто системно (можно даже сказать — институционально) развивающееся является достоянием советской (и внешне примыкающей к ней) общественной науки.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–544.

³ Маркс К. К критике политической экономии / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 1–167.

⁴ Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 400–420.

Маркс и Энгельс рассматривают племенную, античную, феодальную, буржуазную *формы собственности* (заметим, форма собственности — это отнюдь не то же самое, что способ производства). В предисловии «К критике политической экономии» Маркс выделяет уже азиатский, античный, феодальный и буржуазный *способы производства* как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹. В третьем наброске ответа на письмо В. И. Засулич Маркс говорит о трех больших *общественных формациях* — первичной, вторичной и третичной². В «Капитале» и вовсе применяется неупорядоченный набор терминов, употребляющихся в разных значениях: «общественная формация», «общественно-экономическая формация», «формация общественного производства», «экономическая формация»³. Следует отметить, что для Маркса понятие «формация» во многом является попросту метафорой, взятой из геологии⁴. При этом во втором томе «Капитала» термин «формация» не упоминается во-

¹ Маркс К. К критике политической экономии / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 7.

² Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 400–420.

³ Маркс К. Капитал. Т. 1 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы; Маркс К. 1962. Капитал. Т. 3 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.

⁴ Маркс часто вместо слова *формация* употребляет термины *ступень, форма*. Например, в первом томе «Капитала» Маркс говорит о «более высокой общественной форме, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума» (Маркс К. 1960. Капитал. Т. 1 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 605).

обще, а в третьем томе мы только в нескольких местах находим термины «общественная формация» и «экономическая формация общества» (например: «...с точки зрения более высокой экономической формации общества частная собственность отдельных индивидумов на земной шар будет представляться не в меньшей степени нелепой, чем частная собственность одного человека на другого человека»¹).

Сама по себе теория общественных формаций является, по сути, следствием творческой переработки того, что писали Маркс и Энгельс в своих сочинениях. Это было результатом систематического применения принципов материализма к изучению истории и анализу глобальных общественно-политических тенденций. И если Маркс и Энгельс обращались к термину «формация» довольно редко, то в Советском Союзе теория общественных формаций превращается в целую отрасль обществоведческих исследований. Думается, многочисленные дискуссии об общественных формациях свидетельствуют о довольно благородном побуждении — познать «логику» исторического развития², не просто скользить по поверхности общественных явлений, но усматривать в *человеческой истории закономерный глобальный процесс*, которым можно в соответствии с познанной необходимостью пытаться управлять (или, по крайней мере, выстраивать долгосрочные прогнозы, осознавать не-

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 3 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 337.

² Вазюлин В. А. Логика истории: Вопросы теории и методологии. М.: Ленанд, 2019.

обходимость тех или иных перемен). В то время как на Западе продолжали приветствовать в капиталистической экономике очищенную от традиции «правильную» на все времена систему с ее вечно молодым «человеком экономическим» (что тоже есть форма теоретического догматизма) или разрабатывали «социологические» концепции стадийного развития (например, теории постиндустриального/информационного общества), в Советском Союзе велись острые дебаты об универсальности механизмов смены общественных формаций, о непогрешимости «европоцентричной» пятичленной системы (например, имела ли место «азиатская» формация¹), о количестве реально существовавших общественных формаций и т. п.

Конечно, партийный идеологический диктат негативно сказался на способности теории общественных формаций творчески развиваться. Часто дискуссии об общественных формациях превращались в догматические «подгонки» фактов под канонизированную «пятичленку»². Некоторые проблемы теории были об-

---

¹ См.: Качановский В. Ю. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М.: Издательство «Наука», 1971.

² Это также видно по тому, как многие авторы, в советские времена придерживавшиеся «канона», в 90-е и нулевые годы радикально или существенно меняли свои взгляды (например, Т. И. Ойзерман и многие другие). Ср.: «Великая Октябрьская социалистическая революция, — говорится в Программе КПСС, — открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и утверждения коммунизма. Социализм восторжествовал в Стране Советов, одержал решающие победы в странах народной демократии, стал практическим делом сотен миллионов людей, знаменем революционного движения рабочего класса всего мира». В наше время, когда социализм победил на значительной части земли и доказал свое превосходство над капитализмом, враги марксизма

условлены незрелостью реальных предпосылок разложения капиталистической системы и развития посткапиталистических общественных отношений. Часто научные выводы и прогнозы «редактировались» идеологическими лозунгами. *Основной же проблемой, как мы полагаем, являлось так и не найденное рациональное решение вопроса о том, какой принцип должен лежать в основе выделения общественных формаций.* В итоге за основу зачастую брались вторичные параметры, которые не могут достоверно указывать на то, что мы, как в случае с СССР, имеем дело с принципиально новым этапом общественного развития. Среди наиболее часто встречающихся критериев можно выделить следующие: *преобладающие формы собственности, исторические типы техники, а также специфику производственных отношений.*

***

Преобладающая форма собственности («правовая форма собственности»). Заранее отметим, что определение общественных формаций по преобладающей форме собственности не означает, что из рассмотрения исключаются все остальные моменты исторического процесса (эволюция средств производства, производственные отношения и т. п.). Скорее здесь имеет ме-

---

уже не могут третировать научный социализм как беспочвенную, несбыточную утопию» (Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. С. 17); «Нельзя, конечно, согласиться с этим определением ревизионизма, который представляет собой не политиканство, приспособляющееся “к поворотам политических мелочей”, а вполне определенную, последовательную политику и также вполне оправданную критическую позицию относительно основ марксизма» (Ойзерман Т. И. Марксизм и утопизм. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 439).

сто стремление к классификационной наглядности: становлению той или иной формы собственности соответствуют определенные производственные отношения и порождающие их производительные силы («каковы формы собственности, таковы и производственные отношения»¹).

Как было отмечено выше, Маркс и Энгельс делили историю развития человечества на этапы исходя из тех или иных преобладающих форм собственности (в «Немецкой идеологии»², «Экономических рукописях 1857–1859 годов»). В итоге зачастую понятия «форма собственности» и «общественная формация» оказывались тождественными. К примеру, в книге «К теории общественных формаций» Ф. Тёкеи ведет речь об эволюции форм собственности. Он рассматривает эволюцию докапиталистических общественных формаций как постепенное разложение общины и становление частного землевладения. При этом азиатская, античная и германская (феодалная) формы собственности являются этапами данного длительного процесса. По мнению Тёкеи, при первой форме «естественно возникшая община есть субстанция, где индивиды представляют собой лишь ее атрибуты, при второй форме община есть такое общее, которое, даже отде-

---

¹ Кабаев Г. Что такое способ производства. М.: Московский рабочий, 1961. С. 33.

² Хотя еще раньше в «Экономическо-философских рукописях» мы находим следующее: «Именно то обстоятельство, что *разделение труда* и *обмен* суть формы частной собственности, как раз и служит доказательством как того, что *человеческая* жизнь нуждалась для своего осуществления в *частной собственности*, так, с другой стороны, и того, что теперь она нуждается в упразднении частной собственности» (Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 615).

ленное от индивидов, может обладать самостоятельным существованием, и, наконец, в третьей форме община есть лишь придаток по отношению к индивидам. Рассматривая развитие в целом, нетрудно обнаружить, по существу, те же три фазы: в докапиталистических формах все индивиды — пусть это землевладелец или работающий частный собственник — являются непосредственными членами общины, неотделимы от нее, при капиталистической форме подлинная “общность” обособлена и отчуждена от индивида, противостоит ему как нечто овеществленное, и, наконец, при коммунизме индивиды сами являются творцами общности, которая им принадлежит и ни в коем случае не может им противостоять»¹.

Однако проблема данного подхода заключается в том, что на второй план отодвигаются более существенные аспекты способа производства. Как отмечает В. Ж. Келле в послесловии к книге Тёкеи, возникает вопрос: чем же определяется внутренняя логика исторического процесса? «Ф. Тёкеи пытается дать ответ на этот вопрос с помощью своих формул-схем, изображающих основные формы собственности. Действительно, ему удастся показать, что в смене форм собственности от племенной до коммунистической отражается внутренняя логика всемирно-исторического процесса. Но автор все-таки не акцентирует внимание на том главном обстоятельстве, что сама эта логика развития форм собственности “задается” развитием производительных сил, и прежде всего орудий труда»².

---

¹ Тёкеи Ф. К теории общественных формаций. М.: Издательство «Прогресс», 1975. С. 166.

² Там же. С. 265.

Более того, как только в поле зрения разработчиков теории общественных формаций начали чаще попадать неевропейские страны, выяснилось, что рассмотренная выше эволюция форм собственности им совершенно не соответствует. Очевидно, в зависимости от каких-то обстоятельств, внешних для самого *технического ядра* способа производства (например, войны, позволявшие завозить в массовом порядке рабов), *существовавшие* формы эксплуатации и собственности попросту сменяли друг друга в качестве преобладающих. Иными словами, *появились причины отнести процессы смены форм собственности скорее к «надстроечным», нежели к «базисным»*. По крайней мере, подчеркивалось, что *смена преобладающей формы собственности еще не означает одновременной трансформации способа производства*. Как отмечает В. П. Илюшечкин, «метод выведения антагонистических классов из господствующих форм частнособственнической эксплуатации, восходящий к историко-социологической концепции А. Сен-Симона и его последователей, явно не срабатывает на современном уровне знаний о системе добуржуазной частнособственнической эксплуатации, поскольку оказывается, что ее господствующих форм было не две, как считалось некогда, а четыре (рабство, крепостничество, докапиталистическая аренда и колонат) и что сменяли они одна другую — там, где такая смена происходила, — в самой различной последовательности»¹. В. П. Илюшечкин обнаружил, что не существовало никакого рабовладельческого

---

¹ Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 256.

и феодального способов производства. И так называемые рабовладельческие, и феодальные общества «базирировались на природно-обусловленной, натуральной системе производительных сил, для которой были характерны: основанное на ручном труде и очень несложной инструментальной технике рутинное сельское хозяйство в качестве основного занятия подавляющего большинства массы населения, преобладание живого труда над овеществленным в средствах производства, недостаточное развитие товарно-денежных отношений, преобладание обмена между обществом и природой над обменом в обществе, естественного разделения труда по полу и возрасту в производственных ячейках над общественным разделением труда, абсолютное господство таких форм организации труда, которые исключали его кооперацию и комбинирование, преимущественно натуральное и полунатуральное производство, рассчитанное прежде всего на удовлетворение собственных потребностей производителей, и т. д.»¹. Феодализм — это, как показывает Илюшечкин, *явление политико-правовое*, в то время как «широкое распространение рабства в отдельных странах Древнего мира являлось не правилом, а исключением и было обусловлено не какой-либо общенсторической закономерностью, но лишь стечением особо благоприятных для этого обстоятельств»². Фактически в сословно-классовых обществах лишь менялись количественные соотношения в распространенности тех или иных форм экс-

---

¹ Там же. С. 196.

² Там же. С. 221.

плуатации (рабская, оброчная, крепостническая, арендаторская и наемный труд).

Примечательно, что из этого вытекает следующее: *осуществленный большевиками государственный переворот, повлекший за собой смену преобладающей формы собственности, не означал переход общества в качественно новое состояние, то есть переход к новой общественной формации.* Данное положение объясняет все известные антиномии СССР, и в частности тот факт, что под коммунистическим идеологическим соусом существовала громоздкая система эксплуатации труда совокупным эксплуататором в лице государства. *Юридический статус эксплуататора несколько изменился, но суть производственных отношений поменялась мало*¹. М. И. Воейков справедливо отмечает, что многими чертами советское общество больше напоминало буржуазное, чем социалистическое: «...под буржуазностью в данном случае понимается стремление человека (или группы людей, слоя, класса) в своей повседневной, и прежде всего хозяйственной, деятельности следовать правилам рационального экономического поведения. Буржуазность — это скрупулезное соизмерение затрат и результатов труда, бережливость, экономичность, говоря по-старому, хозрасчет, экономическая рациональность, возведенная в высший принцип существования, в религию»².

Исторические типы техники. Другой подход — выделять общественные формации в соответствии с исто-

---

¹ См., например: Кржевов В. С. Теория общественно-экономических формаций и программа социалистической революции в России // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 47–57.

² Воейков М. И. Вперед к капитализму? К вопросу о предстоящей стадии социально-экономического развития России // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 134.

рическими типами техники. Думается, этот подход уже ближе к истине, ведь именно техника определяет саму суть производственного процесса, служащего основанием для экономического уклада. Маркс пишет, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹. Соответственно, нередко преобладающие формы собственности исследователи связывают с тем или иным уровнем развития техники и технологий. К примеру, так поступает В. А. Вазюлин, характеризуя разницу между рабовладельческой и феодальной общественными формациями следующим образом: «...рабовладельческие отношения возникли и развились при преобладающем применении каменных и деревянных ручных орудий труда в земледелии и скотоводстве. Господство крупной *частной собственности на землю* уже неизбежно предполагает широкое применение железных орудий в земледелии. Только при преобладании в земледелии железных орудий труда, т. е. орудий, с необходимостью предполагающих предварительную обработку, становятся возможными преодоление господства в земледелии естественно возникшего отношения к земле и установление господства *частной собственности на землю*»². Зрелому же капитализму соответствует, по

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 191.

² Вазюлин В. А. Логика истории: Вопросы теории и методологии. М.: Ленанд, 2019. С. 280.

мнению историка, техническая база крупного производства: «...механическое, непрерывное, правильное движение частей рабочей машины коренным образом отличается от функционирования двигательной силы человека и животных, а также от нерегулярной механической силы воды и ветра, если они непосредственно применяются для приведения в движение машин»¹.

Однако можно заметить, что и такой подход имеет свои существенные недостатки. *Прежде всего, очень трудно выделять количественный и качественный аспекты развития техники (и технологий). Качественных исторических типов техники можно указать бесконечное множество.* Например, в капиталистическую эпоху технологических укладов сменилось уже довольно много, но суть производственных отношений (сами базовые основы капиталистической системы) от этого изменилась мало.

Еще одна связанная с технико-технологической исследовательской оптикой проблема — попытки ассоциировать наступление коммунистической общественной формации с некоторым уровнем научно-технического развития, который при минимальном приложении совокупного общественного труда позволял бы обеспечивать изобилие материальных благ. Эти попытки приводили к, условно говоря, «завышенным» оценкам научно-технических возможностей эпохи. Так, уже классики марксизма утверждали (при этом часто вступая в противоречие с другими своими тезисами), что в их время уже все готово для построения социализма. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: «Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне

---

¹ Там же. С. 311.

достаточные и с каждым днем все улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей, — эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно достигнута»¹. В СССР в официальной пропаганде отмечались грандиозные достижения науки и техники, приближающие настоящий коммунизм². Разумеется, никакого реального приближения коммунизма при этом не было.

Специфика производственных отношений. Наконец, с точки зрения идеологии было выгодно делать упор на специфику производственных отношений. В конце концов, на официальном уровне можно было утверждать, что в стране отсутствует эксплуатация человека человеком, все средства производства принадлежат государству (трудящемуся народу) и т. п. Как отмечают авторы коллективной монографии

---

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 294.

² Пример: «...особенно больших успехов добился Советский Союз. Когда-то царская Россия в экономическом отношении далеко отставала от других капиталистических стран. А теперь наша страна занимает второе место в мире по уровню промышленного производства после Соединенных Штатов Америки. В ближайшие годы трудящиеся СССР будут иметь самый короткий в мире рабочий день и рабочую неделю. С октября 1960 года началась постепенная отмена налогов с рабочих и служащих. К концу семилетки взимание налогов прекратится окончательно. Советская наука в ряде отраслей заняла ведущее место в мире. Достаточно напомнить о запуске искусственных спутников Земли и космических кораблей, которые готовят полет человека в космос. Это ли не поразительные достижения социализма, не доказательства его превосходства над капитализмом!» (Кабаетов Г. Что такое способ производства. М.: Московский рабочий, 1961. С. 4).

«Марксистско-ленинская теория исторического процесса» (1983), «ограничивать исследование материальной основы исторического процесса производственной техникой — значит заведомо ставить преграду для выяснения различий докапиталистических способов производства. С таких позиций нельзя, например, провести принципиальную черту между социализмом и современным капитализмом. Не всегда учитывается также и то, что производительные силы необходимо рассматривать в диалектической взаимосвязи с производственными отношениями, ибо две стороны общественного способа производства всегда функционируют в неразрывном единстве и не могут характеризоваться одна без другой»¹.

Данный тезис вполне закономерен, поскольку нужно было как-то оправдывать сосуществование «реального социализма» и капитализма примерно на одном научно-техническом уровне развития. При этом было принято рассматривать производительные силы в диалектике с производственными отношениями², будто

---

¹ Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 360.

² Такую аргументацию можно встретить и сегодня. Так, Б. Ф. Славин пишет: «...для подлинного марксистского понимания реальной ситуации здесь нужна не формальная, а диалектическая логика, не технологический детерминизм... и вытекающий из него автоматизм смены общественных отношений, а признание детерминизма общественных отношений и человека по отношению к технике» (Славин Б. Ф. Возвращение Маркса: О социальном идеале Маркса и исторических судьбах социализма. М: ЛЕНАНД, 2019. С. 240). И далее: «...что же, с моей точки зрения, обуславливало “рабочий”, а в перспективе социалистический характер советского государства? Прежде всего, государственная собственность на основные средства производства, с одной стороны, и сознательный или планомерный характер развития экономики и социальной сферы — с другой. Наряду с известными

бы плановая экономика и государственная собственность на средства производства принципиально меняют саму общественную формацию (саму суть производственных отношений со всеми вытекающими следствиями). Однако фактически при подобном подходе предлагается рассматривать в качестве главенствующего *политический* фактор, словно *преимущественно* политическими актами можно преобразовать производственные отношения и тем самым изменить общественную формацию. В данном случае мы рискуем выдать желаемое за действительное. Так было в СССР: всецело провозглашалось, что созданные большевиками новые институты управления экономикой — это и есть производственные отношения коммунистической общественной формации (пусть даже ее первой «стадии»). Между тем реальная новизна свелась лишь к появлению одного огромного эксплуататора. Сущность производственных отношений в СССР мало чем отличалась от таковой в США или Европе: имели место эксплуатация труда, денежные отношения, экономическая конкуренция между отдельными производственными единицами и т. п.

Иными словами, ситуация оказывается весьма сложной: или никакие общественные формации как устойчивые, качественно определенные стадии развития общества выделить невозможно, или нужно искать другой критерий их выделения. Имеющиеся же критерии либо являются поверхностными (например,

---

идеологическими и политическими причинами именно эти объективные факторы заложили социалистический вектор развития советского общества, обеспечивающий в первую очередь удовлетворение интересов рабочего класса и трудового крестьянства» (Гам же: С. 243).

по преобладающей форме собственности), либо упираются в довольно сложную, преимущественно количественную, категорию уровня технологического развития. Ясно, что искать нужно в направлении, связанном с техникой и технологиями, но не ограничиваться ими. Никакие перевороты *только* в производственных отношениях не могут изменить тех жестких ограничений, которые налагают на человеческую свободу материальные условия «производства жизни». Но нам нужно найти более подходящий, качественный, критерий, который бы позволил представить целостную логику исторического процесса.

1.2. Преобладающий источник потребительных ценностей как критерий выделения общественных формаций

Основной тезис данной главы заключается в том, что критерием выделения общественных формаций мог бы быть *преобладающий источник потребительных ценностей*¹. Под ним здесь подразумевается *преобладающий материальный фактор в процессе формирования полезных*

---

¹ Речь идет о Марковом *Gebrauchswert*, изначально переведившемся как «потребительная стоимость». Многие исследователи считают, что *Gebrauchswert* желательнее переводить как «потребительная ценность», поскольку это избавляет данное понятие от чисто рыночных коннотаций. «Свойством полезности, — пишет П. Н. Кондрашов, — обладают все явления (как естественные, природные, так и искусственные), имеющие значимость для человека. Наличие этого свойства не зависит от формы общественного производства, ибо продукты природы и труда имеют полезность, или потребительную ценность, и в первобытном, и в рабовладельческом, и в феодальном, и в капиталистическом обществах» (Кондрашов П. Н. Нелепость, ставшая привычкой // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 210).

свойств тех или иных благ, удовлетворяющих человеческие потребности. Этот фактор определяет, какова роль в экономическом процессе непосредственных производителей, что, в свою очередь, обуславливает систему властных отношений и отношения эксплуатации и отчуждения.

В целом можно выделить четыре основных преобладающих источников потребительных ценностей:

- 1) *природные процессы;*
- 2) *контролируемые природные процессы;*
- 3) *труд;*
- 4) *творчество.*

Источниками потребительных ценностей обуславливаются *преобладающие формы производительной деятельности:*

1. **Присвоение** — простое изъятие у природы материальных благ.

2. **Регуляция природных процессов** — преобразующая деятельность с целью извлечения благ, «созидаемых» преимущественно природой (хотя здесь речь идет уже о том, что обусловлено трудом¹). Человек выступает главным образом в роли активного регулировщика природных процессов.

3. **Трудовая деятельность** — действия по активному материальному преобразованию самого природного мира, приносящие экономическую пользу. При этом потребительная ценность тех или иных благ определяется уже не столько природными процессами, сколько самим трудом.

---

¹ К примеру, люди уже не просто убивают животных, но преобразуют окружающую среду так, чтобы животные приносили больше благ: приручают их, строят загоны, способствуют их разведению, проводят селекцию и т. п.

4. *Творческая деятельность* — нематериальные по своей сути действия (подразумевающие внутреннюю, духовную деятельность, что не исключает ее направленность на материальные объекты), нацеленные на создание идей, концепций, теорий, знаний и т. п., на решение социальных (воспитательных, образовательных и т. п.) или производственных задач.

NB! Категории «труд» и «творчество» в данной схеме не тождественны (хотя принято говорить об интеллектуальном, творческом труде и т. п.). Труд здесь — это совокупность измеримых физических операций, материальное преобразование мира. Напротив, творчество не связано напрямую с физической, телесно-материальной деятельностью, оно «происходит» в области идеального, в сознании. Соответственно, и продукты творческой деятельности (идеи, решения, концепции, новые подходы) не материальны (скорее направлены на материальное), их нельзя точно подсчитать или присвоить — они могут быть только засекречены, или же некоторые обусловленные ими экономические блага могут присваиваться кем-либо в силу рентных отношений (патенты и т. п.).

Очевидно также, что человеческий труд всегда прикладывается к природе (в том или ином формате работы и среды), и он в любую историческую эпоху неотделим от творчества. Речь идет, во-первых, о *преобладающих* в те или иные эпохи источниках потребительных ценностей. Во-вторых, в любом благе также можно найти *основной* источник его полезных свойств. Если

растущая в лесу земляника совершенно не требует приложения труда, чтобы «появиться», то искусственная земляника, елочная игрушка например — это уже в большей степени результат труда, сочетания сложных координированных действий по активному материальному преобразованию исходного «природного» материала. Другой пример: стоимость современного смартфона лишь отчасти обусловлена трудом и природными ресурсами, затраченными на его производство. Два требующих примерно одинаковых затрат человеческого труда и материальных ресурсов смартфона могут отличаться по своим полезным свойствам и, следовательно, по стоимости в десятки и сотни раз. Эта разница обусловлена преобладанием творчества как источника потребительных ценностей.

При этом стоит учитывать, что преобладающие формы производительной деятельности еще не характеризуют полностью ту или иную общественную формацию — специфику производственных и складывающихся вокруг них общественных отношений. Они прежде всего указывают на роль отдельных людей в экономике. Эта роль может быть ключевой (как при трудовой деятельности), а может быть второстепенной¹ (как при регуляции природных процессов).

---

¹ Этот момент стоит пояснить. Никто не спорит с тем, насколько трудной была жизнь, скажем, крестьян в докапиталистическую эпоху. Также очевидно, что без их труда не было бы конечного продукта. Но труд этих крестьян был «вторичен» в том смысле, что он скорее подстраивался под природные процессы. Вся трудовая деятельность словно

Но это то и оказывается важным, так как в итоге именно от данного фактора зависит итоговое соотношение сил в классовой борьбе и, соответственно, исторический тип производственных отношений, который, в свою очередь, и характеризует общественную формацию. Посмотрим, как это работает на практике (как преобладающие источники потребительных ценностей в итоге определяют исторический тип производственных отношений) и попутно поймем, какие общественные формации можно выделить.

Природные процессы. Если основным источником потребительных ценностей являются природные процессы¹, то речь должна идти об обществе охотников и собирателей. Труд в таком обществе неразвит. Да, роль конкретных производителей (это могут быть, скажем, охотники на мамонтов) минимальна, ибо она заключается лишь в изъятии у природы уже «сформированных» благ. Однако «присваивающая» роль не означает ничтожного социального положения, так как возможности появления излишков несущественны. Поэтому указанные обстоятельства спо-

---

«подчинялась» природным циклам, капризам погоды, ограниченности доступных ресурсов и т. п. В итоге производительность обуславливалась вовсе не «усовершенствованием» самого труда (и развитием сущностных сил человека), а попытками подстроиться под естественные условия. Человек мог что-то делать до тех пор, пока не упирался в потолок природных возможностей (например, пределы урожайности земли).

¹ Так, можно рассматривать охоту на мамонта как довольно большой труд: нужно сделать копьё, организовать в коллектив охотников, выследить, убить мамонта, разделить его мясо и т. п. Однако все равно подавляющую часть «работы» делает природа: этот мамонт сначала был зачат, потом родился, долгие годы ходил и набирал вес (не говоря уже о миллионах лет эволюции и появления самого вида «мамонт»), потреблял ресурсы природы, рос и т. п.

способствуют «первобытному коммунизму» и кочевому образу жизни. Общественную формацию, в рамках которой основным источником потребительных ценностей являются природные процессы, можно обозначить как *доклассовую*.

Контролируемые природные процессы. Регуляция природных процессов способствует развитию общества сельскохозяйственных производителей и добытчиков ресурсов (речь идет о большей части населения). Труд играет вторичную роль, ибо скорее *создает благоприятные условия для природного «возникновения» экономических благ или организованно извлекает их*¹. При этом появляются возможности присвоения излишков, что приводит к формированию государства и антагонистических общественных отношений (рабовладение, вассально-ленные отношения и т. п.). Для данного общества *характерен экстенсивный характер экономического развития; это оборачивается уменьшением производительности труда по мере освоения новых земель (более труднодоступные и менее плодородные земли, по Д. Рикардо)* и создает постоянный риск «перепроизводства» рабочей силы при уменьшающихся экономических возможностях («мальтузианская ловушка»).

---

¹ Здесь наша схема пересекается с концепцией исторических типов техники В. П. Илюшечкина: «Система производительных сил, фиксируемая вторым историческим типом техники и свойственная сословно-классовой стадии развития общества, тоже была природообусловленной, натуральной в своей основе, поскольку господствующее положение в ней занимали такие естественные средства и условия производства, как работники производства, обрабатываемая земля и домашний скот. Однако она представляла собою качественно гораздо более высокую ступень, чем предшествовавшая ей, поскольку являлась основой производящего хозяйства» (Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблематика). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 206).

Важно отметить следующее: регуляция природных процессов порождает рентный тип частнособственнической эксплуатации (В. П. Илюшечкин). Классовое деление обуславливается применением *физической силы*, что в итоге оформляется как сословная (или кастовая) система. Это актуально как для так называемых «рабовладельческих», так и для «феодалных» обществ. При этом, подчеркнем, *масса непосредственных производителей не имеет почти никакого политического значения, так как положение господствующих социальных слоев обусловлено вовсе не умелой и рациональной эксплуатацией труда, а насильственным захватом более богатых земель.* Подобное положение дел ведет к затяжному технологическому «застою», ибо при природорегулирующем способе экономической деятельности развитие рабочей силы, побочным следствием чего является гуманизм, личностное развитие (путем получения образования и т. п.) и т. п., нецелесообразно.

Общественную формацию, в рамках которой преобладающим источником потребительных ценностей являются контролируемые природные процессы, можно обозначить как *сословно-классовую*.

Труд. Труд, как преобладающий источник потребительных ценностей, подразумевает, что уже сама трудовая деятельность² *преимущественно* создает экономические блага («природная» сторона постепенно

¹ Конечно, можно говорить о том, что и крестьяне в эпоху феодализма своим трудом «производили» пшеницу. Однако это будет, скорее, преувеличением, так как фактически крестьянин не производит пшеницу (по крайней мере, «от и до»), а в большей мере — создает условия для ее природного «возникновения».

² О моем понимании труда см. примечание выше.

уходит на второй план). Роль творчества в экономической деятельности становится более значимой, но все же оно играет второстепенную роль. Для общества, в котором труд является преобладающей формой производительной деятельности, характерен *интенсивный* характер экономического развития: по мере экономического роста производительность труда повышается, ибо производство сводится к все более сложной обработке природного материала.

Старые общественные антагонистические отношения сменяются новыми (опустим здесь конкретику отношений эксплуатации наемного труда, которые и так хорошо описаны классиками). Перепроизводство рабочей силы отчасти сохраняется, *однако само по себе создание совокупного общественного богатства ставится в прямую зависимость от качества труда как ключевой производительной силы*. Это порождает потребность в большей мобильности «армии труда» (уничтожение крепостного права, ликвидация рабства), в ее постепенной оптимизации (распространение систем массового образования, институтов трудовой социализации, появление институтов социальной политики государства и т. п.). Совершенствование труда производится не только путем развития трудовых навыков, но и посредством все большей интеграции труда с технологической средой (и активного развития последней). А поэтому огромную роль начинает играть конкурентная борьба за развитие технологий применения и эксплуатации труда и повышение его *производительности*. *Поскольку роль труда становится преобладающей, растет и «политический вес» эксплуатируемого класса трудящихся, возникает феномен «массовой демократии* (при всех ее изъянах, хорошо известных лю-

бому марксисту). Непосредственные производители словно выдвигаются вперед, заявляя о *первостепенной важности своего труда* (вспомним, например, как индустриальные рабочие «шантажировали» капиталистов забастовками и остановками производств).

Общественную формацию, базирующуюся на трудовом преобладающем источнике потребительной деятельности, можно обозначить как *капиталистическую*. Почему именно «капиталистическую»? Возьмем за основу определение из Большой советской энциклопедии: капитализм — «общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности на средства производства и эксплуатации наемного *труда* капиталом <...> Основные признаки К.: господство товарно-денежных отношений и частной собственности на средства производства, наличие развитого общественного разделения труда, рост обобществления производства, превращение рабочей силы в товар, эксплуатация наемных рабочих капиталистам»¹. Как правило, в этом определении принято подчеркивать такие моменты, как «частная собственность на средства производства» или «господство товарно-денежных отношений». Однако, на мой взгляд, эти черты не являются *сущностными*. В конце концов, в СССР была произведена попытка избавиться от частной собственности на средства производства и господства товарно-денежных отношений, но это привело к превращению государства в одного большого *капиталиста*.

Куда точнее раскрывают сущность капитализма такие его характеристики, как развитое общественное

---

¹ Капитализм / Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/1102.htm> (дата обращения 18.11.2020).

разделение *труда*, развитое обобществление производства (понимаемого как производство *материальное*) и превращение *рабочей силы* в товар. Если сравнивать капитализм с предшествующими общественными формациями, то только в капиталистическую эпоху труд как *физическая, телесная активность* становится главным источником потребительных ценностей. До этого, какой бы утомительной ни была работа крестьян и ремесленников, основное богатство рождала земля. Роль человека заключалась в своевременном управлении природными процессами. Как уже было отмечено выше, такая ситуация обуславливала второстепенную общественную роль конкретных производителей (остававшихся «придатком земли»), от примитивного труда которых мало что зависело. В капиталистическом обществе все кардинально меняется. Какими бы изощренными ни становились технические приспособления и машины, в капиталистическую эпоху труд находится в центре экономической жизни: его совершенствуют, создают для него комфортные условия, пытаются «научно» к нему подойти, его, в конце концов, эксплуатируют и «выжимают» из него (вернее — из *рабочей силы*) прибавочную стоимость.

Таким образом, главной чертой капитализма стоит считать не столько рынок или преобладание частной собственности, сколько саму материальность, механичность «трудового» производства. Это ведет к выстраиванию специфических производственных отношений, а именно системы конкурентной борьбы за наиболее *эффективное*, то есть тщательно спланированное и продуманное совмещение труда и технических приспособлений. Вся система капиталистиче-

ской экономики построена на принципах всеохватной *рационализации* и «калькулируемости» практически каждого действия в сложных производственных и торговых цепочках, что оказывается возможным как раз ввиду «механической» природы труда и материального производства. Отсюда «математичность» рыночной экономики, связанная с деньгами как мерой стоимости. Капитализм — это система, где все выражается в цифрах (ценах, курсах валют и т. п.), где «все можно купить за деньги». Там же, где все поддается рационализации, алгоритмизации и т. п., неизбежны особые формы власти, которая приобретает «телесную» направленность: непосредственных производителей уже недостаточно поселить на определенном участке земли, чтобы потом просто «пассивно» собирать ренту.

При этом важно отметить, что разные (второстепенные, не затрагивающие *глубинной сути* производственных отношений) исторические обстоятельства, например результаты борьбы антагонистических классов, могут обуславливать различные политико-правовые оформления производственных отношений в рамках рассматриваемой общественной формации: (почти) «чистый» капитализм, «шведский социализм», «интегральное общество»¹ и т. п. — в зависимости от того, какая в данный момент тенденция побеждает — элитарная или эгалитарная, рыночная или государственническая².

---

¹ Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика. М.: URSS, 2016.

² А потому наблюдается классовая борьба не рабочего класса с буржуазией, а рабочего класса с эксплуататорами наемного труда — буржуазией и государством (которое, надо признать, предстает то как самостоятельный эксплуататор, то как инструмент решения социального вопроса в пользу трудящихся).

NB! Материалистическое понимание истории не обязательно подразумевает строгую линейность развития. Общественная формация — это не строго зафиксированный набор параметров. С помощью материалистического понимания истории можно анализировать, условно говоря, «магистраль» развития общества, но эта «магистраль» может быть довольно широкой, иметь множество «полос». Поэтому представляется вполне резонным и обоснованным синтез формационного и цивилизационного подходов к изучению истории¹.

Главным последствием опоры на поверхностные или количественные по своей сути критерии выделения общественных формаций стал ошибочный, на мой взгляд, тезис, по которому исторический социализм (как мы убедились, де-факто лишь иное политико-правовое оформление все того же *капитализма*) являлся новой (посткапиталистической) общественной формацией. Согласно одному из основных принципов материалистического понимания истории, изложенному еще классиками марксизма, никакая новая общественная формация не складывается до тех пор, пока старая не создаст достаточные для того материальные предпосылки². Логично, что это

---

¹ Шевченко В. Н. Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 33–44.

² К. Маркс: «Историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда, с одной стороны, потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей, и когда, с другой стороны, всеобщее трудо-

подразумевает довольно долгий период, когда эти предпосылки еще не созданы, а стало быть, невозможно предсказать, какой будет следующая общественная формация. Отмечу, что идея социализма как альтернативы капитализму зародилась в позднем Ренессансе (хотя сам «дух» социализма проявлял себя уже в раннехристианских общинах¹), то есть во времена складывания еще только *предпосылок* буржуазного общества. Но был ли социализм в его исторических формах чем-то реально выходящим за пределы капитализма?² Учтем, что «Утопия» Т. Мора написана

любие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достоинство нового поколения, — когда, наконец, это всеобщее трудолюбие, благодаря развитию производительных сил труда, постоянно подстегиваемых капиталом, одержимым беспредельной страстью к обогащению и действующим в таких условиях, в которых он только и может реализовать эту страсть, приведет к тому, что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии» (Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. С. 171).

¹ См.: Каутский К. История социализма: Предтечи новейшего социализма. М.: Академический проект, 2013.

² Здесь нужно еще отметить теорию единого индустриального общества Р. Арона, согласно которой капиталистическое и социалистическое общества представляют собой две разновидности индустриального общества (их главными отличиями являются политические режимы и формы собственности на факторы производства) (см.: Aron R. Dix-Huit Leçons Sur La Société Industrielle. Paris: Gallimard, 1962. [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.irevues.inist.fr/handle/2042/30131> (дата обращения: 14.03.2021)). Более того, можно также указать теорию конвергенции, в соответствии с которой капиталистический Запад и коммунистический Восток двигались по направлению друг к другу.

в тот период, когда не было капиталистического общества как такового, но уже сложились раннебуржуазные общественные отношения. В целом социализм всегда «преследовал» капитализм и иногда пытался его вытеснить (как это было/есть в СССР, КНР, КНДР, СРВ и многих других странах). Но и сам капитализм никогда не существовал в чистом виде (как абсолютно свободная от государства экономика чисто рыночных отношений и т. п.). К примеру, Английская революция совершалась как пробуржуазными, так и просоциалистическими силами, выступавшими за равенство, против частной собственности и т. п. (движение дигтеров¹).

Иными словами, в представленной здесь схеме исторические «капитализм» и «социализм» — *это не разные формации, а две разновидности политико-правовых оформлений производственных отношений в рамках одной и той же общественной формации*. Сама формация, основанная на труде и капитале, исторически подразумевала два способа организации социальных отношений, условно буржуазный и условно социалистический, которые не могли полностью исключать друг друга. Здесь стоит обратить внимание на то, что социализм (как идея) всегда был эгалитарным «отражением» капитализма, его как бы «моральным», «человечным» отрицанием, но отнюдь не преодолением (снятием). Поэ-

---

Точкой их конвергенции должен был стать социализм (посредством социализации Запада и либерализации Востока) (см.: Sorokin P. A. Mutual Convergence of the United States and the U.S.S.R. to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. № 2. Pp. 143–176).

¹ См.: Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958.

тому не стоит это «недоотрицание» путать с теми процессами, которые приведут к становлению новой общественной формации. Ротация данных политико-правовых «оформлений» производственных отношений не меняет сути преобладающего способа экономической деятельности, а потому ключевые противоречия обществ на данной стадии развития остаются в силе. Иными словами, капитализм и социализм в своих исторически известных формах не являются двумя разными общественными формациями, ибо основаны на одинаковом — трудовом — преобладающем источнике потребительных ценностей¹.

Творчество. Роль творчества в качестве источника потребительных ценностей еще не стала главной. Однако тенденция очевидна: постепенно труд утратит свое центральное место. При этом творчество, как преобладающий источник потребительных ценностей, приведет к формированию новых общественных отношений². Роль привычной классовой принадлежности и идентичности постепенно потеряет свою значимость (буржуазно-классовая стратификация сохранится еще на долгое время, но будет все больше обуславливаться факторами, зависящими от *творческих* способностей отдельных индивидуумов: облада-

---

¹ Здесь я солидарен с В. А. Иноземцевым, который писал в 1991 году, что «ни о каком крахе экономической общественной формации в наше время не идет и речи. Принципиальной причиной этого является, как и ранее, существование труда как основного вида человеческой деятельности и внешнего материального продукта как его стимула» (Иноземцев В. А. Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории // Полис. Политические исследования. 1991. № 4. С. 40.

² Давыдов Д. А. Личность и государство в терниях посткапитализма: на пути к новой антагонистической общественной формации. М.: URSS, 2020.

ние/не обладание востребованными в «креативной» и высокотехнологичной экономике навыками и способностями и т. п.).

NB! О чем-то подобном уже сравнительно давно писали Д. Белл и другие сторонники идеи постиндустриального общества. Белл, в частности, утверждал, что исторические капитализм и социализм принадлежат единой стадии исторического развития (индустриальное общество¹). По сути, понятия «посткапитализм» и «постиндустриальное общество» у него синонимичны. Белл критиковал марксистскую идею пролетариата как субъекта перехода к посткапиталистическому обществу и отмечал, что такой переход осуществляется постепенно уже в рамках индустриального общества путем складывания нового «господствующего класса» — про-

---

¹ Д. Белл: «Индустриальные общества — это *экономические* общества, организованные вокруг принципа функциональной эффективности, требующего получения “больших результатов из меньших вложений” и выбора наиболее “рационального” типа действий. В этих условиях решение использовать природный газ вместо угля в качестве топлива будет продиктовано сравнительными затратами, а решение о том, как следует распределить работу, будет зависеть от разумного сочетания имеющихся в распоряжении материалов и квалифицированных кадров. Идеология в данном случае становится неуместной, и на смену ей приходит экономика в виде производственных функций, расчета капитальных издержек, предельной эффективности капитала, линейного программирования и так далее. В этом смысле принципиальное различие между “буржуазной” и “социалистической” экономикой стирается; если кто-то интересуется вопросами оптимизации и максимизации, то здесь он вообще не найдет никаких различий» (Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С. 100).

слойки ученых и технических специалистов: «...сегодня, хотя собственность и остается важным базовым принципом, еще одним иногда конкурирующим с ней принципом становится техническое мастерство, доступ к которому обеспечивается образованием»¹. Соответственно рано или поздно наступит время, когда этот новый, меритократический класс станет господствующим, а производство знания вытеснит по своей значимости производство материальных благ: «Основной класс в нарождающемся обществе — это прежде всего класс профессионалов, владеющий знаниями, а не собственностью»². Думается, главная проблема теории Белла заключается в том, что он не видел разницы между трудом и творчеством. В его время говорить о какой-либо очевидной тенденции утверждения именно *творчества* как основного источника потребительных ценностей не приходилось. Технические специалисты, представители сферы услуг и т. п. являли собой лишь новое поколение наемных работников (конечно, творческий компонент труда помер, но не стал преобладающим), а потому они легко встраивались в саму систему *трудовых* производственных отношений. *Творческий способ экономической деятельности преобладает лишь при крайне высокой степени автоматизации труда, в рамках которого даже труд профессионалов, технических специалистов подвергает-*

---

¹ Там же. С. 156.

² Там же. С. 500.

ся ускоряющемуся технологическому замещению, что уже сегодня, как показывают эксперты, не выглядит фантастической идеей¹.

Итак, творчество приходит на смену труду. При этом, как уже было указано выше, в контексте настоящего исследования целесообразно разделять понятия «труд» и «творчество». Труд — повторюсь — это совокупность материальных (физических) операций по преобразованию того или иного предмета, которые можно *алгоритмизировать*. Труд, ввиду его «материально-телесной» основы, поддается формализации, он научно измерим и, как правило, предполагает ожидаемый результат (можно взять отдельного человека, за пару месяцев обучить его работать на станке, и он будет приносить точно измеримую пользу при фиксированном рабочем времени). *Творчество же (см. определение выше) по самой своей сущности «скрыто» (находится в области таинственного, внутреннего), непредсказуемо, является результатом стечения обстоятельств, неповторимой судьбы творца, погруженного непосредственно в культурно-историческую и технологическую среду.* Соответственно, творчество не способно порождать прибавочную стоимость, ибо его вообще невозможно измерять количественно. Результаты творческой деятельности можно только «присваивать», ограничивая к ним доступ (извлекая «интеллектуальную ренту»), но по мере роста коммуникационных возможностей такие ограничения работают все хуже и все сильнее вступают в противоречие с дальнейшим развитием произ-

---

¹ См., например: Бриньолфсон Дж., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: Neoclassic, АСТ, 2017.

водительных сил. Творчество — это, наконец, процесс созидания, скорее даже «рождения», новых, нематериальных благ: идей, решений, технологий, теорий, произведений искусства и т. п. Все это оказывается не чем-то легко присваиваемым, а, так сказать, летучим, легко обобществляемым, становящимся общественным достоянием. Творчество плохо совместимо с регламентациями, нормативами, рациональными расчетами, узкими бюрократическими рамками дозволенного, рекомендуемого и т. п.; это всегда выход за пределы устоявшегося.

Тем не менее, как я далее попытаюсь показать, историческим типом производственных отношений зарождающейся посткапиталистической формации является вовсе не свободное совместное творчество (якобы ведущее к коммунизму). Начать стоит с того, что в творческой деятельности велико значение *удачи, случая*. И это отнюдь не усиливает, как принято считать¹, а *ослабляет экономическое значение (роль) отдельных, «среднестатистических» индивидуумов (их способность к ультимативному политическому действию)*, так как инвестиции в их личностное развитие перестают давать га-

---

¹ См.: Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010; Бузгалин А. В. Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 135–146; Колганов А. И., Бузгалин А. В. Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 120–130; Бузгалин А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.

рантированный результат: можно дать огромные деньги (или материальные ресурсы) человеку или группе лиц, но совершенно не факт, что они благодаря этим деньгам создадут литературный шедевр, полезное инженерное решение или гениальную научную теорию. Возникает потенциальная ситуация тотального «обесценивания»¹ сущностных сил множества людей, низведения их до статуса «лишних» (о таких тенденциях говорят уже сегодня²).

NB! Это, к слову, и является тем, что принципиально отличает представленный здесь подход к выделению общественных формаций от внешне очень похожего на него подхода В. Л. Иноземцева, для которого переход от одной преобладающей формы экономической деятельности (труд) к другой (творчество) является свидетельством постепенного формирования того, что он (вслед за Марксом) называет «постэкономической формацией». Здесь вопрос вызывает не только сам термин «постэкономическая» (смотря что понимать под экономикой, производством и т. п.), но и акцент на *форме* деятельности, которая мало что говорит о самой роли отдельных людей в системе производственных отношений. Оттого и идеализм работ В. Л. Иноземцева тех

---

¹ Кроме того, расширяется спектр возможных способов личностной деградации (компьютерные игры, новые виды наркотиков, непрерывный поток развлечений, ухудшающий способность к концентрации внимания и т. п.).

² См., например: Деягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019. С. 851–887.

времен, когда он пишет, что переход от частной (private) к «личной» (personal) собственности есть свидетельство посткапиталистической трансформации, от которой выигрывают творческие деятели (якобы более свободные, сами себе хозяева и т. п.)¹. В те времена еще не говорили о прекарнате или гиг-экономике, и сегодня рассуждения Иноземцева можно признать наивными, ибо, как оказалось, *отдельные люди имеют меньше власти и контроля над своими же творческими способностями* (я, скажем, имею почти абсолютную власть над мышцами своего тела, но не над своим творческим талантом, реализация которого зависит от огромного множества факторов). Творчество не есть черта автономного субъекта. Это совокупность общественных и ментальных процессов, которые подчиняются контролю субъекта лишь в малой части. *Акцент на источниках потребительных ценностей, таким образом, позволяет смотреть на них и как на непосредственный момент производительной деятельности субъекта, и как на нечто от этого субъекта автономное, логике чего субъект должен подчиняться и то, что ограничивает его возможности* (скажем, природная стихия как то, что находится вне власти крестьян добуржуазной эпохи), а потому оценить способность субъектов деятельности контролировать те или иные производственные процессы, добиваться большей или меньшей автономии, занимать то или иное место в общественной иерархии.

---

¹ Иноземцев В. А. Экспансия творчества — вызов экономической эпохе // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 120.

Более того, необходимо учитывать, что в результате творческой деятельности создаются не только изобильные нематериальные блага. Творческая деятельность неразрывно связана с появлением (а также целенаправленным *производством* — см. ниже) *ярких личностей*, владеющих очень важным дефицитным ресурсом — *вниманием*. Как будет показано далее (см. Раздел II), посткапиталистические производственные отношения характеризует не творчество как таковое (как самоцель), а *производство личности*, понимаемое как совокупность целенаправленных практик возвышения в творческой конкурентной борьбе за внимание и популярность. Уже сегодня постепенно возникают основания для новой антагонистической социальной стратификации: общество начинает делиться на массу потребителей результатов творческой деятельности (имперсоналиат) и небольшую прослойку популярных творческих деятелей — «захватчиков дискурса» (персоналиат)¹. Поэтому общественную формацию, в рамках которой творчество является основным источником потребительных ценностей, резонно обозначить как *персоналистическую* (лат. *persōna* — личность).

Тем не менее рост материальных возможностей и увеличение доли общедоступных благ (производство «с нулевыми предельными издержками»² и т. п.) вполне может привести к обострению антагонисти-

---

¹ Давыдов Д. А. На пути к новой антагонистической формации? // Дискурс-Пи. 2019. № 1. С. 10–19.

² Rifkin J. The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism. New York: St. Martin's Griffin, 2015.

ческой борьбы получивших некоторую «экзистенциальную подушку безопасности» «низов» против «верхов» за превращение личностного развития каждого человека в дело всего общества (как самоцель — без расчета на непосредственную точечную отдачу «здесь и сейчас»). В перспективе, таким образом, не только тяжелый этап *межформационной социальной революции*, но и сложные поиски оптимальной политико-правовой конфигурации посткапиталистического общества (см. Раздел III).

***

Сторонники теории общественных формаций так и не пришли к консенсусу относительно главного критерия, который должен лежать в основе выделения общественных формаций. Уже постепенно освобождавшаяся от идеологического диктата научная дискуссия прервалась реставрацией капитализма и своеобразной «идеологической контрреформацией», когда само материалистическое понимание истории оказалось вытесненным *цивилизационным подходом*. При этом разрешение затруднительной ситуации, казалось бы, уже назревало: 80-е годы породили довольно продуктивную дискуссию о необходимости пересмотра привычной «пятичленки». Впрочем, небольшие дополнения и уточнения, критический взгляд на такой критерий выделения общественных формаций, как преобладающая форма собственности, привели к тому, что в центре внимания оказалась не менее проблематичная категория «исторические типы техники». Эти типы, конечно, можно выделять,

но дискурс о технике и технологиях неизбежно приводит к необходимости сочетать количественные и качественные их признаки. В итоге мы либо сталкиваемся с бесконечным разнообразием этих типов, либо имеем дело с количественными показателями вроде экономической производительности, чем постоянно и пользовались идеологи, связывая коммунизм с неким (правда, постоянно отодвигаемым в далекое светлое будущее) порождающим изобилие уровнем научно-технического развития.

Но все это не означает, что теория общественных формаций в корне несостоятельна. Сегодня, принимая к сведению новые открывающиеся тенденции общественного развития, мы можем попытаться переосмыслить ключевые принципы выделения общественных формаций. Их следует выделять, опираясь на критерий преобладающих источников потребительных ценностей (природа, контролируемые природные процессы, труд, творчество). Соответственно ревизии подвергаются и границы общественных формаций. Новая оптика позволяет увидеть, что исторические социализм и капитализм основаны на одном преобладающем источнике потребительных ценностей (труд), а потому их объединяют схожие противоречия, общие сущностные черты (конкуренция, эксплуатация труда, отчуждение и т. п.). Разница заключается лишь в политико-правовом оформлении отношений эксплуатации (государство как совокупный собственник/капиталист в СССР). Поэтому нужно говорить не только о единой *сословно-классовой* общественной формации, которая включает в себя выделяемые ранее «азиатские», рабовладельческие

и феодальные общества, но и о *единой капиталистической формации* (включающей в себя все исторические формы «социализма» и «капитализма»). Следующей же, *персоналистической* общественной формации соответствует *творчество* как основной источник потребительных ценностей. Именно на узловых проблемах творчества в качестве ключевого источника потребительных ценностей необходимо сконцентрировать усилия, чтобы разглядеть черты грядущей общественной формации. Она, думается, будет иметь свою внутреннюю логику, свои собственные противоречия, а стало быть, имманентные ей категории не следует смешивать с категориями постепенно уходящей в прошлое капиталистической эпохи. Однако перед этим необходимо уточнить, *как* происходят социальные революции.

Глава 2

От революции рабочего класса к синтезу элит

Данная глава посвящена переосмыслению концепта *социальной революции* как перехода от одной общественной формации к другой. Согласно одному из посылов данного текста, тезис о революции рабочего класса как способа перехода к посткапиталистическому обществу был и остается *утопичным*. Напротив, если допустить, что переходы от одной стадии общественного развития к другой имеют универсальные закономерности протекания, то мы бы узнали куда больше о перспективах посткапитализма, изучая переход от докапиталистической к капиталистической стадии развития. Признавая нерелевантность аргументации, основывающейся на аналогиях, я попытаюсь апеллировать к закономерностям, отвечающим самой «логике» исторического процесса. Речь будет идти не о «тотальном» универсализме, предсказывающем с неизменной точностью наступление той или иной эпохи, но о ряде факторов, которые влияют на трансформации способов производства. Эти факторы и закономерности можно выразить емко следующим образом: а) при отсутствии всеобщего изобилия материальных и нематериальных благ новые спосо-

бы производства неизбежно порождают *новые формы господства и престижа*; б) новые господствующие социальные слои не возникают «снизу»; наиболее вероятно их появление *из* старых господствующих и примыкающих к ним слоев или классов, так как экономические элиты располагают несоразмерно большими ресурсами для прогрессивного изменения самого способа производства; в) процесс смены способа производства, а стало быть, и общественной формации только в малой степени зависит от классовой борьбы; точнее сказать, это очень долгая трансформация, которая больше напоминает «синтез элит», постепенно меняющий сущность общественных отношений.

2.1. Социальная «революция снизу» — исключение из правил?

«История всех до сих пор существовавших обществ, — пишут Маркс и Энгельс в “Манифесте коммунистической партии”, — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье — короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов. В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия — целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем па-

трициев, всадников, плебеев, рабов; в Средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации. Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых»¹. Этот известный абзац в целом выражает способ осмысления социальной революции именно как результата *классовой борьбы*. Но в этих, если можно так выразиться, зачинающих марксизм строках, уже содержится некоторая недосказанность, которая и служит чертой, разделяющей марксизм как научную методологию и марксизм как классовую *идеологию, утопию*². Классики марксизма как ученые подчеркивают неоспоримый факт существования классовых антагонизмов на протяжении истории, но как идеологи

некоего третьего («стороннего», «нового», «передового») класса, который постепенно формируется внутри старой системы, крепнет и в итоге направляет классовую борьбу себе на пользу. Я полагаю, что следствие «б» ближе к действительности, хотя, как будет показано ниже, и с ним не все гладко. Что касается следствия «а», то именно оно, несмотря на прямое столкновение с историческими фактами, стало фундаментальным «подсознательным» многих левых теоретиков и идеологов.

Несомненно, рабы не стремились к свержению рабовладельцев с целью установления феодального общества, а феодальные крестьяне и предположить не могли, что будущее за чем-то вроде капитализма. Однако тезис о революционной борьбе рабочего класса (по крайней мере, изначально) вытекал из предположения о том, что рабочий класс, в отличие от классов рабов и крестьян, уж точно в состоянии осознать себя как «класс для себя» и бороться за коммунистическое общество. Во всяком случае, даже если он себя таким и не осознает, то на помощь всегда могут прийти интеллектуалы, авангардная партия и т. д. Я хочу подчеркнуть: *тезис о революционной роли рабочего класса не вытекал из строгого научного исторического анализа, выявляющего закономерности протекания социальных революций, но во всем был скорее ориентацией на «исключение из правил».* Он основывался на гипотезе о капитализме как последнем способе производства в рамках большой «экономической общественной формации»¹. Классики марксизма не

---

¹ См.: Маркс К. К критике политической экономии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 1–167.

предполагали, что на смену капитализму может прийти новая антагонистическая общественная формация¹, а потому в качестве тотального отрицания вещной зависимости мыслилась только свободная индивидуальность, которую в конце концов обретают те, кому «ничего терять, кроме своих цепей». Находились лишь не самые убедительные апелляции к «мировому единству» пролетариата, который вместе с глобализацией капитализма также обретет глобальную субъектность. Это якобы выгодно отличает рабочий класс от крестьянства. Как писалось в одном из ранних учебников по истмату, «крестьянство, доведенное до отчаяния, нередко восстает против помещиков. Но в силу того, что основная масса крепостного крестьянства самым способом производства распылена и разрознена, крестьянские восстания в большинстве своем носят локальный (местный) характер»². Историческая несостоятельность предсказаний мировой революции не нуждается в отдельном обосновании.

Тем не менее «фундаментальное подсознательное» было таким образом заложено, и впоследствии левые теоретики ориентировались именно на концепцию революции, инициируемой «снизу». В конце концов, дело часто доходило до того, что «исключение» становилось «правилом», а интеллектуальный дискурс при этом фокусировался именно на «низовой» инициативе, о каких бы революционных действиях речь

---

¹ Давыдов Д. А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: URSS, 2019.

² Исторический материализм. Часть 2. Учебник для комвузов и вузов. М.: Партийное издательство, 1932. С. 212.

ни шла: когда говорили о так называемых «буржуазных» революциях, то неизменно подчеркивали решающую роль крестьян и городских «низов», без активных действий которых не свершились бы ни Английская, ни Французская буржуазные революции. Находились и оправдания такому «исключению». В конце концов, всю историю можно было представить как борьбу угнетенных против эксплуататоров, но раньше настоящее всемирное восстание «низов» было попросту невымыслимо, а потому инициативу неизменно перехватывали «верхи». В одно время дело доходило до абсурда, когда И. В. Сталин на одном из выступлений на съезде колхозников-ударников в 1933 году обронил фразу, которая стала одной из самых популярных в трудах советских историков Античности в 1930-е годы¹: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»².

Как уже было отмечено, история левой политической мысли — это своеобразное «кладбище» коллективных субъектов: от крестьян и промышленных рабочих до молодежи эпохи сексуальных революций, современных «сетевых граждан мира», представителей различных «культурно притесняемых» социальных групп или меньшинств, постмодернистских «сборок» или «множеств», прекариата и многих других (а сегодня ко всему этому могут добавиться чернокожие и не

---

¹ Крих С. Б. «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века // Диалог со временем. 2006. № 17. С. 224–236.

² Сталин И. Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. / Сталин И. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1953. С. 447.

только представители общественных движений вроде Black Lives Matter или американских антифа); это, иными словами, история разочарований в субъектах «низового» политического протеста, на которых в определенные времена возлагались революционные надежды. Именно поэтому сегодня часто осознается, что никакого революционного класса «для себя» выделить уже невозможно, так как фактически рабочий класс распался на большое множество притесняемых подгрупп с крайне различными мировоззрениями. Коммунизм представляется уже не как «объективно предсказанная» наступающая реальность, а как вдохновляющая мечта, утопия¹. Капиталистическая система при этом лишь перестраивалась и обновлялась (и далеко не всегда в «эгалитарном» направлении).

Несомненно, грандиозные достижения Октябрьской революции и других социалистических революций должны быть в таком случае приняты к сведению. Однако ни в России, ни в Китае, ни где-либо еще так и не произошло действительной смены способа производства, а стало быть, и перехода к новой общественной формации. Исторические социализм и капитализм — две стороны одной медали, одна из которых окрашена в «эгалитарные», а другая — в «элитарные» краски. Юридическая смена преобладающей формы собственности оставила и эксплуатацию, и наемный труд, и извлечение прибавочной стоимо-

---

¹ См.: Павлов А. В. Мечтают ли западные марксисты о революции сегодня? // Вестник РУДН. Серия: философия. 2017. № 4. С. 466–478; Сайерс Ш. Идея коммунизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. № 1. С. 7–20.

сти (правда, в более замысловатой форме), и рыночные (торговые) отношения, и деньги, и товарный фетишизм, и нужду в материальных благах¹.

NB! Отрицание здесь революционной (меняющей способ производства и общественную формацию) роли рабочего класса и других эксплуатируемых и отчужденных слоев населения вовсе не означает *отрицания вообще* положительного исторического значения борьбы угнетенных слоев населения (и самой идеи антагонистической формации!). Любая общественная формация — это не некая завершенная и статичная институциональная форма, а скорее «спектр возможностей» в рамках определенного способа производства. Борьба социальных «низов» — важнейший исторический процесс, предохраняющий человечество от скатывания в дикость и создающий предпосылки для выстраивания более эгалитарных институциональных форм общества.

Здесь не хватит места для отдельной развернутой критики «низовых» форм протеста, ассоциируемых с посткапиталистической трансформацией. Вместо этого можно попытаться показать, *что посткапиталистические отношения и так уже формируются, и отнюдь не среди жестоко эксплуатируемых или находящихся в самом низу социальной лестницы*. Тем не менее, для того чтобы понять специфику современной большой обще-

---

¹ О буржуазных производственных отношениях в Советском Союзе см.: Воейков М. И. Теория способа производства. 20 лет спустя // Фило-софские науки. 2012. № 1. С. 73–85.

ственной трансформации, необходимо понимать ряд закономерностей, которые наблюдались в том числе и в период становления капитализма. К сожалению, сознательная или подсознательная ориентация на инициативы «снизу» и вообще любые громкие политические события (вроде вооруженных восстаний) привела левую политическую мысль к историческим искажениям даже тех революционных изменений, от которых по общему признанию выигрывали отнюдь не массы или демократическое большинство. Далее будет представлен ряд теоретических положений, которые сводятся к общему утверждению о *синтезе элит* как механизме, посредством которого возникают и претворяются в жизнь новые способы производства. Данные положения будут противопоставлены как классическим представлениям о «революциях снизу», так и более приближенным к действительности взглядам на революционный процесс как *прежде всего* классовую борьбу, организуемую и сознательно направляемую «новым» классом элит.

2.2. Синтез элит как революционный процесс

Можно ли говорить о каких-то универсальных закономерностях протекания социальных революций? В одну реку не войти дважды — это очевидно. Вряд ли можно принимать всерьез аргументы, основывающиеся на исторических аналогиях, так как каждая смена способов производства, влекущая за собой переформатирование общественных отношений, происходит

в новых социальных, экономических, технологических и т. п. обстоятельствах. Однако можно допустить, что у таких процессов может быть общая «логика», если учитывать ряд постоянно действующих условий. Попытаюсь тезисно изложить, о чем идет речь.

— Пока не достигнут настоящий избыток материальных благ для всех на Земле, общественная потребность в активной деятельности и конкурентной борьбе, в которой побеждают наиболее яркие и талантливые, сохраняется. Это ведет к появлению новых форм господства и престижа.

— В таком случае также наиболее вероятно, что средствами инициативной трансформации способа производства и, соответственно, производственных отношений будут располагать прежде всего старые господствующие элиты или те, кто находится в неантагонистических с ними взаимоотношениях.

— Социальная революция — это не политической «скачок» и даже не растянутая во времени борьба «классов для себя», а медленное вызревание новых способов производства, что способствует постепенному перетеканию власти и влияния в руки тех, кто вовремя (сознательно или бессознательно) стал инициатором развития этих способов производства.

— Поэтому речь и должна идти о «синтезе элит». Синтез элит — это не возникновение новых элит во «внешней среде»; это также не смешение старых элит с целью порождения чего-то нового. Это — постепенная *эволюция* некоторой (может быть, очень малой) части старых элит, в рамках которой происходит зарождение новых общественных отношений или инкорпорирование новых элементов «извне».

— Долгое время ресурсы, связанные с одним способом производства, могут суммироваться с ресурсами, связанными с новыми способами производства (к примеру, феодалы, которые занимаются капиталистическим производством на своей земле). Стало быть, и на тезисы о «межэлитной» классовой борьбе (буржуа против старой феодальной аристократии) также стоит смотреть скептически.

Во втором разделе данной книги я попытаюсь показать, что эти закономерности свойственны и современным процессам возвышения *персоналиата*. Однако предварительно хотелось бы продемонстрировать работоспособность этой схемы на более раннем примере *становления капитализма*, чтобы окончательно избавиться от теоретических «призраков», которые сопровождают современные дискурсы о посткапитализме и путях его «достижения».

***

Трудно отрицать «вдохновляющее» влияние так называемых буржуазных революций на классиков левой политической мысли. Великая Французская революция стала своеобразной «идеальной моделью». Казалось бы, там было все: взрыв недовольства «снизу», ожесточенная борьба «классов для себя», буржуазия, которая исполняла свою величайшую историческую миссию прогрессивного разрушения отжившей феодальной системы, реальное изменение соотношения классовых сил после революции. Впоследствии предполагалось, что социалистическая революция должна иметь много общего с тем, что происходило во Фран-

ции в конце XVIII века. Только теперь уже на передовой революционной борьбы должны были находиться не классы эксплуататоров, а угнетаемые рабочие и крестьяне. Но являлись ли и такие события, как Великая французская революция, действительными социальными революциями, реально меняющими способ производства и непосредственно формирующими новые производственные (шире — общественные) отношения? Многие факты говорят об обратном. Рассмотрим по пунктам, почему становление капитализма можно объяснить скорее *синтезом элит*, нежели результатами непримиримой классовой борьбы.

1. Саму по себе историю становления капитализма недопустимо рассматривать в отрыве от технологической эволюции. Капитализм — это прежде всего способ производства, основанный на *труде* как основном источнике потребительных ценностей. До капитализма труд как таковой не был основным источником потребительных ценностей, эту функцию выполняли *природные процессы*¹. Только учитывая это, мы сможем понять описанные в «Капитале» механизмы самовозрастания стоимости. Соответственно, чтобы найти истоки капитализма, мы должны смотреть на то, как постепенный прогресс в науке и технике вылился в итоге в промышленную революцию. И этому процессу невозможно дать однозначную оценку с точки зрения какого-либо класса. Отчасти прогресс науки и техники «тормозился» средневековым мышлением.

---

¹ Большая часть «работы», создающей полезные свойства предметов потребления, «продельвалась» природными процессами: природное образование почв, дождей, лесов, рек или морей; солнце, отдающее энергию растениям, животные, поедающие друг друга или траву, и т. д. — см выше.

Но очень многие технологические прорывы в производственной сфере были обязаны как раз инициативам докапиталистических элит. Так, широкая иерархическая система налогообложения поспособствовала возникновению абсолютизма, роль которого в становлении капитализма трудно отрицать. Именно абсолютизм способствовал политической и экономической консолидации национальных государств, без которой были бы невозможны национальные рынки и многие явления международной торговли¹. Как раз «абсолютные» монархи инициировали проведение меркантилистской политики, которая была нацелена на защиту местного производства от иностранных конкурентов (протекционизм). Монархи в целях повышения боеспособности своих армий непрерывно вкладывались в мануфактурное и протопромышленное производство. «Видимым парадоксом абсолютизма, — пишет П. Андерсон, — было то, что он по сути своей представлял аппарат для защиты собственности и привилегий аристократов; в то же самое время средства, которыми обеспечивалась эта защита, могли одновременно обеспечивать и базовые интересы новорожденных торгового и мануфактурного классов. <...> [Абсолютистское государство] покончило с большим количеством внутренних барьеров в торговле и поддержало ввозимые пошлины против иностранных конкурентов. <...> Оно выполняло некоторые функции первоначального накопления, необходимые для окончательного триумфа капиталистического способа производства. <...> [Поэтому] су-

---

¹ Уикхем К. Средневековая Европа. От падения Рима до реформации. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.

ществовало потенциальное поле *совместимости* между природой и программой абсолютистского государства и действиями торгового и мануфактурного капитала»¹. Сюда же можно отнести влияние колониализма.

2. Следовательно, не стоит недооценивать влияние *государства* как своеобразного «катализатора» синтеза элит. Долгое время в марксистской политэкономии было принято рассматривать государство исключительно как инструмент в руках господствующих классов. Однако оно никогда не было таковым, так как всегда выступало в качестве автономного субъекта, включающего в себя отдельную страту бюрократической и военной элиты. Т. Скочпол убедительно показала, что государственные агенты имели собственные интересы, зачастую шедшие наперекор интересам земельной аристократии. История становления абсолютистских государств — это история усмирения непокорных наследственных аристократий, включения класса феодалов в бюрократическую иерархическую машину *государственной службы*. При этом, как отмечает Скочпол, «хотя и государство, и господствующие классы в широком плане разделяют заинтересованность в том, чтобы удерживать подчиненные классы на отведенном им месте в обществе и на работе, в существующей экономике собственные фундаментальные интересы государства в поддержании элементарного порядка и политического мира могут привести его (особенно в периоды кризиса)

---

¹ Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 38–39.

к уступкам в пользу подчиненных классов»¹. Более того, мы можем заметить, что многие «пробуржуазные» изменения зачастую происходили вообще без каких-либо революционных потрясений: просто из осознания государственными агентами *необходимости* тех или иных реформ для поддержания военной мощи. Реформы Штейна и Гарденберга в Пруссии или отмена крепостного права в Российской империи — примеры многих подобных мероприятий.

3. Становление капитализма сопровождалось скорее конфликтами элит, нежели классовой борьбой. Известный американский социолог и специалист в сравнительной исторической социологии Р. Лахман показал, что стоит говорить о своеобразных *зазорах*, которые открывались в ситуациях обострения конфликтов между элитами. Вражда различных элит феодального общества (земельных, клерикальных, монархических и т. п.) вела к их взаимному ослаблению, что открывало дополнительные пространства для появления ростков капиталистических общественных отношений (Лахман рассматривает широкий набор кейсов — от итальянских городов-государств до Англии и Франции эпохи промышленной революции). В контексте конфликтов элит эти отношения зарождались как «побочные эффекты», поэтому он и говорит о «капиталистах поневоле». Так, в Англии прямой предпосылкой «капиталистической трансформации» послужил конфликт короля и земельных магнатов. Лахман анализирует специфику

---

¹ Скочпол Т. Государства и социальные революции Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 73–74.

этого конфликта, сравнивая его с аналогичными событиями во Франции. Английский абсолютизм зарождался специфическим образом. С началом английской Реформации в 1530-е годы Генрих VIII начал процесс ликвидации монастырей и передачи монастырского имущества в собственность королевского дома Тюдоров. Это усилило королевскую власть и позволило укрепить так называемый горизонтальный абсолютизм. Р. Лахман пишет: «Генрих и его преемники втянулись в союз с мелкими светскими землевладельцами — джентри, — чтобы обезопасить себя и расширить до национального уровня господство церкви и государства. Делая это, английские монархи запустили процесс трансформации политики и экономики на локальном и национальном уровнях»¹. Однако усиление вертикальной власти монарха оказалось временным. Вскоре вновь приобретенные земли были растрочены: «Генрих VIII потратил $\frac{3}{4}$ своей прибыли с Реформации на войну и патронаж. Его преемники Эдуард VI (1547–1553), Мария I (1554–1558) и Елизавета I (1558–1603) потратили оставшуюся часть тюдоровского имущества на своих политических клиентов. К началу елизаветинского правления королевские земельные владения вернулись к своему дореформенному уровню, приблизительно $\frac{1}{10}$ части маноров. К 1640 году корона владела только 2 % всех английских маноров»². Этот исторический поворот стал судьбоносным, так как ко-

---

¹ Лахман Р. Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические Преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 194.

² Там же. С. 203.

нечными выгодоприобретателями оказались именно джентри, которые постепенно стали перетягивать на свою сторону все больше власти на локальном уровне: «...джентри воспользовались упадком власти магнатов (что усилило рычаги власти управления над членами парламента, которые тогда уже освободились от протекции и господства магнатов) и нуждой короны обменивать пожалования и посты на местном уровне на политическую поддержку в парламенте и на национальном уровне, вытребовав себе законодательную и юридическую поддержку своих атак на права арендаторов. Огораживание — самый известный и наиболее драматический метод аннулирования манориальных и общинных прав и создания частной собственности. Огораживание часто было всего лишь кульминацией долгого процесса нападков и сокращения крестьянского землепользования. Наступление эпохи огораживания знаменует конец классовой борьбы в аграрном секторе за манор и окончательную фазу создания частной собственности»¹.

Иначе складывались обстоятельства во Франции. Там происходило становление «вертикального» абсолютизма. Конфликт королевской власти с магнатами сопровождался вовсе не разделом земель католических монастырей, а союзом монархии с католической церковью. Королевская власть укреплялась путем выстраивания бюрократической иерархии и опиралась на новый институт интендантов. Однако, как и в Англии, во Франции монархия испытывала систематический финансовый голод, связанный с постоянным ведением

---

¹ Там же. С. 316–317.

войн. В итоге начала распространяться практика продажи дворянских титулов и должностей, что сильно тормозило экономическое развитие, так как вместо постепенного складывания буржуазных общественных отношений, французская элита гналась за рентой: за доступ к государственным должностям, за право сбора королевских податей и т. п. Однако это сыграло решающую роль, так как перемешало элиты: финансовые элиты активно приобретали права аристократии (дворянство мантии), что в итоге и послужило началом конца Старого порядка. Ввязавшись в конфликт на американском континенте, Людовик XVI столкнулся с закономерными финансовыми проблемами. Но «смешение» элит оказалось крайне неблагоприятным для короны обстоятельством. Канадский историк Дж. Бошпер пишет: «Любой другой финансовый кризис в монархии Бурбонов завершался Палатой правосудия [экстраординарным судом], привлекающей внимание общественности к счетоводам, откупщикам и другим финансистам [все они занимали купленные у монархии должности, которая обычно занимала у них в ожидании налоговых поступлений]... как к спекулянтам, ответственным за бедствие... Палаты правосудия обеспечивали удобный легальный инструмент для списания долгов перед финансистами и принудительного изъятия у них больших сумм. В связи с созывом этих палат корона пользовалась моментом слабости финансистов для осуществления реформ финансовых институтов... Но в течение XVIII в. генеральные откупщики, главные сборщики налогов, главные казначеи, плательщики рент и иные высокопоставленные финансисты в большом числе стали

дворянами и слились с правящими классами до такой степени, что корона не смогла учредить Палату правосудия против них. Долгая серия Палат правосудия пошла к концу в 1717 г. Те министры финансов, которые пытались предпринять что-нибудь, по своей природе представляющее атаку на финансистов, особенно Терре, Тюрго и Неккер, потерпели политическое поражение и были вынуждены уйти в отставку. Именно в этих обстоятельствах финансовые бедствия переросли в крупномасштабный кризис¹.

4. Становление буржуазных общественных отношений характеризовалось *медленным синтезом элит*. Между зарождающимися новыми элитами и элитами старыми не было никакой «сущностной пропасти». Зачастую это были одни и те же люди. Так, в Англии джентри являлись инициаторами капиталистических нововведений. Во Франции представители зарождающегося капиталистического класса очень часто имели дворянские титулы или занимали государственные должности. Буржуазный «дух» несколько изменил ключевые паттерны поведения элит, однако и здесь не было какого-то грандиозного «разрыва». Скорее наблюдалась медленная трансформация статусов и престижа и постепенное принятие «рационализированных» форм потребления. Буржуа и старая аристократия не находились в непримиримых антагонистических отношениях. В своей книге, посвященной феномену роскоши в XVIII веке, французский историк Ф. Перро показывает, как старые рыцарские идеалы чести и сла-

---

¹ Цит. по: Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 129-130.

вы (и соответствующие способы «благородного» зрелищного расточительства) медленно вытеснялись погоней за показной роскошью и развлечениями. Перро пишет: «Между дворянством, которое этой роскошью пользуется, и торговой или ремесленной буржуазией, которая этой роскошью снабжает, с согласия короля заключено молчаливое соглашение: торговцы и ремесленники, живя в своем мире тяжелого труда и рабочего пота, должны лихорадочно производить на свет элегантные костюмы, изысканные кушанья, величественные жилища, изящную мебель и ковры...»¹. Однако прогрессивное воздействие буржуазии здесь заключалось вовсе не в политической агрессии или чем-то подобном. Буржуазия в некоторой степени с помощью подобных «соглашений» невольно «уничтожала» старую аристократию. «Вся эта роскошь, — продолжает Перро, — которая сосредоточивается в руках одного сословия, становится причиной все более и более ожесточенного соперничества в престиже и приводит к очередным безудержным тратам, заставляя все глубже влезать в долги. <...> Вот почему, в то время пока торговцы и ремесленники обогащаются, дворянская роскошь выглядит не как настоящее богатство, а как попытка скрыть свое разорение, “придворную нищету”, о которой писала Мадам де Севинье. “У них никогда нет ни единого су, но все они путешествуют, участвуют в походах, следят за модой, их можно увидеть на всех балах, на всех курортах, на всех лотереях, хотя бы они при этом и были разорены...”»². Постепенно пред-

---

¹ Перро Ф. Роскошь: Богатство между пышностью и комфортом в XVIII–XIX веках. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. С. 45.

² Там же. С. 46.

ставители буржуазии богатели, и их богатство очень часто было обусловлено приверженностью рациональными принципам бережливости и утилитарности. Тем не менее невозможно провести четкий водораздел между дворянским «духом» расточительности и буржуазным «духом» бережливости и нацеленности на инвестиции: «Деловой человек “из низов”, какой-нибудь разбогатевший банкир или финансист подражает образу жизни утонченного аристократа, между тем как благородные наслаждения, напротив, словно “опрощаются”, приобретая черты уютного буржуазного быта, где более всего ценятся покой и благоразумие»¹.

5. Наконец, капиталистическая социальная революция лишь косвенно была обусловлена такими историческими потрясениями, как Английская и Французская революции. И применительно к таким событиям необходимо быть предельно осторожным. Английская революция не была *буржуазной* постольку, поскольку тогда еще не существовало буржуазии как «класса для себя». Да, городской торговый класс Лондона сыграл свою роль, но куда большее значение имела концентрация власти в руках джентри. Как отмечает Теда Скочпол, Английская революция «свершилась не через классовую борьбу, но через гражданскую войну между сегментами господствующего класса землевладельцев (когда каждая сторона привлекала союзников и сторонников из всех прочих классов и страт). И в то время как французская революция заметно трансформировала классовые и социальные структуры, английская революция этого не сделала. Вместо этого она ре-

---

¹ Там же. С. 63.

волюционизировала политическую структуру Англии. Она упразднила право (и институциональную возможность) короля вмешиваться в местные политические, экономические и религиозные дела и в целом вынудила его править только на основе доверия и законодательной поддержки парламента»¹. Однако и Великая французская революция была не вполне буржуазной. Социальные силы, которые ее породили, не были «антисеньориальными». Крестьяне «жаловались» вовсе не столько на старую сеньориальную систему, сколько на негативные явления, связанные с проникновением коммерциализированных отношений в деревню (антагонизм между бедными и богатыми)². Более того, эта революция не способствовала какому-то быстрому рывку к индустриализму. Скорее наблюдался всесторонний кризис, от которого Франция еще долго не могла оправиться. «Многие историки французской революции, — пишет Скочпол, — утверждают, что созыв Генеральных штатов привел к революции, потому что он выдвинул капиталистическую буржуазию, или же верхушку третьего сословия, на национальную политическую арену. Это произошло, когда разразились споры о том, проводить ли Штаты традиционным образом с голосованием по сословиям или же более унифицированным образом, с поголовным голосованием. Конечно, этот спор имел решающее значение. Тем не менее многое говорит в пользу того, что его значение

---

¹ Скочпол Т. Государства и социальные революции Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 264.

² Cobban A. The Social Interpretation of The French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 167.

было не в противопоставлении одного класса другому. Оно скорее состояло в том, что данный спор углубил паралич административной системы Старого порядка и привел к ее распаду, тем самым оставив господствующий класс уязвимым перед подлинным социально-революционным воздействием низовых протестов»¹. Но даже если и был последующий революционный «низовой протест», то можно ли его называть *социально-революционным*? Для Теда Сковпола социальная революция подразумевает смену правящих социально-классовых сил и изменение социально-экономической системы. В некотором смысле это произошло. Но была ли при этом качественная трансформация способа производства? На этот вопрос можно дать отрицательный ответ. Франция оставалась преимущественно сельскохозяйственной страной, где было только шесть городов с населением более 50 000 человек и три города с населением более 100 000 человек, где старые методы ведения сельского хозяйства в основном не изменились². «Развитие французского общества, — пишет Альфред Коббен, — предстает в ином свете, если мы признаем, что революция была триумфом для консервативных, имущих, землевладельческих классов, больших и малых. Это был один из факторов — конечно, не единственный, — способствующих экономической отсталости

---

¹ Сковпол Т. Государства и социальные революции Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 132.

² Was French revolution A Bourgeoisie Revolution? / Our Heritage Journal. URL:<https://www.ourheritagejournal.com/2019/11/was-french-revolution-bourgeoisie.html> (дата обращения 14.03.2021).

Франции в следующем столетии. Это помогает нам увидеть, что в ходе революции социальная иерархия, измененная и более открыто основанная на богатстве, особенно земельном богатстве и политическом влиянии, а не на рождении и аристократических связях, была укреплена и восстановлена. Опять же, верно, что революция привела к важным гуманитарным реформам и устранила неисчислимые традиционные барьеры на пути к более унифицированному и политически более эффективному современному государству, но она также сорвала движение за лучшее обращение с самыми бедными слоями общества, как сельскими, так и городскими»¹. Ближе к реальности описание Великой французской революции как преимущественно *политического* явления, связанного с распространением грамотности, национального самосознания, расцветом наук и философии. Якобинская диктатура — типичное проявление фанатичной веры в нацию и революцию как философские абстракции, которые теперь, в условиях зарождающейся медийности, начинают постепенно восприниматься массами. Не буржуазный строй стал итогом революции, а очищенное от «средневековой скорлупы» *национальное государство*. Как отмечает Ф. Фюре, «став нацией и слившись в едином правлении, французы, сами того не сознавая, вернулись к мифическому образу абсолютизма, поскольку именно он определяет и представляет социальную совокупность»².

---

¹ Cobban A. The Social Interpretation of The French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 170.

² Фюре Ф. Постигение Французской революции. СПб.: Анапресс, 1998. С. 44.

В контексте вышесказанного возникает встречный вопрос: если нет четких «формационных границ», то можно ли вообще говорить о социальных революциях? Все вышесказанное отнюдь не означает, что социальные революции — это иллюзия рационалистического сознания, опирающегося на абстракции (как и то, что концепты классов и классовой борьбы бесполезны¹). Однако исследовательский взгляд должен быть направлен не на резкие разрывы или «непримиримые антагонизмы», а на точки синтеза и континуумы медленных трансформаций.

***

В данной главе я попытался показать, что если и можно говорить об универсальных закономерностях смены общественных формаций, то вряд ли их можно выявить, изучая «восстания снизу» или непримиримую классовую борьбу. Наиболее вероятно начало прогрессивных трансформаций по инициативе элит. Поэтому можно посмотреть на социальную революцию как на *синтез элит*. Именно у элит накапливаются необходимые ресурсы, которые постепенно перетекают туда, где возникают и зарождаются новые способы производства и производственные отношения. Социальная революция — это очень долгий процесс, который вряд ли можно адекватно описать черно-белыми красками политических противостояний и баталлий. В таких процессах, как правило, задейство-

---

¹ Ответную критику исторического ревизионизма см., например, здесь: Amariglio J., Norton B. Marxist Historians and the Question of Class in the French Revolution // *History and Theory*. 1991. № 1. Pp. 37–55.

вано множество субъектов. Элиты могут пользоваться преимуществами как старых способов производства, так и новых. Более того, очень важна роль тех социальных сил, которые находятся в неантагонистических взаимоотношениях со старыми элитами. Да, мы можем говорить о некоем «столкновении» социальных субъектов, порождаемых разными способами производства. Разные элитные группировки при этом могут бороться друг с другом, не задумываясь о каких-то «системных» изменениях. Их повседневная борьба приводит к непредсказуемым последствиям, открывая лазейки-зазоры, которыми пользуются новые социальные силы.

Этот экскурс был необходим, чтобы подготовить читателя к изложению концепции *возвышения персоната* как «составной части» *уже происходящей* посткапиталистической трансформации. Чтобы увидеть то, что часто остается незамеченным, нужно отбросить старые предрассудки и избавиться от ненаучных по своей природе идеалистических представлений о нацеленном на построение неантагонистических общественных отношений революционном порыве «снизу», который при всем при этом должен завершиться социальной революцией. Стоит воспользоваться совершенно другой теоретической оптикой. Что, если посткапиталистическая революция — это вовсе не «социальный взрыв» эксплуатируемых и угнетенных? Что, если будущее вовсе не за идиллическим обществом всеобщего равенства? Что, если посткапиталистическая революция — это то, что уже сравнительно давно происходит? Попробуем ответить на эти вопросы во втором разделе.

Раздел II

ПЕРСОНАЛИАТ

Конец экономики отменяется

Прежде чем переходить к обоснованию главного тезиса настоящего раздела (да и всей книги), будет полезным вернуться к тому, что было сказано выше. Рассматривая в качестве ключевого фактора производства первоначальный источник экономических благ (потребительных ценностей), мы начинаем понимать логику исторического процесса, поскольку именно такие источники принципиально обуславливают то, как люди достигают тех или иных преимуществ и в целом господства. Если среди источников материальных благ преобладает природа (дикорастущие плоды и ягоды, животные, рождающиеся в лесах, и т. п.), то нет эксплуатации и силового «социального» присвоения, а соответственно, государства и аппарата экономического принуждения. Как только природные процессы начинают активно контролироваться (системы ирригации, оседлое земледелие и т. п.), появляются экономические излишки, земля превращается в ценнейший ресурс, возникают классы землевладельцев, которые стремятся подчинить и закрепить живую рабочую силу, обитающую на этой земле. Так как главный экономический ресурс в данном случае земля, то преобладающий ресурс господства — это именно *сила*. Когда развитие

науки и техники приводит к тому, что на первый план в качестве фактора роста производительности выходит *труд* как физическая активность человеческого тела, старые ресурсы и источники господства и доминирования утрачивают свою значимость. Рабочая сила «высвобождается» с той целью, чтобы вновь быть подчиненной в качестве биологического субстрата процесса извлечения прибавочной стоимости, помещаемого в механизированное пространство промышленного производства. Основным ресурсом господства здесь является уже не сила, а способность так соединять человеческие тела и технические устройства, чтобы достигать максимальной производительности. Эта способность напрямую сопряжена с наличием *материального богатства*. Наконец, сегодня происходит очередной тектонический сдвиг, связанный с выдвиганием на авансцену *творчества* как важнейшего источника потребительных ценностей. Именно творчество выступает драйвером медленного дрейфа общества к посткапитализму. С данным процессом многие авторы связывают большие надежды. Мы привыкли ассоциировать с творчеством свободный полет мысли, независимость, состояние внутренней свободы, подъема сил, восторг от созидания и т. п. Но так ли все безоблачно?

1.1. Творческая деятельность в контексте противоречивых общественных отношений

Когда наступает конец капитализма? Есть все основания полагать, что капитализм уже сегодня постепенно «завершается» вместе с изменением ключевого источ-

ника потребительных ценностей. Становясь главным фактором производства, творчество радикально меняет производственные отношения.

В принципе о подрывающих основы капиталистического способа производства свойства творчества написано уже немало. Как уже отмечалось выше, довольно часто указывают, например, на следующие свойства: необходимость всестороннего развития с целью увеличения творческой продуктивности (что отсылает к важнейшей роли государства, которое вынуждено вкладываться в образование и науку, дабы не утратить стратегических позиций); сильная зависимость от состояния общественной инфраструктуры и доступа к общественным благам; неизмеримость и неделимость результатов творческой деятельности; потенциально бесконечная и практически бесплатная реплицируемость и общедоступность таких результатов (теорий, концепций, идей). Уже сама неизмеримость творческих усилий в корне подрывает механизм капиталистического извлечения прибавочной стоимости, как раз основанный на исчислимости трудовых усилий и благ, которые этими усилиями создаются. Эти особенности творчества вдохновляют левых теоретиков, что выражается в своеобразном ренессансе анархизма и марксизма. И это неудивительно, ведь экономика знаний самим своим естеством, казалось бы, тянется к социализму.

При этом речь идет не столько о революционной «встряске», сколько о постепенных мутациях самого капитализма, который становится все менее «капиталистичным». Как было подчеркнуто в первом разделе, ростки будущего появляются на удобренной почве

прошлого. К примеру, Маурицио Лаццарато замечает, что в рамках так называемого когнитивного капитализма фирма уже не столько *производит*, удовлетворяя *спрос*, сколько *создает миры* как своеобразные «символические универсумы». Капитализм из способа производства превращается в *производство способов*¹. Люди, занятые рекламой, стайлингом, дизайном, оказываются *творческими личностями*, труд которых уже невозможно *измерить* и *подчинить* «калькулируемым» процессам, как это было в эпоху фордизма. Скорее такой труд становится активностью *множеств*, включающих в себя не только сотрудников фирм, но и самих потребителей, их жизнь, их бытие и *со-бытие* с остальными. Еще один драйвер развития «когнитивного капитализма» — производство знаний. Знание, как и любой творческий продукт, невозможно *произвести*, совершив измеримые телесные усилия. Творческая деятельность осуществляется не отдельными телами, физическими (или материальными) объектами, которые можно подчинить или контролировать, а скорее сознанием или сознаниями. Самым эффективным «творцом» оказывается не отдельный человек, а само общество, рождающее из своих «недр» новые идеи самым непредсказуемым образом. А потому, как далее отмечает Лаццарато, кооперация в «когнитивном капитализме» (речь конкретно идет о компьютерных программах) уже «не нуждается в предприятии и самом капиталисте, как это было в экономике Маркса и Смита. Напротив, оно зависит от развития и распространения научных знаний, технологических механизмов и коммуникационных

---

¹ Лаццарато М. Предприятие и неомонадология // Логос. 2007. № 4. С. 169–170.

сетей, образовательных систем, здравоохранения и прочих институтов, обеспечивающих население. Способность создания и осуществления кооперации зависит, таким образом, от наличия этих публичных (коллективных, общественных) благ и от доступа к ним. Создание программ всегда осуществляется благодаря совместной работе множества умов, компетенций, эмоций, циркулирующих в сети, которая есть не что иное как гетерогенное сцепление всевозможных сингулярностей, потоков и множеств (как это видно на примере информатиков, разработчиков свободных программ)¹. Колоссальные прибыли высокотехнологичных предприятий сегодня, в сущности, уже не являются «извлеченной» прибавочной стоимостью как неоплаченным *трусдам* наемных работников, так как богатство все реже создается действиями, которые можно «измерить» человеко-днями или человеко-часами. Эти прибыли превращаются в ренту², извлекаемую путем «огораживаний» — установления прав собственности на результаты творческой деятельности (на информацию или технологии)³. Поэтому, согласно Э. Руллани, налицо очевидное «несоответствие» (внутреннее противоречие) «когнитивного капитализма»: «стоимость, которую можно извлечь из произведенных знаний, не максимизирована, поскольку их распространение остается ниже потенциально

¹ Там же. С. 180–181.

² См.: Фишман А. Г., Мартыянов В. С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2019.

³ Vercellone C. The Becoming Rent of Profit // Knowledge Cultures. 2013. № 2. Pp. 194–207.

возможного»¹. Иными словами, результаты творческой деятельности оказываются настоящими *общественными благами*, «производство» которых обусловлено преимущественно *общественной инфраструктурой*. От «когнитивного коммунизма» «когнитивный капитализм» отличает лишь то, что по своей сути он уже и не капитализм вовсе, а скорее *неофеодализм*².

Таким образом, происходит то же, что и раньше при социальных революциях: фундаментальные изменения начинаются не у подножия, а не вершине социальной пирамиды. Капитализм сам приходит к самоотрицанию.

Но настоящая книга не имела бы смысла, если бы все было так просто. Проблема современных левых апелляций к специфике творческой деятельности как потенциально преобладающего источника потребительных ценностей в том, что мы рискуем спутать позитивные свойства источника благ с теми общественными отношениями, которые могут выстраиваться вокруг этого источника. Поясню. Если бы мы попытались охарактеризовать сословно-классовую формацию, опираясь исключительно на способность земли рождать из своих недр блага, то пришли бы к идиллической картине солидарной общественной жизни в гармонии с «матерью природой». То же самое касается и труда. Поскольку в своей идеализированной форме труд — это производство, окультуривание, то есть благородное занятие, способствующее подъему

---

¹ Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? // Логос. 2007. № 4. С. 68.

² Делягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том II. Специальная теория глобализации. М.: ПОЛИТИЗДАТ, Книжный мир, 2020.

жизненных сил, мы могли бы заключить, что подлинный дух труда — это дух солидарных совместных усилий, *трудового братства*. Ошибка современных левых теоретиков заключается как раз в том, что *творчество* берется ими исключительно как некое *в-себе-сущее*, которое уже своим «внутренним естеством» указывает на образ будущего. Иными словами, творчество рассматривается вне противоречивого контекста общественных отношений. А контекст этот таков, что в мире, где не искоренены страдания и конкурентная борьба, любой новый источник потребительных ценностей рано или поздно превращается в то, что обуславливает *новые формы господства*.

1.2. Внимание — новый дефицитный ресурс. Личность — ключевое благо

В попытках превратить дискурс «о когнитивном капитализме» в дискурс «о посткапитализме» заключена одна уязвимость. Исследователи склонны идти по стопам классиков марксизма и анархизма, полагавших, что за капитализмом следует эпоха изобилия, когда не будет больше поводов для *отчуждения* и борьбы людей друг с другом. Поэтому они возвращаются к дискурсу «о вечных машинах», который был начат еще Марксом¹: экономика знаний подстегнет повсе-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. II. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 120–127. См.: критику данного дискурса: Фишман Л. Г. Ущербные «вечные машины» и посткапитализм // Свободная мысль. 2018. № 5 (1671). С. 35–46.

местную автоматизацию и роботизацию производства, а частная интеллектуальная собственность будет замещена собственностью каждого на все¹. Производство знаний — это, в сущности, производство *общественных благ*, так как знания потенциально общедоступны. Проблема в том, что потенциальное достижение изобилия в одной области при таком подходе видится как достижение изобилия *вообще*.

Затруднения возникают, когда формулируются гипотезы о процессе перехода к посткапиталистическому обществу. В моду вошли рассуждения о спонтанно возникающих сетях, сборках, *множествах*². Новое общество рождается якобы в освободительной борьбе сообществ, в никем особо не контролируемой творческой деятельности. Эти множества представляют собой чистое *добро*, так как являются воплощением продуктивной *свободы*. Речь вновь заходит о реалиях когнитивного капитализма. Так как в постфордистской экономике растет доля «социального» труда, то стирается грань между *трудом и политикой*. Там, где раньше висели таблички «Тишина. Здесь работают», сегодня скорее могли бы появиться надписи в духе: «Здесь работают. Говорите». Но там, где позволено говорить, есть и *личности*, представленные *публике*. «Современное производство, — пишет Паоло Вирно, — становится “виртуозным” (а следовательно, политическим) потому, что включает в себя лингвисти-

---

¹ Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.

² См., например: Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

ческий опыт как таковой. Если это так, то “матрица” постфордизма обнаруживается в тех промышленных секторах, где присутствует “производство коммуникации посредством коммуникации”. А именно в культурной индустрии¹. *Творческая личность* при этом воспринимается как то, что несет обществу своеобразное «моральное очищение», ведь ей нечего присваивать и делить. Личности объединяются в *множества*, чтобы стать «гражданами мира» во имя всеобщего *обновления*: «многие в качестве многих — это те, кто разделяет невозможность “ощущать себя в собственном доме” и фактически помещает этот мир в центр собственной политической и социальной практики»².

Весь этот дискурс находится в плоскости чистого морализаторства. Когда мы пытаемся отойти от постмодернистского языка, в котором реальность покрывается толстым слоем метафор («сборки», «множества» и т. п.), то сталкиваемся с куда более сложными и неоднозначными явлениями.

Упущение большинства левых теоретиков заключалось в разделяемом ими убеждении, что именно дефицит материальных благ заставляет людей ожесточенно *конкурировать*. Если, дескать, обеспечить всех жизненно необходимыми благами, то «звериная» конкуренция постепенно будет исчезать, а на смену ей придут кооперация, дружба, сотрудничество ради *общего дела* (разумеется, при условии поддержания соответствующих ценностей, коммунистической идеологии и т. п.). Но такая оптика не позволяет увидеть, что

¹ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: АдМаргинемПресс, 2013.

² Там же. С. 28.

не только материальные блага могут подталкивать к конкуренции и даже *вражде*. В конце концов, на вершине «пирамиды потребностей» А. Маслоу находится *самореализация*, а не удовлетворение примитивных телесных потребностей (пусть даже это приносит безмерное удовольствие). Для многих *быть личностью*, *быть в центре внимания*, *обладать именем* — куда более соблазнительная перспектива, чем [только лишь] огромный дом, дорогая машина и внушительные суммы на банковских счетах. Утописты, рассуждающие о «когнитивном капитализме», считают, что «нематериальное производство» — это уже коммунистическое по духу производство знаний или, допустим, произведений искусства как общественных благ.

Но этим «нематериальное производство» не исчерпывается. Нематериально также *производство личности* (см. также: «производство себя» («production of the self»¹)). Творческий акт — это не только и не столько производство идей, концепций, художественных ценностей и т. п., которые впоследствии можно отчуждать от творца и бесконечно почти бесплатно воспроизводить и распределять. Творчество является одним из важнейших аспектов *производства*² *личности*. В этом отношении личность и творчество неразрывно связаны: так как творчество представляет собой создание чего-то *нового, неповторимого (или своего рода «опредмечивание» индивидуальности)*, то оно позволяет вы-

¹ См.: Marwick A. E. Status Update: Celebrity, Publicity, and Branding in the Social Media Age. London: Yale University Press, 2013.

² Именно производство, так как во многих случаях речь идет о целенаправленных практиках конструирования, продвижения и «монетизации» личности (от создания повседневного образа до рекламы блогов в Instagram) — см. ниже.

деляться из общей массы отдельным *персонам*¹. Да, каждый в какой-то степени личность. Но в данном случае речь идет о личности как ценнейшем стратегическом ресурсе, заключающемся в наличии социально признаваемого имени, а также известности, способности благодаря нахождению в центре общественного внимания влиять на общественный дискурс. Личность в таком понимании — это не совокупность черт, а то, чем можно обладать «в той или иной степени» — власть над вниманием. Всякий раз, когда мы пытаемся предстать в выгодном свете, стараемся достичь чего-то, надеясь остаться в памяти у потомков, или попросту стремимся выглядеть в глазах окружающих приятно, мы занимаемся производством личности. Иными словами, производство личности — это целенаправленное движение к известности, славе, популярности, желаемому публичному образу, общественному признанию и т. п.² Наша личность как социальное яв-

¹ Конечно, здесь можно возразить, что появление ярких личностей возможно вне творческой сферы. Великие полководцы, герои войны или, скажем, ударники коммунистического труда пользовались славой, обладали личностью как социально признаваем авторитетом. Но и здесь элементы творчества неизбежно присутствовали: не каждый полководец знаменит, но тот, кто выделится нетривиальными подходами к командованию войсками. Подобное можно сказать о героях войны или ударниках, ибо даже в выдающейся смерти или упорном труде можно найти элементы новизны и нетривиальности (к примеру, А. Стаханов, как тот, кто впервые в четырнадцать раз превысил норму, причем благодаря новым подходам в разделении труда и т. п.): и чем этих элементов больше, тем лучше запоминаются образы отдельных личностей.

² В принципе, здесь все эти явления можно обобщить одним словом (родовым понятием) — *популярность*, так как и слава, и известность, и общественное признание ее предполагают. Возьмем в качестве базового следующее определение: популярность — это известность, широкое внимание, общественные симпатии к кому-либо.

ление¹ — это проекция «нас» в сознании других, *владение вниманием других людей*. Собственно говоря, производство личности — это и есть создание целостного образа «себя» и его «продвижение».

NB! Производство личности нематериально, так как даже если такое производство осуществляется с помощью предметно-материальной деятельности или *благодаря* материальным предметам (дорогая одежда и т. п.), то сама личность оказывается нематериальной (как часть коллективного воображаемого). В конце концов, личность — это не просто проекция материального, а проекция *выдающегося* материального, сама *творческая компоновка материального* таким образом, чтобы оно было *оригинальным*, ибо личность всегда *единична* (одна на фоне остальных).

Как я далее постараюсь показать, именно личность (как «обладание вниманием») становится сегодня са-

---

¹ Слово «личность» в русском языке имеет три значения: просто отдельный индивид; совокупность социально значимых черт человека; уникальные качества того или иного человека, выделяющие его на фоне остальных. В настоящей книге в зависимости от контекста данное слово употребляется в разных значениях. Однако акцент ставится на понимании личности не просто как уникальности (в некотором смысле все мы уникальны), а на *социально признаваемой уникальности* (или «исключительности», «избранности»). При такой трактовке личность оказывается не тем, что характеризует каждого, но скорее своего рода *реуртам*. Так как социальное признание подразумевает *внимание* со стороны остальных людей, то и «масштаб личности» зависит от способности определенного человека завладеть общественным вниманием. Поэтому я далее и использую такие неоднозначные формулировки, как «люди, обладающие личностью», и «люди, личностью не обладающие»: чтобы подчеркнуть тенденцию к разделению общества на две страты: персоналиат и имперсоналиат (см. ниже).

мым желаемым/желанным благом. Сегодня не только правители, воины, герои или великие деятели науки и искусства находятся в центре внимания и «обладают личностью», но также представители растущей прослойки публичных деятелей (селебрити, популярные блогеры, знаменитые ученые, имеющие «выход» к широкой аудитории и т. п.). Мы, иными словами, имеем целую экономику, в которой люди включены в каждодневные практики производства личности и которая лишь частично пересекается с буржуазной, а по преимуществу представляет собой автономный «универсум» со своими внутренними закономерностями функционирования и развития. И чем «слабее» капитализм, тем шире область, условно говоря, *личностного*, и это логично, ведь по мере насыщения материальными благами люди (хоть и далеко не все) стремятся к чему-то большему — *стать кем-то*, не просто потреблять, а еще и *творить себя*.

Важно отметить следующее: так как личность стремится быть на виду, то *новым ключевым дефицитным ресурсом* становится *внимание*, которое отнюдь не безгранично. Как бы ни облегчали информационные технологии коммуникацию, у каждого человека есть строго ограниченный запас времени, которое он может тратить на знакомство с личностями и их творчеством. Как отмечает партнер Union Square Ventures и автор книги «World After Capital» А. Венгер, «количество человеческого внимания в мире конечно. В сутках двадцать четыре часа, и нам нужно потратить часть их на еду и сон. Большинство людей в мире проводят часы бодрствования, зарабатывая деньги и потребляя товары и услуги, оставляя относительно

мало времени для внимания, которое они могут свободно уделять. Жесткий предел доступного внимания также существует для человечества в целом <...>, мы движемся к пику численности населения, и в этот момент мы больше не будем увеличивать доступное внимание, добавляя больше людей»¹.

Таблица 1. Обусловленность социальных революций ограниченностью ресурсов

Основной источник потребительных ценностей	Смена эпохи/ общественной формации	Ограниченный ресурс
Природа → Контролируемые природные процессы	Общество собирателей → Эпоха земледелия (доклассовая → сословно-классовая общественная формация)	Еда → Земля
Контролируемые природные процессы → Труд	Эпоха земледелия → Промышленная эпоха (сословно-классовая — капиталистическая общественная формация)	Земля → Капитал
Труд → Творчество	Промышленная эпоха — Эпоха «производства личности» (классовая → персоналистическая общественная формация)	Капитал → Внимание

¹ Wenger A. World After Capital [Электронный ресурс]. URL: <https://worldaftercapital.org/> (дата обращения 14.03.2021).

Вышесказанное означает, что мы движемся к новой антагонистической общественной формации, выходим на новый виток общественной борьбы за очередной дефицитный ресурс — внимание. В этой борьбе неизбежно наличие побежденных и победителей: ярких и блеклых, выдающихся и посредственных, влиятельных и ведомых. Здесь можно провести аналогию с капитализмом, в рамках которого ключевым ресурсом, обеспечивающим господствующее положение буржуазии, являются *материальные блага*. Обладание материальными благами в форме средств производства есть важнейший рычаг влияния в капиталистическую эпоху (уже хотя бы постольку, поскольку рабочий вынужден продавать свою рабочую силу в обмен на жизненно необходимые блага)¹. В то же самое время материальные блага сами являются *самоценностью*, ибо «дух» погони за богатствами, роскошью и демонстративным потреблением и есть истинный «дух» капитализма (как раз отсюда — феномен «праздного класса»² и т. п.). Капитализм преисполнен отчуждением, конкуренцией, враждой и всеми теми негативными социальными явлениями, которые мы связываем с коммодификацией и коммерциализацией, ибо материальные блага являются *ограниченными*. Они не просто удовлетворяют так называемые «базовые» потребности, но являются источником удовольствий, комфорта и престижа.

¹ Хотя то же самое мы можем сказать и о СССР и других социалистических странах (формально — не капиталистических, но включающих в себя почти весь спектр буржуазных общественных отношений — см. выше). Только в данных случаях средства производства присваиваются не буржуа, а классом государственной и партийной бюрократии.

² Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Сегодня все меняется. Материальные блага в развитых странах перестают быть исключительно дефицитными, а если верить идеологам *безусловного дохода* (см. выше), уже скоро наступит время, когда каждому можно будет гарантировать определенный «жизненный минимум» (что также не решает всех проблем, но дает некоторые возможности для «постматериалистической» экономики). Однако вместо «материального» ключевым дефицитным благом постепенно становится *сама личность*, и, как будет показано далее, бытие в качестве *выдающейся личности* сегодня для многих уже куда более желанно, чем материальное богатство. Именно на это важно обратить внимание, так как до сих пор в левой политической мысли посткапитализм (коммунизм) представлялся как общественная система, внутри которой личность является гармоничной частью *коллектива*. Да, считалось, что коммунистическое общество, не отменит соревновательность¹, однако эта соревновательность утопическим (то есть без каких-либо отсылок на реальные тому свидетельства) образом рассматривалась как ничем не противоречащая социалистическому «духу» единства.

---

¹ Как отмечал в 1979 г. Р. И. Косолапов, «вслед за исчезновением интеллигенции как особого социального слоя произойдет преодоление существенных различий между работниками творческого и нетворческого труда, хотя уровни творчества и вклад людей с разными способностями в этих условиях будут зависеть от степени разносторонности и одаренности каждого из членов коммунистической ассоциации. Этого рода „неравенство“, естественно, может носить только личный характер, из него будут устранены все элементы социального порядка. Так что, если какому-то честолюбивому индивиду не удастся выбиться в Эйнштейны, ему придется пенять только на себя. Свалить вину на общество, на некие безличные социальные условия будет просто невозможно: слишком очевидна будет нелепость подобных обвинений» (Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. М.: Мысль, 1979. С. 290).

Фактически же личность силу ее двойственной природы¹ всегда была «неудобной» для коммунистического утопического мышления². Если рассматривать личность как то, что *выделяется на фоне остальных*, то куда более резонно допустить, что она скорее стремится разрушить всякое коллективное единство, сделать остальных *фоном*, ведомой массой. Личность очень часто внутренне *эгоистична и эгоцентрична* даже тогда, когда внешне она всецело филантропична (к примеру, меценат, отмечающий своим именем акт добродетели). Так как, метафорически выражаясь, «обладать личностью» (в узком смысле — как известностью в тех или иных кругах, широкой социальной узнаваемостью, а потому влиятельностью) не могут все без исключения и в равной степени, борьба за становление заметной личностью мало чем отличается по многим своим чертам от борьбы за материальное богатство (все та же отчуждающая *конкуренция*, «внутренний» индивидуализм и многое другое). Поэ-

¹ С одной стороны, личность — это человек, осознающий свою индивидуальность, но при этом вовлеченный в общественную деятельность, стремящийся быть гармоничной частью общественного целого. С другой стороны, личность — это тот, кто утверждает себя путем поиска отличий от других, тот, кто выделяется, осознает свою социальную «исключительность», притягивает внимание. Разница между этими проявлениями личности весьма условна. Любая личность находится где-то между эгоцентрической замкнутостью на «себе» и социальной вовлеченностью, а потому ее может клонить то «влево» (в сторону коллективизма), то «вправо» (в сторону заносчивой «звездности»). Как будет показано далее, эта «неустойчивость» личности и стала причиной многих социальных потрясений.

² К примеру, об «уничтожении» (скорее — «усмирении») в «светлом коммунистическом обществе» *личностного* как чего-то «генетически» связанного с жадной славой написано в таких утопиях, как «Красная звезда» А. А. Богданова.

тому один из ключевых моих тезисов заключается в том, что посткапиталистическое общество, то есть общество, в котором *органически* «не вписывающееся» в рыночные механизмы извлечения прибавочной стоимости *творчество* является ключевым источником потребительных ценностей, не обязательно должно быть *неантагонистическим*, так как параллельно с ростом значения творческой деятельности, самореализации и т. п. растет значение *личности как важнейшего блага* (удовольствие от «обладания личностью») или *источника благ* (популярности, признания, нахождения в центре внимания, влияния, в т. ч. политического, и т. п.).

Здесь, конечно, возникает соблазн вообще всякое отчуждение и индивидуализм жестко привязать к капиталистической экономике. Однако это — тушковый путь, так как не существует научных доказательство того, что посткапитализм обязательно должен быть гармонизирующим и «снимающим» классовые (шире — социальные, общественные) противоречия и антагонизмы раз и навсегда. Скорее напротив, до сих пор мы являлись свидетелями эволюции эгоизма и конкурентной борьбы, которая лишь меняла формы. В конце концов, пришествие капитализма на смену феодализму не искоренило старых пороков: вражды, зависти, погони за теми или иными преимуществами и т. п. Соответственно, у нас нет никаких оснований утверждать, что вслед за капитализмом неизбежно наступит некое «моральное очищение». Поэтому сегодня самое время сменить исследовательскую оптику: посткапиталистическая социальная революция уже давно идет. Но происходит она не как «разрыв» с прошлым (которого, кстати, не наблюдалось и при становлении

капитализма), а как постепенное вызревание основывающегося на творчестве, как ключевом источнике потребительных ценностей, способа производства и новых общественных отношений, *неизбежно включающих в себя новые формы господства и конкуренции*. Это и объясняет, почему сегодня не происходит уже давно ожидаемого «левого поворота».

Далее я покажу, что сегодня наблюдается настоящий переворот в самом ценностном «ядре» современного общества. Погоня за материальными благами уступает место погоне за *личностью и личностным*. «Модус» личности и самореализации проникает во все поры общества, что приводит к ожесточенной борьбе за бытие *кем-то*. И на это не стоит смотреть как на эпифеномен буржуазного общества. Такова наступающая посткапиталистическая эпоха восходящего персоналиата — нового господствующего (хотя скорее пока еще претендующего на этот статус) класса, ключевым ресурсом влияния которого является популярность как «обладание личностью».

Глава 2

Персоналиат — претендент на статус господствующего класса?

Выше мы выяснили, что долгое время перспектива посткапиталистического общества ассоциировалась с борьбой эксплуатируемых классов за коммунизм, который представлялся как общественный строй, при котором не будет классовой борьбы, то есть общественные отношения будут характеризоваться относительной гармоничностью и отсутствием антагонистических социальных противоречий. Однако реалии современного общества свидетельствуют о движении к другой версии посткапитализма. Было отмечено, что закат капитализма обусловлен не столько революционными инициативами угнетаемых, сколько появлением новых, выходящих за рамки материального производства, наемного труда и извлечения прибавочной стоимости, форм продуктивной деятельности (творчество и производство личности), способствующих возникновению принципиально новых благ. Среди этих благ имеются как избыточные (знания, оцифрованные результаты художественного творчества), так и дефицитные (лимитированные). Ключевым лимитированным благом посткапиталистического общества становится *популяр-*

ная личность, производство которой представляет собой борьбу за привлечение внимания, творческую самореализацию («брендинг» личности через творчество), создание неповторимого образа и его продвижение и т. п. Далее резонно показать, как на протяжении истории формировался и «расширялся» соответствующий личностный модус (как способ существования, характеризующийся преимущественно индивидуализмом, нацеленностью на самореализацию, поиск выгодных отличий от других и т. п.), который сегодня постепенно вытесняет буржуазную зацикленность на материальных благах. Такой теоретический подход позволяет увидеть, что посткапиталистическое общество также может характеризоваться ожесточенной конкуренцией, отчуждением и наличием социальной прослойки, которая сегодня обретает черты господствующего класса (персоналиат).

2.1. Меняющиеся инструменты власти и политического влияния

История личности — это история противостояния безликих деперсонализирующих сил природы и общества, с одной стороны, и индивидуальности, стремящейся выделиться, найти саму себя в мире, в котором все временно и скоротечно, с другой. Поэтому исторический путь восхождения личности долог и тернист.

Насколько правомерно, например, говорить о существовании личности в Древней Греции? А. Лосев показывает, что древние греки не придавали личности того значения, какое придается ей в новоевропейской

культуре. Абсолют древних греков — не человек как самоцель, а чувственный космос¹. Греческий «индивидуум» — это не современная неповторимая индивидуальность, а нечто неделимое, нераздельное, то есть объект. Знаменательно, что древние греки обозначали искусство и ремесло одним словом — «техне» (τέχνη). «Основное представление о мире у греков, — подчеркивает Лосев, — сводится к тому, что это есть театральная сцена. А люди — актеры, которые появляются на этой сцене, играют свою роль и уходят»². Поэтому знаменитая фраза Протагора: «Человек есть мера всех вещей» — еще не вполне индивидуалистична («личностна»). Как резонно замечает М. Хайдеггер, призывая учитывать специфику восприятия мира древними греками, «нигде здесь нет и следа мысли, будто сущее как таковое обязано равняться по „Я“, стоящему на самом себе в качестве субъекта, и будто этот субъект — судья всего сущего и его бытия»³. Однако было бы ошибкой полагать, что в античном мире не существовало личности как *публичного* феномена, достаточно вспомнить культ героев в Древней Греции или императоров в Риме. Если искусство в Древней Греции относили скорее к сфере ремесленного труда, то военная *слава* ценилась чрезвычайно высоко. Греческий герой зарабатывал славу, клеос (*κλέος*), т. е. «то, что люди говорят о вас», совершая великие дела. Тема клеоса проходит красной нитью через «Илиаду» и «Одиссею» Гомера (напри-

---

¹ Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Студенческий меридиан. 1983. № 9–10. [Электронный ресурс]. URL: http://psylib.org.ua/books/_losew02.htm (дата обращения: 14.03.2021).

² Там же.

³ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 117.

мер, Ахиллес вступает в бой, чтобы достичь «клеос афтитон» — вечной славы). В диалоге «Пир», посвященном проблеме любви, Платон касается и славы. Примечателен диалог между Сократом и Диотимой: «Можешь быть уверен в этом, Сократ. Возьми людское честолюбие — ты удивишься его бессмысленности, если не вспомнишь... как одержимы люди желанием сделать громким свое имя»¹.

В Средние века ситуация предстает уже несколько иной. И здесь нельзя не отметить серьезный «онтологический» прогресс. Христианство значительно изменило представления о мире и человеке в нем. Теперь Бог (три)един, и он — *личность*. «Что было действительно революционным, — констатирует Н. Грегерсен, — так это то, что само бытие Бога стало рассматриваться как находящееся в общении. Божественные личности (*prosopa = hypostaseis*) определены как существующие в отношениях, в общении»². Но все же Средневековье было крайне неоднозначным временем, в котором личность, как правило, терпела поражение в борьбе с обезличенностью. Во всяком случае, из центральных постулатов христианства вытекало два противоположных вывода: а) человек — это подобие Бога; б) человек — существо, чье бытие отягощено первородным грехом, его тело брэнно, а жизнь в этом мире — своеобразное испытание муками. Если добавить сюда низкий уровень жизни, почти повсеместную неграмотность и т. п., то «правом на

¹ Платон. Пир // Собрание сочинений. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 118–119.

² Грегерсен Н. *Imago imaginis: Человеческая личность с богословской точки зрения* // Богословие личности. М.: Изд-во ББИ, 2013. С. 11.

личность» обладали исключительно монархи, аристократы (земельные или церковные), богословы и философы, а также немногочисленные святые¹. Весьма показательно в этом смысле, что, согласно исследованию Я. Мортимера, в начале XIV в. в английских деревнях нетрудно было встретить человека, не имеющего фамилии².

Ренессанс — по-настоящему поворотный этап. И дело не только в философии гуманизма, которая отвергла средневековый аскетизм и начала эстетизировать посюстороннее, *человеческое*. Ренессанс не был простым копированием античных представлений. Так, кардинально изменилось восприятие личности в искусстве. В античное время почитались образы богов, тогда как в создававших их скульпторах видели скорее обычных ремесленников. По выражению Плутарха, «наслаждаясь произведением, мы презираем исполнителя его»³. Ренессанс же, напротив, породил феномен художника-знаменитости. Тем самым было открыто огромное пространство для возникновения личностей. Как отмечает Рудольф Витковер, «первые в западной истории публика поклонялась художнику и признавала его особое место в обществе»⁴.

---

¹ И то касательно аристократов можно сказать, что у них часто на первом месте была не отдельная личность, а фамилия, род; посвятившие себя церкви (монахи) меняли свое имя и вообще боролись с гордыней как атрибутом личности и т. д.

² Мортимер Я. Средневековая Англия: Путеводитель путешественника во времени. М.: Эксмо, 2019. С. 127.

³ Плутарх. Перикл // Сравнительные жизнеописания. Т. I. М.: Наука, 1994.

⁴ Wittkower R. Individualism in Art and Artists: A Renaissance Problem // Journal of the History of Ideas. 1961. № 3. P. 298.

В эпоху Просвещения заметно расширилась еще одна «личностная» область — наука (включая философию, которая в основном отделилась от богословия). По мере роста грамотности, развития книгопечатания и появления первых массовых медиатизированных пространств множились и число людей, обладающих широкой известностью. XVIII в. ознаменовался *рождением знаменитости*. Как показано в работе Антуана Лилти «Публичные фигуры: Изобретение знаменитости», то, что раньше было славой (*fama*), базирующейся на совокупности «проверенных временем» заслуг, теперь все чаще становилось «капризной» известностью (знаменитостью), имеющей собственные законы и не обязательно напрямую связанной с заслугами. Возникновение, развитие и угасание знаменитости обуславливались «психологией масс», а сами селебрити¹ привлекали к себе пристальное внимание публики, то есть вызывали интерес как живые люди, носители тех или иных *личностных качеств*. Согласно Лилти, такой поворот имел под собой вполне материальные основания. Немалую роль в нем сыграла, в частности, масштабная трансформация визуальной культуры в связи с изобретением резцовой гравюры и офорта, «позволяющих штамповать изображения в промышленных масштабах и добиваться большего портретного сходства»². Серьезные изменения претерпела и пресса, «захватывавшая» растущую прослойку грамотных людей. Появились массовые издания, ориентирующиеся на вкусы

¹ В качестве примера таковых Лилти рассматривает Жан-Жака Руссо, Оноре де Мирабо, Джорджа Вашингтона, Джорджа Гордона Байрона и др.

² Лилти А. Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. С. 84.

и желания «среднего» человека — любителя сплетен, светских слухов, скандалов.

Соответственно, шел процесс своего рода *социальной селебритизации*: с развитием массовой коммуникации увеличивались и возможности донесения информации о себе и результатах своего творчества до широкой публики. Массовую прессу дополнило и отчасти потеснило радио. Затем пришло кино, а вслед за ним телевидение. На все это наслаивалось совершенствование технологий фотографии и звукозаписи. К середине XX в. личности уже стали неотъемлемой частью повседневности; в книгах и на страницах газет, в фильмах, радио- и телепередачах — тексты, зрительные образы и голоса были везде. Параллельно всему этому развертывалось то, что называют *индивидуализацией*¹. Все больше людей получали политические права, у них появлялось относительно много свободного времени, рос уровень экономической независимости. Массовое производство постепенно сменялось производством индивидуализируемым и кастомизированным. Экономика все сильнее ориентировала людей не столько на добычу средств к существованию, сколько на досуг и развлечения, а творческие личности устремлялись в сферу профессиональной самореализации. Эту растущую «фантасмагорию образов» хорошо отражает наблюдение Элвина Тоффлера, заметившего в 1980 г.: «Знаменитости порхают, делают пируэты, атакуя наше сознание противоречивыми политическими и моральными лозунгами»².

---

¹ См., например: Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008; Бек У. *Общество риска: На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

² Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 2004. С. 266.

Попутно протекали два дополняющих друг друга процесса, которые можно обозначить как *политизацию медиа* и *медиазацию политики*. Медиа среда стала средством накопления символического «капитала», который, как выяснилось, легко трансформировался в «капитал» политический; политика, в свою очередь, все больше персонализировалась, что отодвинуло идеологический аспект на второй план, превратив сферу политики в нечто вроде непрерывно длящегося шоу. Так, в США до середины XX столетия свобода политического самовыражения знаменитых артистов была стеснена их контрактными соглашениями с голливудскими студиями. Но в 1960-х годах голливудская студийная система пришла в упадок, а усиление социального напряжения создало почву для включения знаменитых артистов в политику. Многие восприняли это с энтузиазмом¹. Все чаще речь шла не просто о временной вовлеченности в политический процесс, а об активном и непосредственном участии в нем.

По мере развития событий политизация знаменитых людей усиливалась. Изобретение компьютеров, Интернета, технологий сотовой связи, многоканальных кабельных сетей и персональных электронных устройств лишь ускорило этот процесс². Невозможное стало обыденностью. Приведу лишь несколько примеров: кинозвезда Рональд Рейган был президентом США; ведущий радио- и телешоу, профессио-

¹ Весьма примечательны в этом плане биографии Джейн Фонда, Чарлтона Хестона, Пола Ньюмана и др. (см. Majic S., O'Neill D., Bernhard M. *Celebrity and Politics // Perspectives on Politics*. 2020. № 1. Pp. 1–8).

² См. Strömbäck J., Esser F. *Mediatization of Politics: Transforming Democracies and Reshaping Politics // Lundby K. (ed.) Mediatization of Communication*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. Pp. 375–403.

нальный рестлер Джеймс Джордж Янош, известный под псевдонимом Джесси Вентура, и знаменитый киноактер, обладатель титула «Мистер Вселенная» Арнольд Шварценеггер — губернаторами штатов (Миннесоты и Калифорнии соответственно), киноактер Клинт Иствуд и певец Сонно Боно — мэрами (последний также избирался членом Палаты представителей Конгресса США). Разумеется, дело не ограничивалось Соединенными Штатами. Колюш (Мишель Жерар Жозеф Колюччи), Джозеф Эстрада, Джимми Моралес, Ленин Морено, Вацлав Гавел, Марьян Шарец, Беше Грилло, Мара Карфанья, Йон Гнарр, Лука Максимович, Кэл Пенн, Чиччолина, Виталий Кличко, Владимир Зеленский, Синтия Никсон — все это селебрити (писатели, актеры, спортсмены, модели, комики и даже порнозвезды), занимавшие/занимающие высшие государственные должности, являвшиеся/являющиеся лидерами политических партий, депутатами или просто заметными политическими фигурами. Аналогичные процессы происходили (и происходят) в России, где очевиден рост числа знаменитостей в политике (Михаил Евдокимов, Алина Кабаева, Мария Кожевникова, Николай Валуйев, Светлана Хорькина, Сергей Шнуров, Захар Прилепин, Вадим Самойлов, Иван Охлобыстин и др.).

Знаменитые люди не просто активно включаются в борьбу за государственные должности и представительство в органах власти. Они присоединяются к тем или иным движениям, становясь *лидерами мнений*. Если ознакомиться с политической жизнью США, то нетрудно это заметить: звезды чаще, чем когда-либо, говорят о злободневных проблемах. Вот типичный

нарратив о растущей роли звезд в политике (датируемый февралем 2020 года):

«В октябре 2019 года Джейн Фонда начала свой еженедельный марш Fire Drill Friday в Вашингтоне, округ Колумбия, чтобы привлечь внимание к «чрезвычайной климатической ситуации», что привело к многочисленным арестам. Восьмидесятиоднолетняя актриса переехала в столицу страны, “чтобы быть ближе к эпицентру борьбы за наш климат”, и во время протестов заручилась поддержкой многих своих знаменитых друзей, в том числе Салли Филд, Сэма Уотерстона, Теда Дэнсона, Дайан Лэйн, Пайпер Перабо, Розанна Аркетт и одиннадцатилетнего исполнителя главной роли в сериале “Молодой Шелдон” Гэна Армитиджа. В открытом письме Трампу в феврале 2020 года Нил Янг назвал президента “позором моей страны”. Рокер канадского происхождения и новоиспеченный гражданин Америки написал: “Ваше бездумное разрушение наших общих природных ресурсов, окружающей среды и наших отношений с друзьями по всему миру непозволительно”. Алисса Милано не стесняется делиться своими опасениями по поводу администрации Трампа. Актриса и активист устроила акцию протеста в Хомстеде, штат Флорида, 26 июня 2019 года, чтобы привлечь внимание к местам содержания под стражей мигрантов на границе США и Мексики. Тейлор Свифт нарушила свое молчание о мире политики в октябре 2018 года, поддержав демократа в гонке за место в Сенате от штата Теннесси. Она также призвала своих последователей проголосовать в день выборов месяц спустя. С тех пор она открыто высказывалась против президента Трампа, включая твит в мае 2020 года, в котором она сказала ему, что “мы выголосуем вас в ноябре”. Канье

Уэст произвел фурор, когда надел красную бейсболку с надписью “Сделаем Америку снова великой” и похвалил президента Дональда Трампа во время выступления на “SNL” в октябре 2018 года. Уэст изменил свою позицию в июле 2020 года, объявив, что он больше не поддерживает президента и планирует сам баллотироваться на пост президента в 2020 году в качестве члена партии “Дня рождения”. Рэпер произнес свою первую предвыборную речь позже в том же месяце в Южной Каролине, где он заявил, что Харриет Табман “на самом деле так и не освободила рабов”, и слезно высказался против абортов. Америка Феррера участвовала в протестах против иммиграционной политики администрации Трампа в июне 2018 года вместе с Алисией Киз, а в марте 2019 года возглавила небольшую группу художников в турне по приюту для мигрантов в мексиканском пограничном городе Тихуана. В интервью *The Guardian* в апреле 2018 года канадская певица Шанайя Твейн заявила, что проголосовала бы за Трампа: “Я бы проголосовала за него, потому что, хотя его поведение было оскорбительным, но сам он казался честным”. Позже она отказалась от своих замечаний, извинившись за свой “неловкий” ответ, который застал ее врасплох. На церемонии вручения премии *Tony Awards* 2018 Роберт де Ниро нанес удар президенту Дональду Трампу, извиняясь перед канадцами за “идиотское поведение моего президента”. Звезда сериала “Секс в большом городе” Синтия Никсон бросила свою шляпу на ринг предвыборной борьбы за пост губернатора Нью-Йорка в 2018 году. Ее одобрили партнеры по фильму Сара Джессика Паркер и Ким Кэтрлл. Барбра Стрейзанд поделилась (негативным) мнением о Трампе во время похорон Маккейна. “Слушая столь красноречивую речь прези-

дента @BarackObama сегодня, я очень расстроена тем, чего нам не хватает. Трамп критиковал Обаму за то, что он слишком много играет в гольф. Где наш нынешний президент сегодня? Играет в гольф, как обычно!”. Комик Эми Шумер и модель Эмили Ратаковски были среди десятков демонстрантов, задержанных в Вашингтоне, округ Колумбия, во время протеста против кандидата в Верховный суд Бретта Кавано в октябре 2018 года. Ратаковски поделилась своим арестом в социальных сетях вместе с фотографией, на которой она держала знак протеста. “Сегодня была арестована в знак протеста против выдвижения Верховным судам Бретта Кавано, человека, которого несколько женщин обвинили в сексуальном насилии”, — написала она в Твиттере. Лена Данэм также рассказала о протесте в социальных сетях: “Так много женщин, которых я люблю, сегодня в Вашингтоне. Они представляют сотни, тысячи и миллионы других женщин. На данном этапе противодействие Кавано — это не вопрос принадлежности к политической партии... а обеспечение того, чтобы женщины, идентифицирующие себя с любыми политическими партиями, были в безопасности”. После того, как Трамп уволил генерального прокурора Джозефа Сешнса в ноябре 2018 года, Патриция Аркетт обратилась в Твиттер, чтобы взвесить тот факт, что Мэтью Уитакер взял на себя надзор за расследованием Роберта Мюллера (причиной отставки стал отказ Сешнса от надзора за расследованием спецпрокурора Роберта Мюллера относительно вмешательства России в президентские выборы США 2016 года. — Д. Д.): “Если вам интересно, пытался ли ваш президент воспрепятствовать правосудию, не удивляйтесь больше. Они виновны”. Кэти Гриффин также прокомментировала это

увольнение, написав в твитте: “Мне нужно, чтобы этот маленький эльф остался подольше, пока Мюллер не закончит”. Реакция Джона Леджента была короткой: “Президент вызывает (ругательство) смущение”...»¹.

Вышеприведенная выдержка — это только маленький отрывок из довольно объемного перечисления случаев участия в политической жизни США знаменитостей за последние пару лет, подготовленного USA Today. Но и этого уже достаточно, чтобы попытаться осознать масштабы *селебритизации политики*. Даже «обычные», профессиональные политики стремятся стать политиками-звездами, перенимая маркетинговые приемы шоуменов или кинозвезд: общаясь с публикой в соцсетях, появляясь в телешоу, заручаясь поддержкой других знаменитостей². При этом «те, кто использует стратегии ЕСР (“everyday celebrity politicians”), — отмечают М. Вуд, Дж. Корбетт и М. Флиндерс, — становятся все более успешными благодаря широким изменениям в природе “общества знаменитостей”, которое все больше сосредотачивается на “обычных” людях в “экстраординарных” ситуациях, о чем свидетельствуют реалити-шоу, такие как “Х-фактор”»³. Все это говорит о том, что инструменты достижения власти и политического влияния сегодня меняются.

---

¹ When stars get political: Jane Fonda, Taylor Swift, Alyssa Milano, Kanye West and more / USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/picture-gallery/life/people/2019/01/03/celebrities-talk-politics-taylor-swift-kanye-west/2471971002/> (дата обращения: 14.03.2021).

² Wheeler M. *Celebrity Politics: Image and Identity in Contemporary Political Communications*. Cambridge: Polity Press, 2013.

³ Wood M., Corbett J., Flinders M. Just Like Us: Everyday Celebrity Politicians and the Pursuit of Popularity in an Age of Anti-politics // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2016. № 3. P. 583.

Пока, думается, мы имеем скудные представления о реальном *политическом влиянии* знаменитостей, которые превращаются в своеобразных «репостников» (как людей, каждое сообщение которых в социальных сетях активно репостится — «перепубликуется») и «френдлоров» («обладателей» большого количества подписчиков или «друзей» в социальных медиа¹), ибо располагают ценнейшим ресурсом медиатизированного мира — огромными аудиториями любящих и уважающих *поклонников*. Какое политическое влияние должен иметь человек, у которого количество подписчиков в Instagram или на YouTube переваливает за десятки или даже сотни миллионов? Такая аудитория оказывается куда большей, чем у большинства телеканалов, причем стоит подчеркнуть, что речь должна идти именно о *лояльной* аудитории. Так, 19 августа 2020 года американская восемнадцатилетняя певица Билли Айлиш села перед камерой и за сорок восемь секунд сказала, что Трамп — плохой президент, а также призвала всех идти на выборы во имя экологии и расового равенства². При этом у нее более 70 млн искренне ее любящих и почитающих подписчиков в Instagram и 33 млн на YouTube. Да, в данном случае стоит говорить, что ей, скорее всего, неплохо заплатили за эту публикацию демократы. Но стала бы

¹ Собственно говоря, сегодня практически любой знаменитый человек является активным пользователем социальных медиа. Поэтому особой разницы между традиционными селебрити и социально-медийными инфлюенсерами уже нет.

² REGISTER TO VOTE / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0wpBUcYzFG0&list=WL&index=2&t=0s&fbclid=IwAR1Wtw0UT2A4OcwxcIQFtzcsJR8jkW50QGwd1t6-AdUt4w-wXSGDYeIzjSjQ> (дата обращения 14.03.2021).

Билли Айлиш делать это, если бы сказанное сильно противоречило ее же убеждениям? Возможно, но в современных реалиях маловероятно, ибо никакие деньги Джо Байдена не способны покрыть репутационный ущерб, который был бы нанесен утратившему *личностную аутентичность* френдлорду. И если лидера мнений в весовой категории «до 100 млн» еще можно «купить», то еще более влиятельные медийные персоны вряд ли пойдут наперекор своим жизненным принципам. За четыре дня до того, как с публичным обращением против Трампа выступила Билли Айлиш, американская певица Тейлор Свифт написала в Твиттере: «Он ХОРОШО ЗНАЕТ, что мы не хотим, чтобы он был нашим президентом. Он решил вопиюще обмануть и подвергнуть риску жизни миллионов американцев, пытаясь удержать власть»¹. У Тейлор Свифт на момент написания этого текста 140 млн подписчиков в Instagram, 40 млн на YouTube и 87 млн в Твиттере.

«Люди, обладающие личностью», стали настолько значимыми в политической жизни общества, что волей-неволей напрашиваются ассоциации с марксистским концептом *правящего (или господствующего) класса*. В сословно-классовую эпоху правители были вынуждены опираться на земельную аристократию. Это был своеобразный симбиоз: цари, императоры, короли и т. д. выступали гарантом аристократического положения привилегированных меньшинств (и эксплуатации не-

---

¹ Del Rosario A. Taylor Swift Blasts Trump's "Calculated Dismantling Of USPS" Amid President's Efforts To Decommission Services / DEADLINE. URL: <https://deadline.com/2020/08/taylor-swift-blast-trump-usps-twitter-1203014449/> (дата обращения 14.03.2021).

посредственных производителей), а последние, в свою очередь, несли службу или собирали налоги. Схожий симбиоз свойствен капитализму, который поставил политиков в прямую зависимость от спонсорства «денежных мешков» (как и «привилегированное» положение «денежных мешков» — от поддержки политиков). Сегодня этих «мешков» уже недостаточно. Необходимо нечто большее — сформировать своеобразную «дружину» из максимально привлекательных *знаменитостей*, которые бы оказывали систематическую *поддержку* (political endorsement) политическому лидеру.

Эффективность политической поддержки знаменитостей изучена недостаточно. Исследование, проведенное Morning Consult в январе — феврале 2020 года (n=2200), показало, что 89 % опрошенных, наряду с 88 % демократов и 91 % республиканцев (сторонников соответствующих партий), заявили, что не существует знаменитостей, поддержка которых повысила бы вероятность их голосования за кандидата, за которого они ранее не планировали голосовать. При этом самим знаменитостям поддержка политических кандидатов скорее вредит: 58 % демократов и 63 % республиканцев заявили, что у них меньше шансов стать поклонниками знаменитостей, если он или она публично поддержат политического кандидата, которого они не любят. Тем не менее для молодых людей поддержка знаменитостей оказывается куда весомее. 19 % представителей поколения «Z» и 16 % миллениалов отметили, что мнение знаменитых людей для них имеет большое значение. Более того, для демократов этот фактор оказался еще более существенным: среди лиц в возрасте от 18 до 29 лет

29 % заявили, что поддержка Берни Сандерса со стороны американской певицы Арианы Гранде повысит вероятность их голосования за него, а треть афроамериканцев заявили, что благодаря одобрению Тома Хэнкса и Риты Уилсон они с большей вероятностью проголосуют за Джо Байдена¹. Другое исследование, проведенное Hill-Harris X (n=1000), показало, что публичные заявления голливудских звезд не влияют на электоральный выбор 65 % респондентов. Более того, эти заявления могут вредить. 24 % опрошенных заявили, что поддержка знаменитости снизит вероятность их голосования за конкретного кандидата, в то время как только 11 % говорили об обратном. При этом, опять же, более молодые респонденты чаще говорили, что знаменитость может подтолкнуть их к поддержке той или иной кандидатуры. 23 % процента избирателей в возрасте до тридцати пяти лет заявили, что одобрение голливудского деятеля повысило их шансы проголосовать за определенного кандидата².

Так или иначе, политиков не сильно интересуют данные исследований. Сегодня уже никому особо и не важен краткосрочный эффект от поддержки, оказываемой знаменитостями. Важнее другое: если у кандидата нет соответствующей «дружинь», то он *изгой*, поэтому поиск одобрения звезд или социально-медийных пер-

---

¹ Shevenock S. Nearly 9 in 10 People Said No Celebrity Endorsement Would Sway Their Vote. But public increasingly sour on celebrities who endorse political candidates they dislike / Morning Consult. URL: <https://morningconsult.com/2020/02/11/nearly-9-in-10-people-said-no-celebrity-endorsement-would-sway-their-vote/> (дата обращения: 14.03.2021).

² Sheffield M. Poll: Most voters say celebrity political endorsements don't matter/ The Hill. URL: <https://thehill.com/hilltv/what-americas-thinking/448585-poll-most-americans-say-celebrity-political-endorsements-have> (дата обращения: 14.03.2021).

сон становится *обязательным* в избирательных кампаниях. Победитель в этой борьбе тот, кто смог собрать «свиту» из наиболее популярных и наименее отгалкивающих *личностей*. И эта тенденция поистине впечатляет. Сегодня дело доходит до того, что пишутся соответствующие гайды по political endorsements, которые помогают разобраться в сложной «структуре» взаимоотношений политиков со знаменитостями. Эти гайды по своему объему скорее походят на целые *тома*. Приведу выдержки из «оглавления» к одному такому гайду, посвященному президентским выборам в США 2020 года:

«Розарио Доусон [актриса, певица и писательница] за Берни Сандерса...

Эми Шумер [стендап-комедиантка, сценаристка, продюсер и актриса] за Элизабет Уоррен...

Хейли Бибер [модель] за Берни Сандерса...

Меган Рапино [знаменитая американская футболистка] за Элизабет Уоррен ...

Синтия Никсон [актриса, политик и театральный режиссер] за Берни Сандерса...

Джудит Шейндлин [адвокат, судья, телеведущая и писатель] за Майкла Блумберга...

Мэнди Мур [певица, актриса и автор песен] за Пита Буттиджича...

Шер [певица, актриса, кинорежиссёр, музыкальный продюсер и автор песен] за Джо Байдена...

Тед Дэнсон [актер] за Майкла Блумберга...

Эмили Ратаковски [модель] за Берни Сандерса...

Джонатан Ван Несс [парикмахер, подкастер и телеведущий] за Элизабет Уоррен...

Карди Би [хип-хоп исполнительница, автор песен, актриса и телезвезда] за Берни Сандерса...

Мишель Кван [фигуристка, выступавшая в одиночном катании, двукратный призёр Олимпийских игр, пятикратная чемпионка мира и девятикратная чемпионка США] за Джо Байдена...

Минди Калинг [комедиантка, актриса и сценаристка] за Камалу Харрис...

Мелисса Этеридж [рок-певица] за Элизабет Уоррен...

Сьюзан Сарандон [актриса кино, телевидения и озвучивания, активистка] за Берни Сандерса...» и т. д.¹

В англоязычной Википедии можно найти внушительную статью, которая называется «Список одобрений президентской кампании Джо Байдена 2020». Помимо перечисления официальных лиц и политиков там есть списки публичных *персон* из областей науки, медиа, бизнеса, кино, музыки, литературы, спорта. Только простое перечисление имен знаменитостей с очень краткими пояснениями имеет объем в 20 000 знаков (по состоянию на октябрь 2020 года)². Подобные статьи есть о каждом участнике президентской гонки. Аналогичные списки на странице, посвященной кампании Дональда Трампа, куда скромнее: их объем всего около 8000 знаков³. Это означает, что действующий президент

¹ Gardner A. A Guide to All the Celebrity Endorsements for the 2020 Presidential Election / Glamour. URL: <https://www.glamour.com/gallery/celebrity-endorsements-2020-presidential-election> (дата обращения: 14.03.2021).

² List of Joe Biden 2020 presidential campaign endorsements / Wikipedia.org. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Joe_Biden_2020_presidential_campaign_endorsements (дата обращения: 14.03.2021).

³ List of Donald Trump 2020 presidential campaign endorsements / Wikipedia.org. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Donald_Trump_2020_presidential_campaign_endorsements (дата обращения: 14.03.2021).

США сильно проиграл кандидату от Демократической партии в борьбе за поддержку персоналиата. Если в 2016 году неудача в этом сражении еще гарантированно не вела к поражению в войне¹ (хотя по голосам избирателей Трамп все же проиграл), то в 2020 году такой же проигрыш, по всей видимости, оказался решающим.

NB! К слову, именно поэтому я бы не торопился последующую блокировку в соцсетях Д. Трампа после известных событий 6 января 2021 года списывать на всевластие владельцев медиаплатформ. Без соответствующего идеологического влияния персоналиата, продвигающего и отстаивающего леволиберальные ценности (см. Раздел III), такие блокировки не имели бы никакой легитимности.

Участие «неполитических» знаменитостей в политике — вовсе не культурная особенность США. Это общемировая тенденция. Так, несмотря на большую зависимость артистов от агентств талантов в Японии,

---

¹ Борьбу за поддержку персоналиата тогда Трамп тоже с треском проиграл. Если провести подобное сравнение, то по итогу всей кампании списки оказавших поддержку Хилари Клинтон «неполитических» знаменитостей растянулись аж на 77 000 (!) знаков против всего-навсего 25 000 у Дональда Трампа. Разумеется, тут нельзя говорить о каком-то точном предсказательном потенциале. Скорее, такое сравнение демонстрирует меру поддержки определенной части общества — продвинутой молодежи, постматериалистов, сторонников ценностей, которые обычно разделяются знаменитостями (творческой свободы, толерантности, мультикультурализма и т. п.). У Трампа совершенно другой, более «приземленный», электорат, который не особо любит «заевшихся звезд», микро-селебрити и социально-медийных инфлюенсеров.

их политическая активность растет¹. Аналогичные события происходят в России. Знаменитости становятся неотъемлемой частью политической сферы. Особенно заметно это по различным протестным инициативам. Социальные медиа и так уже породили целую плеяду *личностей* (блогеров, комментаторов новостей и т. п.), способных мгновенно мобилизовать протестный актив (Алексей Навальный, Дмитрий Иванов (kamikadze_d), Алексей Романов и многие другие). Но не только политические блогеры имеют влияние. Кинозвезды, певцы, спортсмены и неполитические блогеры все активнее заявляют о себе в политике. Они (к слову, небезуспешно) вступаются за политических активистов или журналистов, которых преследуют по политическим мотивам (Иван Голунов, Павел Устинов

---

¹ К примеру, сильный общественный резонанс вызвал в мае 2020 года законопроект о продлении пенсионного возраста прокурорам. Люди из разных кругов выступили против законопроекта из-за опасений, что он может позволить правительству произвольно вмешиваться в кадровые дела прокуратуры. На заседании кабинета министров в январе того же года правительство решило продлить срок полномочий Хиromу Курокавы, старшего прокурора Высшей государственной прокуратуры Токио, который приближался к пенсионному возрасту. Это решение негативно восприняли представители общественности. При этом решающую роль сыграли знаменитости. Твиты под хэштегом «Я против предлагаемого пересмотра Закона о государственной прокуратуре», стали вирусными при поддержке многих знаменитостей, и по состоянию на 20:00 11 мая 2020 года было опубликовано более 6,8 миллионов таких твитов. Шестидесятидвухлетний режиссер-постановщик Амон Миямото написал в Твиттере о своих опасениях: «В условиях пандемии коронавируса им следует сосредоточиться на жизни людей. Как ни крути, закон далек от демократии». Актер Ю Сирота, бывший боец смешанных единоборств Нобухико Такада, фотомодель Кико Мидзухара, певица Чара, актриса Кёко Кондзуми и многие другие также выразили несогласие со спорным законопроектом. В итоге 18 мая законопроект было отложен (Edogawa N., Hayashi M. Shutupandsing? Celebrities' political tweets bring backlash / The Asahi Shimbun. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/13367399> (дата обращения 14.03.2021).

и т. п.), привлекают внимание к общественно важным проблемам (например, «флешмоб» звезд, рассказывающих о своих мизерных пенсиях в феврале 2020 года¹, призывы соблюдать режим самоизоляции во время пандемии COVID-19 и т. п.) или вовсе напрямую выступают на стороне гражданских активистов. Так, 16 августа 2020 года Максим Галкин поддержал активистов, протестующих против разработки горы Куштау Башкирской содовой компанией. Как он отметил в видеообращении, опубликованном в Instagram (более 6 млн просмотров только на этой платформе, а еще нужно учесть «сетевой потенциал» — распространение по другим сетям вроде «Яндекс.Дзен»), «[Куштау] — уникальное природное явление, причем международное сообщество внесло его в список охраняемых геологических объектов. Это часть жизни Башкортостана, часть жизни местных жителей. Башкирская содовая компания хочет сравнять с землей это место. <...> Сейчас речь идет о каких-то сверхприбылях: Башкирская содовая компания не закончит свое существование, если ей не достанется Куштау. Ну, будет меньше прибыли. Я не очень любил цитату из своего же монолога <...> но сейчас это очень актуально: проблема России не в том, что бедных много, проблема в том, что богатые никак не нажрутся»². Сегодня, если

¹ От 12 тысяч и больше. Российские звезды массово рассказывают о своих пенсиях / ТОЛК. URL: <https://tolknews.ru/news/30378-stalozvestno-kakie-pensii-polucaut-zvezdy-rossijskoj-estrady> (дата обращения 14.03.2021).

² Комаров Д. «Проблема в том, что богатые никак не нажрутся». Максим Галкин выступил в поддержку активистов, защищающих пикан Куштау / ZNAK. URL: https://www.znak.com/2020-08-17/maksim_galkin_vystupil_v_podderzhku_aktivistov_zachichayuchih_shihan_kushtau (дата обращения 14.03.2021).

«локальная», казалось бы, политическая повестка доходит до таких относительно (если говорить о России) могущественных френдлордов, как Максим Галкин (8,5 млн подписчиков в Instagram и общероссийская известность), то федеральные власти с куда большей вероятностью вмешаются в ситуацию и встанут на сторону протестующих. Так и произошло: 28 августа Генеральная прокуратура Российской Федерации опубликовала на своем сайте сообщение: «По поручению Президента Владимира Путина проверена законность отчуждения государственных акций предприятий содовой промышленности в Республике Башкортостан. В ходе проведенной проверки выявлены нарушения законодательства о приватизации»¹.

Россия, таким образом, не сильно отстает от «передовых» стран, ведь сегодня ни одна политическая инициатива не проходит без соответствующей «поддержки» знаменитостей. Так, перед голосованием по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации (с 25 июня по 1 июля 2020 года) развернулась борьба за благосклонность персоналиата как со стороны сторонников этих поправок, так и со стороны их противников. Самым скандальным агитационным видео стал ролик Russia Today, в котором приняли участие знаменитости: двукратный чемпион мира по хоккею Вячеслав Фетисов, актер Иван Охлобыстин, Народная артистка РСФСР Ирина Купченко, олимпийская чемпионка по фигурному катанию Аделина Сотникова,

---

¹ Жилин И. Без соды и следствия Чиновники услышали позицию Путина по Кушугу и начали спасать гору. А что они отвечали простым людям? / Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/29/86874-bez-sody-i-sledstviya> (дата обращения 14.03.2021).

врач Лео Бокерия, народный артист Василий Лановой, дизайнер Артемий Лебедев. Участники зачитали преамбулу действующей Конституции, в конце ролика появляются слова: «1 июля принимаем поправки в Конституцию Российской Федерации вместе». (Правда, после выхода ролика Артемий Лебедев заявил, что его обманули.) Затем ролики в поддержку голосования записали двукратный олимпийский чемпион по фигурному катанию Евгений Плющенко и его жена — продюсер Яна Рудковская. По телевизору показывали ролики, в которых с призывами голосовать за поправки выступали такие знаменитые люди, как Олег Газманов, Владимир Машков, Георгий Дронов, Сергей Безруков, Михаил Боярский, Денис Мацуев, Андрей Рожков и многие другие¹. Также поддержали поправки Юрий Башмет, Дмитрий Певцов, Илья Резник, Алина Загитова, Мария Сотскова, Александр Жулин, Станислав Черчесов, Дмитрий Харатьян и другие звезды². «Волна поддержки» прокатилась и по социальным медиа: в Instagram отметились постами такие медийные персоны, как Ольга Бузова, Ксения Бородина, Стас Михайлов, Кэти Топурия, Айза Анохина и другие³. На про-

---

¹ Щербак И. «За пост предлагали миллион рублей». Кто из знаменитостей поддерживает поправки и всенародное голосование. Список / ZNAK. URL: https://www.znak.com/2020-06-18/kto_iz_znamenitostey_podderzhivaet_popravki_i_vsenarodnoe_golosovanie_spisok (дата обращения 14.03.2021).

² Манукян В. От Топурии и Плющенко до Ефремова и Бони: как звезды голосуют по поправкам в Конституцию / Федеральное агентство новостей. URL: <https://riafan.ru/1289779-ot-topurii-i-plyushenko-do-efremova-i-boni-kak-zvezdy-golosuyut-po-popravkam-k-konstitucii> (дата обращения 14.03.2021).

³ Щербак И. «За пост предлагали миллион рублей». Кто из знаменитостей поддерживает поправки и всенародное голосование. Список / ZNAK. URL: https://www.znak.com/2020-06-18/kto_iz_znamenitostey_podderzhivaet_popravki_i_vsenarodnoe_golosovanie_spisok (дата обращения 14.03.2021).

тивоположной стороне пытались оказывать сопротивление. В частности, блогер Катя Конасова заявила, что ей предложили 1 млн рублей за рекламу поправок, но она отказалась. Ролик Конасовой набрал более полу-миллиона просмотров и около 85 тысяч лайков¹. Правда, такой масштабной кампании противникам поправок провести не удалось. Дело ограничилось «шумом» либеральной общественности в социальных медиа, единичными выступлениями звезд и социально-медийных персон (Сергей Шнуров, Рома Зверь, Артемий Лебедев, Виктория Боня), коллективными письмами². Битва за поддержку персоналиата была начисто выиграна действующими властями и сторонниками поправок в Конституцию.

***

Итак, на сегодняшний день можно говорить о том, что звезды все чаще участвуют в политике. И нередко это участие — косвенное (поддержка на выборах и т. п.). Конечно, одна только слава не гарантирует

---

¹ Там же.

² В марте 2020 года ученые, журналисты, писатели и юристы подписали коллективное письмо к депутатам и политикам, в котором они заявили о недопустимости поправок в Конституцию РФ. Под обращением подписались 357 человек, преимущественно представителей либеральной направленности. Среди них телеведущие Татьяна Лазарева и Михаил Ширвиндт, писатель Виктор Шендерович, журналист Леонид Парфенов, кинокритик Антон Долин, руководитель «Левада-центра» Лев Гудков и другие. См.: Белоусов Я. Российские ученые и писатели выступили против поправок в Конституцию. Либеральная интеллигенция задумалась о протесте / Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/03/16/rossiyskie-uchenye-i-pisateli-vystupili-protiv-popravok-v-konstituciyu.html> (дата обращения: 14.03.2021).

доверия¹. Если знаменитость считают корыстной или легкомысленной (как, скажем, Пэрис Хилтон или Ким Кардашьян), ее позиция может даже негативно отразиться на восприятии проблемы или политической кампании. Гораздо больше люди склонны прислушиваться к селебрити, имеющим имидж серьезных людей или интеллектуалов. Например, в 2008 г. поддержка избирательной кампании Барака Обамы со стороны известной телеведущей Опры Уинфри серьезно повлияла на результаты выборов² (согласно некоторым подсчетам, она принесла Обаме свыше миллиона голосов³). И хотя в ходе социологических опросов респонденты редко признаются в своей готовности следовать призывам звезд⁴, есть немало свидетельств значимого влияния знаменитостей на своих поклонников, которые видят в них источник авторитетного мнения⁵. Существенным бывает и их вклад в мобилизацию избирателей. Так, в 2018 г., когда в преддверии выборов в сенат США музыкальная звезда Тейлор Свифт призвала своих подписчиков

---

¹ См.: Frizzell C. Public Opinion and Foreign Policy: The Effects of Celebrity Endorsements // *Social Science Journal*. 2011. № 2. Pp. 314–323.

² Pease A., Brewer P.R. The Oprah Factor: The Effects of a Celebrity Endorsement in a Presidential Primary Campaign // *The International Journal of Press/Politics*. 2008. № 4. Pp. 386–400.

³ Garthwaite C., Moore T.J. Can Celebrity Endorsements Affect Political Outcomes? Evidence from the 2008 U.S. Democratic Presidential Primary // *Journal of Law Economics and Organization*. 2013. № 2. Pp. 355–384.

⁴ Jackson D. J. Here's How Celebrity Presidential Endorsements Matter / *Cleveland.com*. URL: https://www.cleveland.com/opinion/2016/02/presidential_endorsements_incl.html (дата обращения: 14.03.2021).

⁵ Nisbett G. S., DeWalt C.C. Exploring the Influence of Celebrities in Politics: A Focus Group Study of Young Voters // *Atlantic Journal of Communication*. 2016. № 3. Pp. 144–156.

в Instagram регистрироваться для голосования, через два дня после появления ее поста в стране зарегистрировалось более 212 тыс. новых избирателей, при том что среднее число ежедневных регистраций обычно не превышало 13 тыс.¹.

В любом случае сказанное выше позволяет сделать предварительный вывод: сегодня мы являемся свидетелями масштабной трансформации политического. Люди, обладающие известностью, с завидной регулярностью приходят в политику и конвертируют свой символический «капитал» в «капитал» политический. Уже здесь мы видим своеобразную концентрацию инструментов влияния в руках тех, кто *прежде всего* знаменит. Да, знаменитости нередко бывают «куплены» и подключаются к тем или иным акциям в рекламных или пропагандистских целях. Но вовлеченность селебрити в подобные акции, как и их участие в избирательных кампаниях, не более чем верхушка айсберга. Чтобы понять всю глубину и масштабы разворачивающихся процессов, нужно на время отвлечься от «институциональной» политики. Политика не сводится к участию в выборах или поддержке кандидатов, не в меньшей степени это очень медленные процессы, в которых задействованы механизмы *формирования политической субъектности*. Настоящее господство — это власть над дискурсом. И в этом отношении сегодня происходят воистину грандиозные перемены.

---

¹ Wang A. B. Taylor Swift's Endorsement of Democrats Is Followed by a Spike in Voter Registrations / The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/arts-entertainment/2018/10/09/taylor-swifts-endorsement-democrats-causes-spike-voter-registrations/> (дата обращения: 14.03.2021).

2.2. Универсальные лидеры мнений

«Что я думаю о СССР? Не знаю... Мне кажется, там было много хорошего и много плохого. Но хорошего было больше, так как люди жили дружно... и еще (как это сказать по-английски?..) там у всех было бесплатное жилье, было бесплатное образование, медицина, бесплатные университеты и многое другое. В общем, в каком-то смысле было хорошо. Мне бабушка рассказывала...» Это слова ASMR¹-блогера Моона², произнесенные в прямом эфире (на стриме) на ломаном английском языке в ответ на вопрос подписчика о ее отношении к СССР. Вряд ли можно найти столь же далекий от политики жанр, как ASMR: «асмртисты» в основном шепчут, шуршат, стучат пальцами по разным поверхностям и предметам и т. п. Однако в социальных медиа любая деятельность превращается в производство личности, интерес публики к которой выходит далеко за пределы той или иной ограниченной области. Стримы, общение с подписчиками в комментариях или напрямую в социальных сетях и т. п. — все это позволяет яркой личности стать понастоящему *универсальной и влиятельной*.

В 1940–1950-е годы рядом американских исследователей (Поль Ф. Лазарсфельд, Роберт К. Мертон, Бернар Берельсон, Хейзел Годе, Элиу Кац и др.³) было

¹ Автономная сенсорная меридиональная реакция.

² Из «полевых» дневников. К сожалению, видео не находится в общем доступе, что не позволяет сделать ссылку.

³ См.: Katz E., Lazarsfeld P. F. *Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1955; Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. *The People's Choice*, New York: Columbia University Press, 1948.

эмпирически установлено, что влияние СМИ на предпочтения и убеждения людей было переоценено. Так, на подавляющее большинство людей реклама не оказывает никакого влияния. Как показали Пол Лазарсфельд и Элиу Кац в книге «Личное влияние» (1955)¹, поток коммуникации является двухступенчатым. На потребительский, электоральный и т. п. выбор куда чаще оказывают влияние *лидеры мнений* — люди, обладающие *влиятием и авторитетом* в той или иной области, с которыми происходит непосредственная коммуникация (общение). СМИ воздействуют преимущественно на этих лидеров мнений, а они потом преподносят в «переваренном» виде информацию тому, кого смогут *убедить* (дать «дружеский совет» и т. п.).

Сегодня уже трудно говорить о двух ступенях. *Социальные медиа стирают грань между простой передачей информации средствами массовых коммуникаций и персональным влиянием.* На сегодняшний день в мире ежегодно публикуется более 2 млрд постов, а число активных блогеров перевалило за 600 млн², и многие из них становятся публичными фигурами. То, что раньше было доступно сотням или, в лучшем случае, тысячам, теперь удел сотен тысяч. За последние десять лет социальные медиа пережили взрывной рост. Их аудитория увеличилась более чем в три раза и сейчас охватывает свыше 3 млрд пользователей. Быстрыми темпами шло

---

¹ Katz E., Lazarsfeld P. F. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1955.

² Byers K. How Many Blogs Are There? (And 141 Other Blogging Stats) / Growth Badger. URL: <https://growthbadger.com/blog-stats/#:~:text=There%20are%20over%20600%20million,o%20over%201.7%20billion%20websites.&text=In%20the%20United%20States%2C%20there,at%20least%20once%20per%20month> (дата обращения: 14.03.2021).

и внутреннее развитие медиапространства — к классическим социальным сетям (Facebook, Вконтакте и др.) добавились микроблоги (Twitter, Tumblr и др.), стриминговые сервисы (Twitch), фото- и видеохостинги (YouTube, Instagram), платформы для коротких видео (musical.ly, TikTok). Сегодня ко всему этому добавился Clubhouse — социальная сеть, в которой можно общаться только голосом. Новые платформы, форматы, темы и т. п. множатся в геометрической прогрессии.

Если персоналиат — это социальная прослойка обладающих властью над вниманием, то расширение этой прослойки связано в том числе с увеличением времени, которое люди тратят на потребление благ, ассоциируемых с той или иной личностью (в отличие от материальных благ вроде автомобиля, с которыми ассоциируется скорее бренд, блог или пост являются «вотчиной» отдельной персоны). В этом плане технологии открыли небывалые возможности. Творческие личности появляются в поле нашего зрения все чаще и чаще. Еще несколько десятилетий назад мы сталкивались с ними главным образом при чтении книг и газет, прослушивании радио, пластинок, кассет и CD-дисков, просмотре телепередач и фильмов. Для знакомства с результатами творческой деятельности нужно было специально выделенное время, особое пространство, а иногда и громоздкое оборудование. Сегодня же творческие личности буквально окружают нас, они «владеют умами» на улице, в транспорте, в спальне, в ванной и даже в уборной. При этом ничего уже больше не повторяется. Повторение было необходимо в условиях информационного дефицита, когда само создание информационного контента требовало немалых матери-

альных и временных затрат. Сейчас же в кармане у каждого целая фото-, кино или музыкальная студия.

Соответственно, ускоряющимися темпами растет прослойка социально-медийных личностей, аудитория которых сопоставима с аудиторией СМИ. При этом характер взаимодействий между популярными персонами и их поклонниками существенно меняется. В отличие от обычных знаменитостей, стремившихся поддерживать определенное расстояние от их публики, социально-медийные личности скорее стараются раскрыть некоторые особенности своей частной жизни в процессе непрерывного онлайн-общения с подписчиками. Исследователи пытаются концептуально осмыслить границы этой расширяющейся социальной прослойки. Одной из первых обратилась к этой теме Тереза Сенфт в своей работе, посвященной практикам самопрезентации девушек-блогеров¹, использовавшая термин «микрознаменитость» («microcelebrity») — «microcelebrity»². Связывая феномен микрознаменитости с особой формой онлайн-продуктивности, когда люди «усиливают» свою популярность в Интернете с помощью таких технологий, как видео, блоги и сайты социальных сетей», Сенфт подчеркивает, что, хотя «микрознаменитости иногда выглядят как обычные знаменитости, они не идентичны»³. Главную особенность микрознаменитостей она видит

---

¹ Senft T. *Camgirls: Celebrity and Community in the Age of Social Networks (Digital Formations)*. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2008.

² Abidin C. *Internet Celebrity: Understanding Fame Online*. Bingley: Emerald Publishing, 2018.

³ Senft T. *Camgirls: Celebrity and Community in the Age of Social Networks (Digital Formations)*. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2008. P. 25.

в своеобразном *эффекте аутентичности*: за счет имитации непосредственного присутствия в повседневной жизни интернет-звезды и ее постоянного общения с аудиторией социальные медиа позволяют создавать выглядящие правдивыми образы¹. Довольно часто встречается также термин «инфлюенсер» (от англ. *influence* — влияние), к которому активно обращаются в маркетинговых исследованиях, направленных на изучение способности интернет-звезд влиять на потребительский выбор². Язык стремительно обогащается, чтобы описать эту расширяющуюся область *влиятельности*³: уже говорят не просто о знаменитостях или микрознаменитостях, появляются слова вроде «нанознаменитость» или «наноинфлюенсер» (люди с количеством подписчиков в социальных медиа от 1000 до 100 000)⁴. Формируются своеобразные иерархические пирамиды, где на вершине располагаются меганфлюенсеры, немного пониже макроинфлюенсеры, а внизу — микро- и наноинфлюенсеры⁵.

---

¹ Ibid. P. 26.

² Schomer A. Influencer Marketing: State of the Social Media Influencer Market in 2020. URL: <https://www.businessinsider.com/influencermarketing-report> (дата обращения: 14.03.2021).

³ К слову, в социальных науках знаменитости уже концептуализировались как «новая элита информационного общества» (см.: Grinin L. E. *Celebrities as a New Elite of Information Society // Social Evolution & History*. 2012. № 1. Pp. 124–153), но тогда речь шла о «традиционных» селебрити.

⁴ Godwin R. The rise of the nano-influencer: how brands are turning to common people / *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/14/rise-nano-influencer-brands-celebrities-youtube-instagram> (дата обращения: 14.03.2021).

⁵ Ismail K. Social Media Influencers: Mega, Macro, Micro or Nano / *CMS Wire*. URL: <https://www.cmswire.com/digital-marketing/social-media-influencers-mega-macro-micro-or-nano/> (дата обращения: 14.03.2021).

Популярные социально-медийные персоны, в сущности, оказываются теми самыми *авторитетными людьми*, к которым идут за советом и к мнению которых прислушиваются. Все это принципиальным образом меняет основные «рычаги власти» в сфере массовой информации отнюдь не в пользу традиционных медиа. Люди с большей охотой будут слушать совета того или иного *блогера*, нежели корреспондента или официального пропагандиста, так как образ блогера предстает максимально «приближенным к народу». Блогер постоянно взаимодействует со своими фолловерами, является для них словно *другом*, публикации отдельных моментов его частной жизни в Instagram или TikTok создают *эффект непрерывного присутствия*. Для пропагандистов всех мастей это серьезный вызов, ибо «пирамида влияния» (от СМИ к лидерам мнений) стремительно рушится. Они еще могут пытаться купить рекламу или сухое одобрение у той или иной интернет-звезды, но личность со всеми тонкостями ее «душевной организации», непрерывно проявляющую *себя* в ответах на комментарии к видео на YouTube или постах в Twitter, купить невозможно. Оттого и постоянные просчеты пропаганды, когда проплаченные политические интеграции приносят огромный вред как пропагандистам, так и самим социально-медийным инфлюенсерам¹.

---

¹ В качестве примера можно привести проплаченные клипы блогеров-миллионников, мотивирующие принять участие в выборах Президента РФ 2018 г. Эгих блогеров (Юрий Хованский, Юлий Онешко (Юлик), Никита Гридин (Кузьма), Елизавета Неред (Лиззка)) накрыла «волна ненависти»: сами ролики собрали огромное количество дизлайков, негатив наблюдался и со стороны других блогеров, которые остались в стороне от «проплаченной» политики. Многим пришлось оправдываться, доказывая, что «техническое задание» было предложено неполитическими агентами

***

Чем, кроме эффекта аутентичности, примечательны микроразнаменитости? Осмелюсь предположить, что большей *автономией по отношению к власти капитала*.

Конечно, социальная революция — это не радикальный разрыв с прошлым. Как уже было отмечено выше, появление новых общественных отношений вовсе не означает, что предыдущие мгновенно исчезают (как и старые социальные противоречия). Напротив, скорее старые элиты концентрируют необходимые ресурсы, чтобы в итоге дать жизнь новым способам производства. Первые капиталисты вполне могли использовать феодальные привилегии и земельную ренту в своих коммерческих начинаниях. И сегодня производство личности не обязательно должно в корне противоречить миру коммерции. Да, это преимущественно творческий процесс, и никакое богатство не «дарует» личность в готовом виде. Но, как заводы нуждаются в земле и ресурсах, поступающих из ее недр, так и личность — ничто без материальных подпорок. Без определенных средств быюти- и фэшн-блогеры не будут нарядными и модными, смазливые инстаграмеры и тиктокеры не смогут излучать энер-

---

и якобы в пародийных целях. Похожая история произошла в июле 2018 года, когда Николай Соболев прорекламирал Парк Горького в Москве. Оказалось, что это был «скрытый» заказ от мэрии Москвы (перед выборами мэра 9 сентября 2018 года). Негатив не спал, даже когда в специальном ролике (<https://www.youtube.com/watch?v=gWZajmT10jg&t=1s>) Соболев попытался оправдаться и предъявил доказательства, что не имел никакого умысла за деньги рекламировать политика (сам ролик набрал 285 000 дизлайков при 175 000 лайков). Очевидно, что «интеграция» не состоялась и принесла только убытки двум сторонам.

гию молодости и стиля, трэвел-блогерам не на что будет путешествовать по миру и т. д. Иными словами, уже на этапе вхождения в *сферу самореализации* происходит своеобразный «отсев»: скажем, некрасивый и бедный вряд ли станет звездой Instagram (хотя исключения, разумеется, бывают всякие). Большая часть населения мира попросту не имеет в своем распоряжении необходимых средств, чтобы привлечь к себе и своему творчеству внимание в социальных медиа. Спрос имеет сверкающая яркими «красками жизни» молодость, активность, требующая постоянных материальных затрат. Начинающему блогеру также не помешает хорошая фото- или видеокамера, микрофон, производительный компьютер (чтобы монтировать видео) и прочее студийное оборудование и антураж: костюмы, фон, освещение и т. д.¹ Но и это далеко не все, ведь любой блогер сталкивается с необходимостью продвижения своего канала, работы с рекламой

---

¹ Как отмечается в одном из «мануалов» (март 2020 г.), начинающему Instagram-блогеру «лучше остановить свой выбор на флагманских устройствах, например на Samsung Galaxy Note 10 (от 76,9 тыс. руб.), Huawei p30 Pro (от 59,9 тыс. руб.), iPhone 11 (от 59,9 тыс. руб.), iPhone 11 Pro (от 89,9 тыс. руб.). Кроме смартфона для производства контента в домашних условиях пригодится штатив монопод (от 140 до 6,2 тыс. руб.), стабилизатор для съемки видео (от 2,5 тыс. до 10,4 тыс. руб.), сменные объективы (от 800 до 12,6 тыс. руб.), осветители и вспышки (от 800 до 2,4 тыс. руб.), внешний аккумулятор (от 240 до 13,5 тыс. руб.) и штатив (от 122 до 4,6 тыс. руб.). Большинство этих аксессуаров не обязательны, однако способны улучшить или разнообразить фото- и видеопоток» (Щуренков Н. Цена блога. Сколько стоит популярность в социальных сетях / Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4284836> (дата обращения: 14.03.2021). Videоблоги еще более затратные, ведь качественное видео требует превосходной камеры (цена которой может достигать сотен тысяч рублей), продуманного сюжета, декораций, работы оператора, а желательно и видеомонтажера и т. д.

и т. п. Поэтому неудивительно, что звездами Instagram или YouTube очень часто становятся дети обеспеченных родителей (к примеру, Николай Соболев, Алишер Валеев (Morgenshtern) и многие другие): на «стартовых позициях» у них куда больше свободного времени, нежели у их небогатых сверстников, им проще забросить учебу ради творчества и т. п. Но важнее то, что у них есть деньги на привлекающую внимание *красивую жизнь*. Современная блогосфера, как и шоу-бизнес, являются коммерциализированными, и не моя цель представлять сферу «производства личности» как нечто *совершенно чуждое* капитализму.

Таким образом, происходит очередной синтез элит. Сфера производства личности во многом формируется самим капитализмом, ведь без продуцируемых буржуазной экономикой благ невозможно было бы говорить о «креативном классе»¹, творческих индустриях, сфере шоу-бизнеса или блогосфере. Пространства коммерции и творческой самореализации постоянно пересекаются. Стоит подчеркнуть: это нисколько не противоречит тезису о *социальной революции личности*. Общественные формации — это не строго следующие друг за другом «агрегатные состояния». Куда ближе к действительности представление об общественных формациях как обусловленных теми или иными способами производства «слоях» в сложной структуре общественных отношений (формационный «слоеный пирог»). При этом старые «слои» не исчезают полностью: сегодня на планете Земля можно найти места, где сохранились не только феодальные, но и родопле-

¹ Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

менные отношения. При этом сами общественные отношения, свойственные разным формациям, могут причудливым образом сочетаться. Так, развитию капитализма в США не мешало наличие рабства. Кровнородственные отношения и сегодня влияют на очень многое в экономике (родственные связи в фирмах, блат и т. п.), а всевозможные ренты и погоня за ними сохраняются в качестве неотъемлемых элементов любой буржуазной экономики¹. К сожалению, такой «слоеный пирог» таит в себе большое зло (я вернусь к этому ниже), ведь прогресс производственных отношений всякий раз возносит представителей «передовых классов» на новые высоты, с которых трудно разглядеть проблемы тех, кто остался в самом низу.

Да, трудно отрицать, что влиятельные блогеры зарабатывают огромные состояния на рекламных интеграциях (к примеру, популярный техноблогер Wylsacom, контент которого в последнее время напроочь состоит из рекламных интеграций). Но важно отметить, что этот заработок не является капиталистической *прибылью*. Он скорее является *рентой*, порождаемой преимуществами популярности. Красота и богатство — важнейшие стимулы для большинства современных медийных инфлюенсеров. Но и не стоит от них ждать некоей моральной чистоты. Подчеркивающая статус роскошь и богатство всегда были атрибутами господствующих классов. Важно помнить очевидный факт, что не обязательно роскошь и богатство являются порождением капиталистического

---

¹ Фишман А. Г., Мартыянов В. С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2019.

производства. Поэтому ситуация только внешне выглядит так, словно мало что изменилось. Например, в Китае действуют целые «фабрики», производящие блогеров-инфлюенсеров — так называемых *ванхунюв*. Подобные микроселебрити с самого начала своей карьеры находятся «под крылом» тех или иных фирм, бренды которых они впоследствии продвигают¹.

NB! Здесь можно возразить, что те же самые тенденции можно интерпретировать как возникновение новой версии капитализма — когнитивного капитализма, эстетического капитализма, технокапитализма, суперкапитализма, глэм-капитализма и т. п. Аккумуляция внимания в коммуникационных сетях ведет к монетизации и последующей капитализации этого символического или виртуального ресурса. Поэтому экспансия капитала в новые сферы деятельности никак не является движением за пределы капитализма. Однако все же нужно придерживаться четких дефиниций, в том числе при определении ключевого понятия — *капитализма*. Согласно наиболее краткому определению, капитализм — это экономическая система, основывающаяся на товарном производстве и извлечении прибавочной стоимости. То, что все на свете (кроме любви) можно «продать за деньги», не означает, что все на свете — это капитализм. Прекрасное можно прода-

---

¹ Zhang G., De Seta G. Being «Red» on the Internet: The Craft of Popularity on Chinese Social Media Platforms // Abidin C., Brown M. L. (eds.) Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame. Bingley: Emerald Publishing, 2019. Pp. 57–67.

вать, но это не значит, что эстетика есть наука о капитализме. То же самое и с богатством, и высокими доходами: это не атрибуты одного лишь капитализма. В общем, большой редукцией является ситуация, когда мы все, что как-то может быть связано с деньгами или извлечением материальных благ, приписываем феномену капитализма. Поэтому речь идет вовсе не о том, что погоня за материальными благами исключается как таковая. Она вполне может фигурировать в качестве одного из мотивов (и не всегда основных) борьбы за популярность. Но в таком случае ключевым источником этих денег является вовсе не материализованное богатство (капитал), а *личность*.

И все же, несмотря на такую тесную связь с миром коммерции, денег, богатства и т. п., сфера производства личности функционирует по своим собственным законам (да, и как показывают ретроспективные исследования, знаменитость никогда не обуславливалась исключительно продвижением со стороны СМИ и представителей общественности, т. к. важнейшим фактором являются личные заслуги и усилия¹). Как уже было сказано, яркую личность вряд ли можно купить за деньги. Сегодня у каждого в кармане целая киностудия, и шанс вытянуть счастливый билет оказывается у каждого стремящегося к успеху. Например, чтобы стать популярным актером и комиком, Антону Лапенко (3,12 млн подписчиков на YouTube и 4,5 млн

---

¹ Marcus S. The Drama of Celebrity. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2019.

в Instagram) было достаточно недюжинного таланта, оригинальной идеи (стилизация под 1980-е и 1990-е гг.), дружной семьи (братья, выступающие в роли операторов и дублеров) и наличия смартфона, на который были сняты первые ролики¹. Историй быстрого достижения успеха в социальных медиа благодаря таланту очень много. Такие платформы как TikTok, и вовсе «заточены» под съемку коротких видео исключительно на доступные практически всем смартфоны.

Таким образом, при внимательном рассмотрении выясняется, что все не так просто. Сегодня нередко бывает трудно понять, когда балом правит капитал, а когда — медийные инфлюенсеры. Дело в том, что популярность микроселебрити очень сильно зависит от упомянутого выше эффекта аутентичности. Не случайно популярные блогеры постоянно подчеркивают, что они рекламируют только то, что нравится им самим. Все, что может испортить образ или показаться наигранным, ставит под удар самый главный ресурс «обладающих личностью» — их «искренний» имидж. К тому же многие блогеры своей деятельностью скорее вредят многочисленным буржуа (к примеру, деятельность Кати Конасовой, которая любит разоблачать гламурные магазины, торгующие одеждой с AliExpress с безумными наценками и т. п.). При этом у современных блогеров есть немало способов автономного заработка. Многие неплохо зарабатывают на донатах во время стримов — тематических онлайн-трансляций, в ходе которых микроселебрити непосредственно общаются

---

¹ Лапенко — новая звезда русского интернета / вДудь / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Uzu9clzaLvg> (дата обращения: 14.03.2021).

со своей аудиторией¹. Некоторые открывают собственные онлайн-магазины с атрибутикой. Наконец, они нередко прямо участвуют в краудфайдинговых кампаниях. Можно сказать, что *социальные медиа — это сложное и противоречивое пространство, где постоянно сталкиваются два мира — мир коммерции и мир творческой самореализации, личности как таковой*. В этом пространстве, с одной стороны, находятся фабрики по производству инфлюенсеров, а с другой — социальные сети вроде Tumblr, где появляются свои микроселебрити, поднимающие острые социальные вопросы — от прав сексуальных меньшинств до социального неравенства². Как бы то ни было, есть немало свидетельств того, что для многих блогеров личностная самореализация уже давно служит куда большим стимулом, нежели материальные блага. Как отмечается в одном исследовании творчества бьюти-блогеров на платформе YouTube, «ютуберами движет жажда личностного самовыражения и творчества, а не желание добиться материальных выгод. В цифровом мире блогеры утверждают, что они стремятся не достичь чего-то лучшего, а остаться верными себе»³.

---

¹ За один стрим, длящийся несколько часов, топовый блогер может собрать десятки, а то и сотни тысяч рублей (см. Соболенцев Д. Сколько зарабатывают начинающие и средние стримеры на Твиче и Ютубе + самые популярные стримеры в мире и СНГ / Как зарабатывать.ру. URL: <https://kakzarabativat.ru/kak-zarabotat/skolko-zarabatyvayut-strimery/> (дата обращения: 14.03.2021)).

² См.: Brown M. L., Phifer H. The Rise of Belle from Tumblr // Abidin C., Brown M. L. (eds.) Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame. Bingley: Emerald Publishing, 2019. Pp. 121–131.

³ Hou M. Social Media Celebrity and the Institutionalization of YouTube // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technology. 2018. № 3. P. 17.

Личность постепенно «эмансипируется», освобождается от тесных уз буржуазных отношений, чтобы в качестве относительно автономного субъекта брать от них то, что ей самой нужно. Возьмем в качестве примера область, которая наиболее ярко и контрастно демонстрирует этот процесс, — порноиндустрию. Когда-то она была (да и во многом остается и сегодня) униженной и очень рискованной. Порноактрисы систематически подвергались и подвергаются насилию со стороны боссов, «продюсеров» и людей с неизвестным бэкграундом. Порноиндустрию характеризует *власть денег над телом*, а потому съемка в порнофильме во многих случаях оказывается разновидностью проституции. «Съемки в одном из фильмов надолго врезались мне в память, — отмечает одна из девушек, — так как были невероятно жестокими и депрессивными. Худшего в своей жизни я не испытывала. В процессе работы я оказалась жертвой серьезного насилия. Мой партнер был ужасен — я чувствовала, что он буквально ненавидит всех женщин на земле. Он вел себя гораздо грубее, чем предполагалось до этого»¹. «Многие в нашем бизнесе, — говорит другая, — начинают принимать наркотики, потому что терпеть все это невозможно. Некоторые заражаются венерическими заболеваниями. У моей знакомой из-за работы появился герпес. Теперь она говорит мне, что порно просто разрушило ее жизнь»². Но сегодня все принципиальным образом меняется благодаря технологиям социальных

¹ Порноактрисы рассказали об ужасах съемок в фильмах для взрослых / Live 24. URL: <https://live24.ru/obschestvo/29410-pornoaktrisy-raskryli-neprigljadnuju-pravdu-ob-industrii.html> (дата обращения: 14.03.2021).

² Там же.

медиа. Производители сексуального контента оказываются самостоятельными *личностями*, владевающими ценнейшим «инструментом влияния» — контролем над *потоками внимания*. Граница между порноиндустрией и блогосферой стирается (Porn 2.0), так как теперь уже сами секс-работники производят и распространяют свой контент, а также во многом контролируют финансовую составляющую своей работы. Более того, теперь уже в центре внимания публики не безликие совокупающиеся или обнаженные тела, а *личности*, постоянно взаимодействующие со своей аудиторией. Так, настоящая «революция» произошла, когда в 2016 году была запущена платформа OnlyFans — своеобразный «Instagram» для производителей эротического и порноконтента. OnlyFans представляет собой платформу, где за определенную сумму можно стать «подписчиком» того или иного «секс-блогера». Эта платформа обрела огромную популярность, когда многие люди во время пандемии COVID-19 потеряли работу и обратились к «альтернативным» источникам дохода. Как отмечает Клэр Даунс, «по мере того, как продолжаются ограничения и накапливаются долги, цифровой секс-бизнес будет только превращаться в более распространенный источник дохода. Тем, кто предан делу, а не только красивым уборщицам и экспибиционистам, нужно будет всерьез присоединиться к сообществу секс-работников, чтобы выжить»¹. Примечательно, что благодаря OnlyFans многие заработали неплохие состояния, а также смогли конвертировать

---

¹ Downs C. OnlyFans, Influencers, And The Politics Of Selling Nudes During A Pandemic / ELLE. URL: <https://www.elle.com/culture/a32459935/onlyfans-sex-work-influencers/> (дата обращения: 14.03.2021).

«сексуальную» популярность в популярность «универсальную». Forbes, к примеру, описывает историю успеха секс-блогера Lena the Plug, которая за относительно короткое время не просто смогла заработать на платных подписках в OnlyFans семизначные суммы, но также стала звездой Instagram (3,5 млн подписчиков) и YouTube (1,6 млн), где сексуальный контент запрещен. «Люди приходили подписаться на мой контент, — говорит Lena, — потому что хотели увидеть, как я снимаю секс-видео, когда у меня будет миллион подписчиков. В итоге я просто делилась на своем канале самыми настоящими, необработанными и честными частями себя. Какое-то время я относилась к своим видео как к дневниковым записям. Для меня это было отдушиной. Я плакала на камеру. Да, я делилась некоторыми моментами захватывающей совместной жизни со своим парнем, но я также рассказала о своем расстройстве пищевого поведения, о потере хорошего друга из-за самоубийства и о том, как я боролась с ненавистью, связанной с секс-работой. Я перешла от 5 % женской аудитории к 45 % женской аудитории, что мне действительно понравилось. Я думаю, что мой канал на YouTube многое сделал для того, чтобы действительно произвести меня как “цельного” человека, если в этом есть смысл»¹. Так социальная революция личности выносит порно и эротику за пределы безликого грязного бизнеса в относительно благотворную область творческой самореализации.

---

¹ Breslin S. Porn Star 3.0: This X-Rated Social Media Influencer Makes Seven Figures A Year / Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/susannahbreslin/2020/05/26/porn-star-30-this-x-rated-social-media-influencer-makes-seven-figures-a-year/#3990b8997966> (дата обращения: 14.03.2021).

***

До появления социальных медиа знаменитости едва ли могли в полной мере считаться универсальными лидерами мнений (если под универсальностью понимать способность быстро конвертировать символический «капитал» в политический и обратно). Теоретически никто не мешал им публично отстаивать какую-либо точку зрения или заниматься общественной деятельностью, но на практике это было делом относительно редким и довольно проблематичным, поскольку на данном пути возникало множество препятствий. Звезды были лишены возможности самостоятельно и целенаправленно накапливать политический вес, ибо «вход» в политику контролировали отнюдь не они, а представители традиционных медиа. К тому же они не были полностью свободны в своих высказываниях — за их спинами стояли студии, продюсеры, агенты и прочие заинтересованные субъекты. Наконец, публичные образы во многом формировали не сами знаменитости, а магнаты шоу-бизнеса. Личность была стеснена узкими рамками творческой «ниши», на публичный образ насланывались образы сыгранных героев, спетых песен, опубликованных книг и т. п. Сегодня все иначе: знаменитости проникли в социальные медиа и сами стали средствами массовой информации. В их руки попали невиданные инструменты формирования или «усиления» политической повестки дня. Практики молниеносной политизации распространяются и на микроселебрити, которые превращаются в универсальных лидеров мнений. Поэтому каждая микрорзнаменитость — это потенциальный *политический инфлюенсер*.

Сегодня происходит небывалый процесс перетекания дискурсивной власти в руки творческих личностей. Бесчисленные блогеры всех мастей (от бьюти-блогеров и фотомоделей до комментаторов новостей) оказываются обладателями многотысячных аудиторий и явно или неявно воздействуют на установки и предпочтения своих поклонников. Огромные аудитории складываются вне политики, и при этом популярные творческие личности приобретают беспрецедентные возможности для формирования *политической повестки дня*. «Если мы приглядимся к постам авторитетных суперпользователей, — констатирует Доминика Ковачова, — то заметим, что они больше не используют социальные сети исключительно для саморекламы. Они также используют их, чтобы подключиться к дискуссии по различным (глобальным) вопросам, и миллионы последователей признают и уважают их ценности и мнения»¹. Как полагает Кевин Руз, «по мере расширения культурного доминирования социальных медиа люди, способные управлять онлайн-разговорами, будут обладать преимуществом в любой занимаемой ими нише, будь то медиа, политика, бизнес или что-либо еще»².

Конечно, далеко не все микроселебрити склонны к политизации. Вхождение в область политического чревато утратой части аудитории. Как отмечает Джессика Флорес, «многие влиятельные лица стараются не

¹ Kováčová D. Life on Social Media: Instagirls and the Rise of Micro-celebrity / Re:Views. URL: <http://reviewsmagazine.net/life-on-social-media-instagirls-and-the-rise-of-micro-celebrity/> (дата обращения: 14.03.2021).

² Roose K. Don't Scoff at Influencers. They're Taking over the World / The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/16/technology/vidcon-social-media-influencers.html> (дата обращения: 14.03.2021).

делиться своими политическими мыслями, боясь потерять поклонников и читателей»¹. Но иногда политический *хайт* даже способствует росту популярности. Поэтому мы все чаще и чаще сталкиваемся со случаями *политизации блогеров*. Приведу для иллюстрации историю эволюции развлекательных каналов AdamThomasMoran² (10,4 млн подписчиков) и This is Хорошо³ (5,76 млн подписчиков). Оба канала стали мегапопулярными лет десять назад, и почти все эти годы их создатели (Максим Голополосов и Стас Давыдов соответственно) занимались обзором смешных видео. Однако со временем популярность этого жанра упала, и авторы устремились в другие области (музыка, блоги о путешествиях и т. п.), а с недавних пор начали затрагивать и политические сюжеты: какое-то время каждый ролик Голополосова открывался саркастическим обзором свежих политических новостей (на данный момент политические сюжеты переключались в подкасты), а Давыдов и вовсе снимает отдельные новостные ролики с комментариями. В результате аудитория их каналов вместе с видео о забавных животных или нелепых выходках пьяной молодежи получает, скажем, развернутую критику голосования по поправкам в Конституцию России, проходившего с 25 июня по 1 июля 2020 г.⁴

---

¹ Flores J. Fashion and Politics: Influencers Share Their Thoughts on Political Climate / The Athenian Print. URL: <https://theathenianprint.wordpress.com/2017/03/21/fashion-and-politics-influencers-share-their-thoughts-on-political-climate/> (дата обращения: 14.03.2021).

² AdamThomasMoran / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/user/AdamThomasMoran> (дата обращения: 15.04.2021).

³ This is Хорошо / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/user/ThisIsHorosho> (дата обращения: 15.04.2021).

⁴ +100500 — ПУТИН ОБНУЛИЛСЯ / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OPInwdhRo8w&t=385s> (дата обращения: 15.04.2021).

Случаев политизации в YouTube становится все больше. Вот лишь несколько примеров. Стас Васильев, автор техноблога «Ай, как просто!»¹ (1 млн подписчиков), приходит на канал Rabkor известного марксиста Бориса Кагарлицкого (50 тыс. подписчиков), где беседует с левым политическим блогером Егором Потапенко² (1 млн подписчиков) о социализме³. Максим Киселев, получивший известность как юморист, высмеивающий интернет-фриков, на своем канале SNAILKICK (2,3 млн подписчиков) размещает видео «#Головнымосли Чьи жизни важны?», посвященное движению Black Lives Matter⁴. Канал telblog.net (4,96 млн подписчиков), на котором изначально выходили видео в духе «5 способов умереть от обычной еды» или «5 самых крутых машин», прямо перед голосованием по поправкам в Конституцию Российской Федерации публикует видео «Топ 10 причин заменить Путина!»⁵. Эльдар Бродвей, ставший популярным благодаря своим юмористическим скетчам, теперь снимает «серьезные» ролики о психологии, а накануне голосования по поправкам в Конституцию на его канале

¹ Ай, Как Просто! / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/user/ikakProsto/featured> (дата обращения: 15.04.2021).

² Егор Потапенко / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/c/%D0%95%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%9F%D0%BE%D1%82%D0%B0%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE/videos> (дата обращения: 15.04.2021).

³ Левые на Youtube (Стас Васильев и Егор Потапенко) / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=i4PEBHwAWa4&t=20s> (дата обращения: 15.04.2021).

⁴ SNAILKICK / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/user/SNAILKICK> (дата обращения: 15.04.2021).

⁵ Топ10 Причин ЗАМЕНИТЬ Путина! / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JP0L11S48EM> (дата обращения: 15.04.2021).

The Broadway Show (более 1,5 млн подписчиков) появилось видео с обзором книги Эриха Фромма «Бегство от свободы», озаглавленное «Почему люди любят диктатора»¹. И это лишь те кейсы, которые попались мне на глаза примерно за *неделю*. Многие микроселебрити YouTube уже давно конвертировали символический «капитал» в политический, и политические сюжеты стали неотъемлемой частью их дискурса.

Фактически даже отдельные, казалось бы, далекие от политики блогеры сегодня способны воздействовать на политическую расстановку сил. Как отмечает Д. Уэст, директор Центра технологических инноваций в вашингтонском Брукингском институте, «ютуберы не обязательно должны побеждать на выборах, чтобы оказать влияние. Перенос нескольких процентов от одной партии к другой может быть очень влиятельным»², что сегодня нередко происходит³.

---

¹ ПОЧЕМУ ЛЮДИ ЛЮБЯТ ДИКТАТОРА — ЭЛ БРО/ Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PGjxTswFcrY&t=1s> (дата обращения: 15.04.2021).

² Meaker M. Meet the YouTubers Influencing — and Infiltrating — Politics / OneZero. URL: <https://onezero.medium.com/meet-the-youtubers-influencing-and-infiltrating-politics-d7b2b266595c> (дата обращения: 14.03.2021).

³ Яркий тому пример — случай, когда 18 мая 2019 года немецкоязычный видеоблогер Rezo (канал которого по контенту был максимально далек от политики) обрушился в одном из своих видео с критикой на консервативный альянс Ангелы Меркель (ХДС/ХСС) с обвинениями в проведении неустойчивой формы политики, которая, по его словам, «разрушает нашу жизнь и наше будущее». Rezo выступила с целой лекцией со статистикой и видеовставками, посвященными главным образом изменению климата, но также отсутствию равных возможностей (отметил углубляющийся разрыв между сверхбогатыми и большинством немцев). Видео моментально стало вирусным. Выпущенное в субботу днем, оно получило около 3,4 млн просмотров к среде. Началось бурное обсуждение этого видео в СМИ, к делу подключились политические аналитики и другие блогеры. 24 мая, за два дня до того,

Стоит отметить, что политика приходит в жизнь интернет-знаменитостей даже тогда, когда они сами этого не хотят. Достаточно им обронить какую-нибудь фразу или обидеть представителей тех или иных социальных групп, как они уже политические субъекты «вопреки». Так было, к примеру, с PewDiePie (Ф. Чельберг) — самым успешным создателем «игрового» контента в мире с более чем 100 миллионами подписчиков только на YouTube, которого в одно время обвиняли в антисемитизме¹.

как Германия должна была проголосовать на европейских выборах, Rezo выпустил еще одно видео. На этот раз к нему присоединился еще тридцать один ютубер, причем многие с очень большим количеством подписчиков в Германии (и, опять же, не имевшие до того совершенно никакого политического авторитета), и все они призывали избирателей не голосовать за ХДС или партнера по коалиции, социал-демократов, что выглядело как одобрение Зеленой партии. Когда ХДС потеряла семь процентных пунктов на европейских выборах, а поддержка Зеленых выросла, некоторые немецкие газеты назвали это «эффектом Rezo» (Meaker M. Meet the You Tubers Influencing — and Infiltrating — Politics / OneZero. URL: <https://onezero.medium.com/meet-the-youtubers-influencing-and-infiltrating-politics-d7b2b266595c> (дата обращения: 14.03.2021)).

¹ Его контент представляет собой смесь видеонгр в сочетании с юмором. Однако после публикации серии «антисемитских» видеороликов (с августа 2016 года), которые, как он утверждал, были предназначены исключительно для невинной политической сатиры, YouTube отменил его программу на платформе подписки «Red», принадлежащая Disney «Maker Studio» разорвала с ним партнерский контракт, а Google исключил его из программы Google Preferred, позволяющей популярным видеоблогерам зарабатывать на рекламе больше денег. Эта обратная реакция подтверждает, что создатели контента стали центральными игроками, если не агрессорами, на культурной и политической арене социальных сетей (Федоров Е. PewDiePie — самый успешный видеоблогер в мире, который чуть не лишился всего из-за обвинений в нацизме. Он впервые за несколько лет дал интервью / Meduza. URL): <https://meduza.io/feature/2019/10/14/pewdiepie-samyu-uspeshnyy-videobloger-v-mire-kotoryy-chut-ne-lishilsya-vsego-iz-za-obvineniy-v-natsizme-on-vpervye-zanaskolko-let-dal-intervyu> (дата обращения: 14.03.2021)).

Формирование публичных дискурсов и повестки дня все чаще оказывается прерогативой социально-медийных *персон*. Приведу лишь некоторые яркие кейсы политизации представителей персонала (на платформе YouTube):

Николай Соболев (5,2 млн подписчиков на YouTube) первую известность в Интернете получил, снимая розыгрыши и социальные эксперименты для проекта *Rakatakafo*. Поначалу в центре его внимания находились различные скандалы и сплетни блогосферы. В 2016 году переименовал свой канал на «SOBOLEV» и сосредоточился на обсуждении резонансных общественных тем. Широкую известность получил после обсуждения дела об изнасиловании Дианы Шурыгиной. И первые два года о политике практически не говорил. Но 28 марта 2017 года после антикоррупционных протестов, связанных с публикацией документального фильма Алексея Навального «Он вам не Димон», на канале выходит ролик, где Соболев возмущается массовыми арестами протестующих и присоединяется к критике федеральных властей. Наблюдается типичный кейс молниеносной политизации социально-медийного инфлюенсера: «Я не хотел влезать в эту тему. Я не политический блогер. Я в очень многих вопросах политики некомпетентен. Я не могу по полочкам разобрать расследование Навального и не могу сказать, правда это или ложь. При этом, если говорить о моей личной позиции, я весьма скептически отношусь к самому Навальному <...>. Но одно я знаю точно. Информация, которую предоставил ФБК, выглядела достаточно убедительно для того, чтобы люди получили ответ на свой главный вопрос:

где деньги? Если это все неправда, так просто скажите народу об этом, объясните, как так получилось?»¹. И, как это обычно бывает, политика постепенно стала «затягивать» блогера. Сегодня политические сюжеты на его канале очень часты. Это видно по названиям роликов: «ЛУКАШЕНКО СОШЕЛ С УМА. ВСЯ ЛОЖЬ БАТЬКИ» (24 августа 2020 г.); «РОССИЯ ПРОТИВ РАДУГИ: КАК ЖЕ СТЫДНО / НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ РФ» (11 июля 2020 г.); «MORGENSHTERN — ГЛАВНЫЙ КРЕМЛЕСОСРЭПЕР ЮТУБА» (24 мая 2020 г.); «СОЛОВЬЕВ, ВЫЗЫВАЮ ТЕБЯ НА VERSUS!» (26 апреля 2020 г.); «ШНУРОВ ПРОДАЛСЯ: СКОЛЬКО СТОИТ И ЗАЧЕМ? / ДЕЛО СЕТИ» (28 февраля 2020 г.) и т. д.

Дмитрий (Goblin) Пучков еще на заре интернет-эпохи обрел популярность в основном благодаря своим «смешным» переводам фильмов, хотя параллельно публиковался в профильных журналах о компьютерных играх «Навигатор игрового мира» и «Страна игр», занимался локализацией компьютерных игр и пр. Однако постепенно он все чаще обращался к политическим темам, особенно когда был открыт сайт opet.ru. С приходом на YouTube он звал в гости на «разведопросы» политизированных экспертов (вроде Михаила Хазина, Анатолия Вассермана и др.), левых историков, философов и политологов (Михаил Попов, Клим Жуков, Борис Кагарлицкий и многих других). Так он стал своеобразным медийным «центром притяжения» (2 млн подписчиков на YouTube-канале) многих левых

¹ МИТИНГ НАВАЛЬНОГО ПО ВСЕЙ СТРАНЕ. Соболев поёт NIRVANA / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CkOMiZ5pD40> (дата обращения: 15.04.2021).

интеллектуалов «старой закалки» (своеобразный аналог вассально-ленных отношений: только теперь в роли «сеньора» выступает социально-медийный инфлюенсер как «обладатель» большой аудитории, а в роли «вассалов» — интеллектуалы, которые получают «в пользование» трибуну, взамен обеспечивая «сеньора» бесплатным или почти бесплатным информационным контентом). Сам Пучков стал авторитетной *личностью* (хоть и не всегда бесспорной даже в левых кругах) как красноречивый политический оратор, часто выступающий в защиту СССР, И. В. Сталина и в целом критикующий капитализм.

Илья Варламов стал популярным как журналист, фотограф и урбанист еще на платформе «Живого Журнала». Он и раньше не сторонился политики, в частности активно освещал в ЖЖ протестные акции (например, в 2011–2012 гг. и многие последующие). Однако знаменитым он стал все же как урбанист и путешественник, активно разъезжающий по России и миру, критикующий местных чиновников за неправильное благоустройство и т. п. Со временем политические сюжеты в его постах и видео стали встречаться все чаще. И на момент написания этих строк (ноябрь 2020 г.) его канал является настоящим «рупором» протеста в Беларуси: освещению и собственным комментариям одних только протестных акций против режима Александра Лукашенко Варламов посвятил уже более 40 видеороликов на YouTube (на его канале 1,23 млн подписчиков), каждый из которых посмотрело не менее полумиллиона человек.

Алексей Шевцов — автор канала itpedia (2,55 млн подписчиков), посвященного обзорам технологических

новинок и компьютерных игр. Через какое-то время после обретения популярности открыл второй (live) канал (1,8 млн подписчиков), куда выкладывал сначала записи стримов или вторичные материалы. Но постепенно этот канал становился все больше заостренным на различных политических или околополитических вопросах (вроде высказываний о представителях ЛГБТ, феминизме и т. п.). Сейчас на этом канале куда чаще появляются содержащие политический контент материалы — как «негативные» обзоры на СССР, так и путешествия по странам с политизированными комментариями. К примеру, в одном из видео («США строит КОММУНИЗМ»), посвященном протестам в США, Алексей Шевцов почему-то ассоциирует движение Black Lives Matter с коммунизмом, Карлом Марксом и обрушивается с саркастической критикой на якобы коммунистическую коммуну в Сиэтле. «Маркс ведь реально говорил, что коммунизм должен произойти только в самых развитых странах, коей Америка и является, — говорит он. — Учитывая общее влияние, этот “костер революции” может очень быстро распространиться. Страшно, да? Не будет секретом, что я негативно отношусь к Black Lives Matter, потому что это — классические марксисты, которые делят общество на классы и их стравливают. Жутко наблюдать за тем, что сейчас происходит. Уничтожается частная собственность, невинных людей увольняют; учитывая масштаб и влияние Соединенных Штатов, это может привести к большим экономическим последствиям, это может вызвать целую цепочку гражданских конфликтов во всей Европе, не только в Штатах»¹.

¹ США строит КОММУНИЗМ / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BLG4rbwIgrQ> (дата обращения: 15.04.2021).

Стас Васильев является противоположностью Алексея Шевцова по своим политическим взглядам и тяготеет к левой идеологии. Популярным стал также как техноблогер (канал «Ай, как просто!» — 1 млн подписчиков). Но в 2016 году он открывает свой второй канал «MaxPower» (ныне — канал «СТАС»), который в скором времени станет еще популярнее первого. Изначально туда блогер выкладывал обзоры фильмов и сериалов. Но позже Стас «перепрофилировался» на критику других блогеров. Здесь звучали имена Данилы Поперечного, Валентина Петухова (Wylsacom), Руслана Соколовского, но особенно часто — Николая Соболева. При этом главной «мишенью» стала ангажированность блогеров: проплаченные политические интеграции, предполагаемые связи ютуберов с Кремлем и т. п. Так, в одном из видеороликов Стас Васильев называет мегапопулярного рэпера Алишера Валеева (Morgenshtern) «кремлевским либералом» и критикует его богемный образ жизни и хамское поведение: «Классический пример кремлевского либерала: деньги мы берем у власти, рекламируем парки и кремлевские форумы, сосем деньги с государственных банков, а для того, чтобы глупая интернет-аудитория ничего не заподозрила, ходим как можно чаще в гости к оппозиции, “подсасываемся”, снимаем клипы, ходим на “кактус”, высказываемся против власти в Твиттере, не забывая при этом брать кремлевские деньги. Классическая YouTube-богема»¹.

---

¹ MORGENSHTERN — Кремлевский рэпер (#ИзиКинул) / Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZMbtwFQijq4&t=4828s> (дата обращения: 15.04.2021).

В принципе, этот список можно продолжать очень долго. Ограничусь лишь кратким перечислением YouTube-персон (а еще есть Instagram, TikTok и другие платформы) с подобными историями (неполитический блогер становится политическим инфлюенсером): журналист Юрий Дудь, комик Данила Поперечный, сатирический проект NEMAGIA (Алексей Псковитин и Михаил Печерский), обозреватель кинофильмов Евгений Баженов (BadComedian), также обозреватель кинофильмов, известный под псевдонимом Красный циник, и многие-многие другие. Политический посыл может содержаться и в контенте, создаваемом знаменитым детским врачом (см. диалог¹ Евгения Комаровского (9,2 млн подписчиков в Instagram) с Дмитрием Гордоном, где обсуждается политическая ситуация на Украине²).

¹ Доктор Комаровский. Похищение, травля, агония государства, Зеленский, COVID-19. В гостях у Гордона / Youtube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_3JmhvKmRUQ&t=6417s&fbclid=IwAR0L0MSIIQQPmkOt4WFt9Mos3v4JNEioLBMv0AOb9-j1gNRwLouuqu20NF8 (дата обращения: 15.04.2021).

² Данный кейс примечателен очень многим. Известный детский доктор два с половиной часа крипикует весь политический истеблишмент Украины, но главное, президента — комика-актера В. Зеленского. Это может показаться фантастикой, но Е. О. Комаровский — второй по политическому могуществу/потенциалу человек на Украине. Человек, видео которого смотрят преимущественно, чтобы понять, вредны ли детские подгузники или нет, сегодня является беспрецедентным авторитетом чуть ли не во всем. Его Instagram второй по популярности на Украине (8,7 млн) после самого Зеленского (9,2). В видео Комаровский сам признается, что сыграл немалую роль в том, чтобы помешать П. А. Порошенко победить на выборах. Он буквально играет политическими мускулами. При этом нет никаких причин считать, что такие могущественные френдлорды, как Комаровский, обязаны считаться с буржуазией, быть чьими-то шутами. Они сами по себе крайне могущественны и сильны. По одному взмаху руки Комаровского улицы Харькова и Киева заполняют толпы людей. Это уже тектонический сдвиг, который произошел. Можно сказать, что гуты постепенно сами становятся королями.

Даже если та или иная медийная персона не часто высказывается по актуальным политическим вопросам, в социальных медиа всегда найдутся те, кто «спровоцирует» их. Так, на YouTube в последнее время стал популярным жанр интервью (и подкастов): персоны вроде Ирины Шихман (канала «А поговорить?» с 1,26 млн подписчиков) или Юрия Дудя (канал «вДудь» с 7,86 млн подписчиков) постараются «вытянуть» из селебрити или микроселебрити максимальное количество политики¹. К примеру, такие названия видео можно встретить на канале Ирины Шахман: «Дмитрий Губерниев: про Хабаровск, Фургала, Кабаеву, Путина и допинг»; «Елена Малышева: о “хайпе” на Первом канале, коррупции в медицине и связи с Собяниным»; «Виктория Исакова: о возрасте, дочке, цинизме актерской профессии и революции»; «Руслан Белый: бабы, армия, отец, Путин» и т. д. И, как уже было отмечено, не один YouTube полнится политизирующимся персоналиатом. Instagram (к

---

¹ Например, Валентин Петухов (Wylsacom) в интервью блогеру Карену Адамяну (Макарена) на вопрос о помощи А. Навальному бесплатно (28 октября 2020 г.): «Конечно, он мне написал, говорит: “Валя, я тебя смотрю, ты там что-то делаешь классное... приходи расскажи”. Они тогда сделали фильм про Чайку, и это, по-моему, был первый большой фильм ФБК, и он уже тогда понял, что LiveJournal — это, конечно, круто, но писать видосики заходит как-то наряднее. И соответственно встал вопрос: как бы сделать видеоблог?. Ну, соответственно, я встречался с командой ФБК... там Волков и еще кто-то. Я им достаточно долго, плотно рассказывал, что мы делаем и как бы я делал, если бы у них был. Мой “вход” достаточно простой: мы снимаем белый стол, темный фон, вот и вам так же надо. Вот они так и снимают» (https://www.youtube.com/watch?v=tBDiUcyv_QE&list=WL&index=3&t=2s). Или, скажем, вопросы, заданные Валентину Петухову в одном из эпизодов «подкаст» на канале М. Голополосова AdamThomasMoran: «Россия и США: два полицейских государства, расизм и мародерство»; «Суд в России, политика, дураки и дороги»; «Интервью, Дудь, Собчак, ЧБД и хайптрейн» (<https://www.youtube.com/watch?v=yzMmyZZUeOg&t=2678s>).

примеру, скандальный пост Алены Водонаевой о материнском капитале в декабре 2019 года) и даже TikTok становятся аренами соревнующихся политических дискурсов. Последний оказался настолько «опасным», что Дональд Трамп выступил с инициативой запрета TikTok на территории США, если его не приобретет американская компания¹. И бояться власть имущим действительно есть чего. TikTok сыграл важную роль в организации массовой акции в июне 2020 г. перед митингом Трампа в Талсе, штат Оклахома, когда многие места оказались незаполненными (тинэйджеры по всей территории США скупали билеты на мероприятие с участием Трампа, чтобы в зале были пустые места). TikTok эмоционально усилил кадры жестокости полиции, а также сцены и комментарии протестов Black Lives Matter по всему миру. В TikTok можно найти как сильные политические заявления и самоорганизацию активистов, так и множество расистских и сексистских материалов, теорий заговора и дезинформацию, а также детей, демонстрирующих свои коллекции оружия и позирующих с флагами Конфедерации². Роль TikTok в мобилизации (организации?) массовых протестов в России в поддержку оппозиционного лидера Алексея Навального 23 и 31 января 2021 года, очевидно, была ключевой³.

---

¹ Президент США Трамп подписал новый указ против приложения TikTok / DW. URL: <https://www.dw.com/ru/prezident-ssha-tramp-podpisal-novuj-ukaz-protiv-prilozhenija-tiktok/a-54578549> (дата обращения: 14.03.2021).

² Herrman J. TikTok Is Shaping Politics. But How? / New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/28/style/tiktok-teen-politics-gen-z.html> (дата обращения: 14.03.2021).

³ Автор данных строк провел свое небольшое исследование. Был создан абсолютно «чистый» (без подписчиков и истории просмотров) аккаунт в TikTok, чтобы случайные ролики не подбирались алгоритмами платформы в соответствии с предпочтениями. Цель заключалась в том, чтобы с по-

И если политика в традиционном понимании (как то, что касается непосредственно *политиков*, чиновников, выборов и т. п.) не всегда интересна популярным *личностям*, то «культурный» пласт политического затрагивается практически всеми. Символическая борьба вокруг тематики сексуальных меньшинств, феминизма и т. д. ведется непрерывно самыми разными агентами. Эта часть политического для многих в социальных медиа становится куда важнее дискуссий о публичной политике, к которой уже давно ни у кого нет доверия. Армии фолловеров тех или иных френдлордов непрерывно сталкиваются под разными идеологическими или идейными предложениями¹.

мощью своего рода контент-анализа оценить уровень политизированности платформы во время протестов. Единицей анализа выступала тема видео и высказываемое тиктокерами отношение к происходящим протестам. Всего было просмотрено 517 минутных видео, которые классифицировались следующим образом: простые (без политического контекста), политические (на изначально политических каналах), политизированные (неполитические блогеры, ролики которых отражают их отношение к протестам) и рекламные. Результат оказался достаточно примечательным: только 303 видеоролика оказались простыми (развлекательными), при этом 35 были из явно политических блогов, а 147 содержали политизированный контент (остальные оставшиеся видеозаписи оказались рекламой). При этом сам настрой политизированных роликов был за крайне редкими случаями исключительно оппозиционным. Наблюдалось нечто вроде «волн политизации»: некоторая часть инфлюенсеров среднего звена начинает резко задавать тренды, а за ними подтягиваются рядовые репостные или наноселебрити (персоны с количеством подписчиков до нескольких тысяч). Все это быстро насаивается, и идет волна в трендах, где даже самый простой пользователь может пройти мимо автозаков и попасть в тренды.

¹ Типичный случай — развернувшаяся в августе 2020 г. травля Оли Тыквы (*vaquolly*), которая в свои четырнадцать лет выкладывает в TikTok (330 тысяч подписчиков) просветительские (!) видео о феминизме, бодипозитиве и ЛГБТ+. Поводом для нападков стало видео из ее постоянной рубрики «Привет, я подсаду?» (эти ролики сняты в стиле классических POV-видео: блогер изображает определенного героя и общается со зри-

Да, как мы уже выяснили, для многих представителей персоналиата политизация может оказаться нежелательной, так как в таком случае велик риск потерять часть аудитории. Но, как показал опыт многих блогеров, это палка о двух концах: часть аудитории уйдет, зато придут те, кто любит политическую или околополитическую шумиху. Более того, может случиться так, что молчание окажется куда хуже, чем вовлечение в политику. Так случилось, к примеру, в США с протестной волной, порожденной движением Black Lives Matter. Тогда политическое молчание прервали очень многие. Тех, кто пытался сохранять политический нейтралитет, обвиняли в расизме и молчаливой поддержке расизма. Как отмечают Р. Э. Гринспен и К. Тенбардж, «вскоре стало понятно, что влиятельные люди будут открыто высказываться о движении Black Lives Matter, даже если в прошлом они не были политическими субъектами. Большинство инфлюенсеров, которые не говорили о протестах, были встречены критикой со стороны своих последователей за их бездействие»¹. Политика все больше персонализируется, а персоны — политизируются.

телем, разыгрывая диалог). Сначала на это видео снимали злые пародии, высмеивающие соответствующие взгляды. Затем в популярных мизогинных пабликах «ВКонтакте» («Мужское государство» и ему подобные) появились изображающие Олю Тькву порнографические рисунки. К ней в огромном количестве поступали сообщения с оскорблениями и угрозами. Впоследствии многие блогеры выступили в ее защиту (Ника Водвуд (nixelpixel) (https://www.youtube.com/watch?v=2_ie4Fota00), Павел Астапов (https://www.youtube.com/watch?v=LbZM_n5x5wU) и др.).

¹ Greenspan R. E., Tenbarger K. BLM Protests Have Flipped the Script for Influencers Used to Walking the Line Between Losing Followers and Political Expression. Now, Creators say the Landscape has Shifted / Insider. URL: <https://www.insider.com/blm-george-floyd-protests-influencers-political-meghan-riens-swoozie-fousey-2020-6> (дата обращения: 14.03.2021).

Глава 3

Расширяющаяся сфера производства личности

Мало указать на наличие нового формирующегося класса, претендующего на статус господствующего. Общественная формация — это не просто система распределения ключевых ресурсов и инструментов политического влияния. Выйти за пределы капитализма — значит выйти за пределы капиталистического производства, в котором главное — это погоня за материальными благами и прибавочной стоимостью. Иными словами, это значит выйти за пределы экономики, основанной на труде как преобладающем источнике потребительных ценностей. И сегодня тектонические изменения происходят не только на вершине социальной пирамиды. Все большее количество людей начинают осознавать себя как неповторимые личности, жаждут самореализации и популярности, сталкиваются с такими же осознавшими свою особенность личностями (расширение личностного модуля). Об этом свидетельствуют как социальные/социально-психологические, так и культурные изменения, постепенно начинающие влиять на разные аспекты нашей повседневной жизни.

3.1. Рождение личности из духа постиндустриализма

Как уже было показано выше, история личности — это история борьбы человеческой индивидуальности с безликими деперсонализирующими силами коллектива и природы. Современное расширение личностного модуса обусловлено рядом факторов. Прежде всего это улучшение качества жизни: человеческая жизнь перестала быть слишком скоротечной и непредсказуемой. Убогость существования, когда смерть могла поджидать повсюду и в любое время (от войны, грабежей, но в большей степени от бесчисленных болезней: чумы, холеры, тифа или даже обычной простуды), сменилась предсказуемостью и относительным благополучием. В свою очередь, прогресс науки и техники, а также успехи борьбы за права и социальные гарантии предоставили большую свободу, так что человек постепенно переставал быть погруженным в непрерывный изнурительный труд. В жизни людей появлялось все больше времени для своего «Я». Там, где раньше были безликие массы, отдельные представители которых быстро «изнашивались» и умирали, теперь появлялись независимые *субъекты*, обладающие базовыми правами, уверенные в завтрашнем дне и стремящиеся к чему-то большему, нежели в «в поте лица есть хлеб свой».

В принципе, процессы индивидуализации и приватизации, разрушения *Gemeinschaft*'а и становления *Gesellschaft*'а¹ сопровождали переход к модерну. К примеру, Р. Сеннет описывает процессы «падения

---

¹ Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.

публичного человека» в XIX в. как *приватизацию* публичного пространства. «До XIX столетия, — пишет Сеннет, — в приватной сфере считалось неуместным демонстрировать уникальность или яркость личности; приватное и личное не были еще слиты. Особенности индивидуального восприятия не обрели еще социальной формы, так как сфера близкая к личностной, управлялась естественными, универсальными человеческими “симпатиями”. Общество представляло собой молекулу; ее составляли экспрессивность, произвольно и сознательно дистанцированная от личной жизни человека, его семьи, друзей, и частично самовыражение, которое также отличала “безличность” в теперешнем понимании этого слова»¹. Но вскоре личность «ворвется» в публичное. Одиозный памфлетист и критик правительства Джон Уилкс стал фигурой, символизирующей раскол между публичным и приватным. Произошла *персонификация* политической сферы. На первый план вышла *личность*. Теперь, пишет далее Сеннет, «было достаточно опорочить оппонента как личность, чтобы подорвать доверие к его политическим поступкам. Таким образом, подрывались самые основы публичного жеста: публичные выступления врага или союзника теряли самоценность, превращаясь лишь в косвенные указания на характер говорящего»². Схожие наблюдения можно найти в книге А. Лиалти «Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850)»³.

---

¹ Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. С. 101.

² Там же. С. 118.

³ Лиалти А. Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018.

«Личностный» индивидуализм постепенно расширялся. Но по-настоящему поворотным моментом стал переход от так называемого массового (фордистского, индустриального и т. п.) общества к обществу постфордистскому, информационному, постиндустриальному. Эти процессы, о которых и так написано достаточно много¹, способствовали целому ряду «переломных» изменений.

Во-первых, благодаря развитию технологий автоматизации и кастомизации произошел поворот от массовой модели потребления к модели *индивидуализированной*². Серая одинаковость постепенно уходила в прошлое, а утилитарная функция предметов заменялась имиджевой. Потребление становилось средством *самовыражения*. Еще в 1970 году Э. Тоффлер писал: «Мы достигли диалектического поворотного пункта в технологическом развитии общества. И технология не ограничит нашу индивидуальность, а послужит увеличению нашего выбора и нашей свободы по возрастающей. Окажется ли человек

---

¹ См., например: Постфордизм: концепции, институты, практики. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

² «Есть всевозможные примеры, — пишет П. Д. Маршалл, — которые демонстрируют индивидуализацию потребления как самовыражение: от доступных каждому средств по уходу за волосами до разнообразия сухих завтраков; от кастомизации автомобилей до мелкосерийного строительства — с небольшими вариациями стиля — загородных домов; от удивительно разнообразия мобильных телефонов, отличавшихся чехлами и надстройками в 1990-х и начале 2000-х до дифференцированной зубной щетки и ее вариаций в конструкциях с питанием от батареек; от расширения “самовыражения” и “желания”, обусловленного расширением количества телеканалов, до дифференциации использования телевизора: от видеонигр до личного домашнего видео» (Marshall P.D. *Persona Studies: Mapping the Proliferation of the Public Self // Journalism*. 2014. № 2. Pp.153–170).

в состоянии совладать с возросшим выбором материальных и культурных продуктов — это совершенно другой вопрос»¹.

Во-вторых, автоматизация производства и рост сферы услуг несколько видоизменили рынок труда, куда вовлекалось все больше женщин, выходявших из деперсонализированного мира домашнего быта в различные сферы, где можно было проявить *себя*. Сфера услуг, в свою очередь, множила различные области, в которых требовалась не мускульная сила, а *личностные качества*: креативность, доброжелательность, способность работать в команде, проявлять *лидерские* качества и т. п.

В-третьих, многократно возросла роль творческой деятельности в экономике². Поэтому уже в «Постиндустриальном обществе» Д. Белл в нескольких своих пассажах чуть ли не напрямую ассоциирует постиндустриальные тенденции с посткапитализмом (хотя стоит иметь в виду, что речь идет об отсылке к Р. Дарендорфу, у которого термин «посткапитализм» означает скорее состояние «институционализированного» конфликта между буржуазией и пролетариатом³). Он пишет, что производство знания отнюдь не обеспечит всеобщей социальной гармонии, так как выдвигает на передний план новые элиты: «Вековая мечта социалистов о новом, гармоничном обществе обречена <...> на несбыточность. Вместо этого новое

---

¹ Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. С. 307.

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.

³ См.: Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.

общество породит конфликты и столкновения, причем не обязательно на прежних направлениях классовой и политической борьбы, но вызываемые различным отношением к происходящим изменениям и к науке как таковой»¹. И заключает далее: «Отличительным признаком новой системы расслоения станет разделение между научными и техническими классами, с одной стороны, и теми, кто останется вне этой категории, — с другой»². Однако в контексте настоящей книги важно отметить следующее: по мере роста значения креативного труда росло и значение индивидуальности, *личности*, так как ученые или креативные инженеры оказывались *незаменимыми* — обладателями *имени* как «вместилища» заслуг и загадочных неповторимых *талантов*. Поэтому, как отмечает Э. Тоффлер, «поскольку знания все больше становятся сущностью работы, рабочие места становятся более индивидуализированными, т. е. менее взаимозаменяемыми»³.

Раз отмеченная «личностная» специфика научного и технического класса будет впоследствии подчеркиваться неоднократно. Д. Брукс, автор бестселлера «Бобо в раю» (2000 г.), рассматривает примечательный синтез, который произошел по мере возрастания роли творческих людей в буржуазной экономике: всегда отвергавшая буржуазно-мещанский образ жизни богема (парижская богема, битники, хиппи и т. п.) постепенно «обуржуазивалась», в то время как капита-

---

¹ Белл Д. 2004. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. С. 150.

² Там же. С. 151.

³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2009. С. 259.

лизм сам становился отчасти «богемным». Поэтому Брукс и пишет о «бобо» — буржуазной богеме (*bourgeois bohemian*). Буржуазная богема стала своеобразным «новым праздным классом», изменив социальные представления о престиже. Теперь уже не связи или деньги являются ключевыми факторами престижа, а *нетривиальная личность*: нестандартная жизненная история, творческие компетенции, образованность и легкая «безбашенность», свойственная гениям. Брукс замечает важную вещь: «Человека организации поставили с ног на голову. Уайт [Уильям Уайт. — Д. Д.] описывал общественный порядок, в котором преобладали интересы группы. Сегодня на первый план выходит “я”»¹. Два года спустя в своей знаменитой книге «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» Р. Флорида даст похожую характеристику людям, чья основная экономическая роль заключается в «производстве» идей: «Если прежде люди объединялись рамками общественных институтов, формируя групповую идентичность, существенной чертой современной жизни стало создание индивидуальной идентичности. Подобное самоизобретение и переизобретение, часто в манере, отражающей характер нашей креативности, является важнейшим признаком креативного этоса»².

Конечно, *буржуазная богема или креативный класс* не уничтожили капитализм. Однако этого «уничтожения» и не требуется. До сих пор ни одна смена обще-

---

¹ Брукс Д. Бобо в раю. Откуда берется новая элита. М.: Ад Маргинем, 2013. С. 147.

² Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 21.

ственно-экономической системы (формации) не происходила как быстрый «скачок» или «переворот». Поэтому не стоит удивляться «смещению субъективности», которую мы видим по процессам интеграции богемы в буржуазную экономику, так же, как мы не должны удивляться тому факту, что в процессе становления капитализма наблюдалось смещение классов феодалов и зарождающейся буржуазии (к примеру, во Франции XVIII века покупка государственных должностей и «дворянство мантии» — см. выше). Важно отметить следующее: «креативный класс» не стал мгновенной проблемой, но поспособствовал появлению множества глубоких системных противоречий капиталистической системы. Собственно, эти противоречия как раз и заключаются в том, что капитализм постепенно перестает быть капитализмом как *системой извлечения прибавочной стоимости*. «Дух» капитализма как «дух» погони за прибылью, шумпетерианского «созидательного разрушения», инициируемого предприимчивыми собственниками средств производства, во многих местах уступает место «духу» рантье. Внешне все выглядит по-прежнему: в «экономике знаний» до сих пор инвестируют, а представителей «креативного класса» нанимают на высокооплачиваемые должности (хотя и здесь есть свои нюансы, учитывая процессы прекаризации). Но так как сам творческий процесс адекватно неизмерим привычными рыночными инструментами (как, собственно, и «продукты» творческой деятельности), все чаще речь идет о сравнительно низком вознаграждении за творческий «труд» при одновременном присвоении своеобразными «новыми феодалами» *интеллектуальной ренты* (па-

тенты, копирайт и т. п. — «новые огораживания») как источника *сверхбогатств*¹ (в то время как все те, кто не имеет доступа к соответствующим рентным потокам, оказываются все беднее).

Так или иначе, постиндустриальная (постфордистская) волна произвела на свет особую социальную прослойку «обладающих личностью». Процесс, условно говоря, «массового производства личности» был запущен, так как совпали две важнейших тенденции: эмансипация личности и становление общества «дифференцированного» потребления, а также

---

¹ Ярким примером являются лекарства, отпускаемые по рецепту: «В 2018 году в Соединенных Штатах было потрачено более 420 миллиардов долларов на лекарства, которые на свободном рынке (то есть если не учитывать интеллектуальную ренту) стоили бы 105 миллиардов долларов. Разница в таком случае составляет 315 миллиардов долларов в год или 1,6 % от ВВП. Если добавить сюда программное обеспечение, медицинское оборудование, пестициды, удобрения и другие области, где на копирайт приходится значительная доля расходов, разрыв между „защищенными“ ценами и ценами свободного рынка, вероятно, приближается к 1 триллиону долларов в год, что составляет более 60 % от корпоративной прибыли после уплаты налогов» (Baker D. Is Intellectual Property the Root of All Evil? Patents, Copyrights, and Inequality / Paper presented at The Great Polarization: Economics, Institutions and Policies in the Age of Inequality conference, University of Utah, Department of Economics, September 27–29, 2018 [Электронный ресурс]. URL:

появление «нового праздного класса» в лице представителей бобо, креативного класса и т. п. Теперь необходимо сместить аналитический фокус: мы не знаем, как разрешатся действующие противоречия капиталистической системы. Возможно, рано или поздно борьба социальных низов за что-то вроде безусловного дохода поспособствует эгалитарному перераспределению рентных потоков, что послужит частичным решением проблемы дефицита материальных благ. Но в любом случае останется то, что выходит за пределы материальной производственной сферы. Мы не заметили, как фактически производство материальных благ постепенно вытеснялось почти невидимым с точки зрения рынка производством самой *личности*. Буржуазная богема очень часто оказывается в проигрыше в рамках «старой буржуазной системы координат», так как результаты их интеллектуальной деятельности достаются держателям интеллектуальных рент. Зато многие ее представители оказались на вершине *совершенно новой социальной пирамиды*, где статус определяется не столько богатством, сколько нетривиальными творческими способностями и известностью. Теперь уже не только материальное богатство является источником наслаждения, зависти и конкуренции, но и сама *личность как реализованное в обществе «Я»*.

Важно отметить, этот процесс происходит не только на уровне элит. Скорее стоит говорить о складывании чего-то вроде *общества всеобщей самореализации*. *Личность стала объектом желания, и за ее «обретение» происходит непримиримая и постоянная борьба*. Личностный модус расширяется и становится повсеместным.

3.2. Общество всеобщей самореализации

В 1977 году вышла в свет книга американского социолога и политолога Р. Инглхарта «Молчаливая революция»¹. В ней обобщались результаты опросов общественного мнения, которые показали, что молодых и обеспеченных людей в западных демократических обществах все меньше беспокоят сугубо материальные проблемы доходов и безопасности, а больше интересуют проблемы гражданских свобод и экологии. Впоследствии гипотеза Р. Инглхарта неоднократно² подтверждалась: по мере удовлетворения «базовых» материальных потребностей людей все больше интересуют проблемы личностной самореализации, свободы, а также все те вопросы, которые выходят за пределы «поиска хлеба насущного» (экология, вопросы гендерного равенства, проблемы прав представителей сексуальных меньшинств и т. п.). Как отмечается в книге, написанной Инглхартом в соавторстве с К. Вельцелем, «переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным замедляется и даже останавливается, зато набирает силу другой процесс — переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения, в рамках которых люди все больше делают акцент на свободе выбора, личной независимости и творческой самореализации. В период перехода от доиндустриального общества к индустриальному изменения в этом направлении шли медленными темпа-

---

¹ Inglehart R. *The Silent Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 1977.

² См.: Inglehart R. *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press, 1997; Инглхарт Р. Ф. *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль, 2018.

ми, но в условиях постиндустриального общества они становятся преобладающей тенденцией»¹.

Этот рост «личностного» наблюдался практически повсеместно — даже в вопросах веры. Как показал Ч. Тейлор, после Второй мировой войны наступил «Век подлинности»: «становятся обычными выражения типа “делай свое дело”»; реклама пива начала 70-х предписывает нам “быть самими собой в сегодняшнем мире”. Повсюду проникает упрощенный экспрессивизм. Умножается число тренингов, которые обещают вам найти себя, реализовать себя, высвободить свое истинное “я” и т. п.»². Поэтому и религия вовсе не уходит в небытие, а скорее предельно индивидуализируется, становится делом отдельной *личности*. «Все большее число людей принимают то, что раньше считалось неприемлемым, например, полагают себя католиками, не принимая многих ключевых догматов, или сочетают христианство и буддизм, или молятся, не будучи уверенными в том, что веруют <...> [а] многие вовлекаются в сочинение своего собственного личного мировоззрения посредством своего рода “бриколажа”, но широко распространены и некоторые модели, идущие вразрез с традиционными констелляциями»³.

Вскоре с «Веком подлинности» и реалиями *общества всеобщей самореализации* столкнулись социальные психологи. Когда Дж. Твенге, известный социальный психолог, исследующая ценностные изменения среди разных поколений, и ее коллеги начали изучать

¹ Ингхарт Р. Ф., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 214.

² Тейлор Ч. Секулярный век. М.: Издательство ББИ, 2017. С. 586.

³ Там же. С. 635–636.

поколение миллениалов (родившиеся примерно с 1981 по 1996 год), то обнаружили поразительный сдвиг в том, как молодые люди осознают себя и свою личность. Во многом именно с открытиями коллектива Твенге связаны стереотипы о миллениалах как *поколении нарциссов* (одну из своих книг Твенге и назвала — «Generation Me»¹ (созвучно как слову «меня/себя» (me), так и слову «миллениал» (millennial)). Тем не менее Твенге не стремилась навешивать ярлыки, а обращалась к результатам масштабных кросстемпоральных исследований. Эти исследования (речь идет об опросах студентов с 1966 по 2010 год) показали, что представители поколения «Y» (миллениалы) с большей вероятностью оценивали себя как «выше среднего» в таких аспектах, как академические способности, стремление к достижению поставленных целей, лидерство. Они также куда чаще оценивали свой карьерный потенциал как высокий. И этот рост самооценки не был связан с реальными успехами, так как результаты стандартизированных тестов были неизменными². Отмечался также ценностный сдвиг от «внутренних» (intrinsic — чувство сообщества, ощущение морального долга и т. п.) к «внешним» (extrinsic — деньги, власть, слава) приоритетам³. Это важно отметить сразу:

---

¹ См.: Twenge J. Generation Me: Why Today's Young Americans are More Confident, Assertive, Entitled — and More Miserable Than Ever Before. New York: Atria Books, 2014.

² См.: Twenge J. M., Campbell W. K., Gentile B. Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009 // *Self and Identity*. 2012. № 4. Pp. 409–427.

³ См.: Twenge, J. M. Campbell W. K. Freeman E. C. Generational differences in young adults' life goals, concern for others, and civic orientation, 1966–2009 // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. № 5. Pp. 1045–1062.

расширение личностного модуса ведет вовсе не к всеобщей солидарности, а к росту *отчужденности*. Твенге назвала миллениалов *нарциссами* постольку, поскольку это поколение, которое воспитывалось в «личностном» идеологическом ключе. Детей воспитывали, пытаясь с пеленок разглядеть в них независимую *личность*, имеющую право голоса. В духе гипертрофированного гуманизма эти дети с самых малых лет стремились «найти себя», «верить в себя», «поступать так, как велит им сердце», и т. п. В итоге, когда исследовательская группа Твенге столкнулась с повзрослевшими миллениалами, то повсеместно наблюдала подобную самохарактеристику: «я люблю показывать свое тело»; «мне нравится смотреть на свое тело»; «мне нравится смотреть на себя в зеркале»; «я стану отличным человеком»; «я могу жить свою жизнь так, как я хочу»; «мне нравится, когда меня хвалят» и т. д. и т. п. Соответственно происходило снижение показателей эмпатии. Как оказалось, миллениалы были склонны выражать меньше озабоченности проблемами других и их характеризовала меньшая гражданская вовлеченность. Они также гораздо реже отвечали, что доверяют другим, стремятся жертвовать чем-то ради других или заниматься благотворительной деятельностью¹.

Поколенческие изменения в ключевых ценностях, самооценке, приоритетах и т. п. нашли свое отражение и в культуре. Так, Дж. Твенге в соавторстве с У. К. Кэмпбелл и Б. Джентиле провели исследование встречаемости «индивидуалистических» и «коллективистских» слов в GoogleBooks за 1960–2008 годы. Сначала они с помощью метода фокус-групп выявили эти

---

¹ Ibid.

слова. «Среднестатистические» участники называли наиболее «индивидуалистические», на их взгляд, слова (независимый, индивидуальный, индивидуальность, уникальный, уникальность, самость, независимость, сам, соло, идентичность, персонализированный и т. п.) и «коллективистские» (сосредоточенные на группах, сообществах, обществе и/или социальных правилах слова — коммуна, община, общность, единство, сообщество, объединение, командная работа, команда, коллектив, деревня, племя, коллективизация, группа и т. п.). Результаты второго этапа исследования выявили, что «индивидуалистические» слова стали встречаться в книгах гораздо чаще (рост от 0,000093 % в 1960 г. до 0,00016 % в 2008), чего не скажешь о «коллективистских» словах, которые демонстрировали противоположную тенденцию. Причем и сами индивидуалистические слова и фразы становились все более сфокусированными на *неповторимой личности*, то есть многие из индивидуалистических фраз, особенно те, которые учащались с течением времени, включали в себя слово «я» или подчеркивали *уникальность* и/или *превосходство*¹.

Не только Твенге и ее коллеги пришли к подобным выводам. К примеру, Я. Т. Ульс и П. М. Гринфилд анализировали американские телепередачи для подростков в США (выборка — по две наиболее популярные передачи в году с 1967 по 2007 год). Исследование опиралось на довольно сложную схему контент-анализа: измерялось то, насколько главный герой

---

¹ Twenge J. M., Campbell W. K., Gentile B. Changes in pronoun use in American books and the rise of individualism, 1960–2008 // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. № 3. Pp. 406–415.

жаждал славы или стремился к реализации каких-то других ценностей. Для этого людей ($n=60$), знакомых или знакомящихся по мере исследования с теми или иными телевизионными шоу, просили отметить наличие тех или иных устремлений у главных героев. Как выяснилось, слава, как крайне индивидуалистическая ценность, была оценена как самая значимая в выпусках шоу 2007 года по сравнению с пятнадцатым (из шестнадцати) местом в большинстве предыдущих десятилетий. Аналогично учащались другие «индивидуалистические» сюжеты вроде финансового успеха¹. Это неудивительно², так как сегодня, как отмечают авторы, фактически тема *успеха* и *славы* стала *всеобъемлющей*³.

¹ «Достижения» выросли с десятого до второго места за последние десятилетия, «физическая подготовка» переместилась с шестнадцатого на девятое место. Напротив, коммунальные ценности со временем уменьшились в относительной важности. Три коммунальные ценности — чувство общности, традиции и доброжелательность — продемонстрировали резкое снижение с 1967 по 2007 год. А «чувство сообщества» переместилось в 2007 году на одиннадцатое место.

² См. подробнее: теория социальных изменений и человеческого развития П. М. Гринфилда (Greenfield P.M. *Linking Social Change and Developmental Change: Shifting Pathways of Human Development // Developmental Psychology*. 2009. № 2. Pp. 401–418), согласно которой по мере того, как среда обучения движется в сторону высоких технологий, среда повседневной жизни становится все более урбанизированной, уровень образования увеличивается, люди становятся богаче, а психологическое развитие движется в направлении усиления индивидуализма, в то время как традиционные, семейные и общинные ценностей размываются.

³ См.: Uhls Y. T., Greenfield P. *The Value of Fame: Preadolescent Perceptions of Popular Media and Their Relationship to Future Aspirations // Developmental Psychology*. 2011. № 2. Pp. 315–326. Типичный пример, который они приводят, — сериал телеканала Disney Ханна Монтана (2006 г.): главная героиня этого сериала, по имени Майли Стюарт (Майли Сайрус), является простой школьницей-подростком днем, а ночью оказывается известной поп-певицей Ханной Монтаной, скрывая настоящую личность от общественности.

Всеобщее проникновение *личностного* в культуру заметно по популярному кино. Феномен американского боевика 1980-х гг. (хотя настоящие временные рамки несколько шире) хорошо демонстрирует эту центровку на *незаурядной личности*: «крутые» герои А. Шварценеггера, С. Сталлоне, Б. Уиллиса, Ж.-К. Ван Дамма, Дж. Чана и др. выходили один на один с толпами врагов и всегда оказывались победителями. Однако впоследствии личностный модус станет проявлять себя еще ярче. В конце концов герои боевиков являлись неубиваемыми и непобедимыми постольку, поскольку упорно тренировались (к примеру — «Рокки»), имели богатый армейский/полицейский опыт, а зачастую им просто сказочно везло. Но где-то к началу 2000-х голливудский кинодискурс все чаще обращался к *внутренним, врожденным* особенностям личности, делая упор на славе, знаменитости, незаурядности, *особенности*, которую вряд ли можно «достичь», просто упорно тренируясь или имея должный опыт и везение¹. При этом

¹ Взять хотя бы три культовые кинофраншизы нулевых: «Властелин колец» (главный герой Фродо Бэггинс обладает *незаурядной* способностью противостоять сокрушающей силе Кольца Всевластия, он оказывается избранным для свершения великого дела — спасения всего Средиземья и т. п.; причем в кино это подчеркивается куда сильнее, нежели в книжном первоисточнике Дж. Р. Р. Толкина); «Гарри Поттер» (главный герой не догадывался о своих сверхспособностях, пока не получил пригласительное письмо из школы магии Хогвартс; более того, вскоре он узнает, что не просто является волшебником (то есть *особенным*), но еще и *знаменитостью* в мире магов, т. к. он один, будучи младенцем, таинственным образом «убил» главного злодея всех времен — Волан-де-Морта); «Звездные войны» (в центре внимания противостояние джедаев и ситхов, обладающих способностью контролировать Силу — таинственную субстанцию, связывающую все живое во Вселенной; Сила дает джедаям и ситхам настоящие *сверхспособности* (телекинез, ясновидение, незаурядную ловкость и скорость передвижения и т. п.). При этом примечательно небольшое, но важное изменение, которое произошло в 1999 году, когда

постепенно в центре внимания оказывались не просто *особенные*, а *исключительные* люди (и то часто вовсе не совсем люди, а *сверхлюди*). Супергеройское кино хорошо это демонстрирует¹. Но и эта культура постепенно трансформировалась. Как отмечает А. В. Павлов, «в первых комиксах о Супермене и Бэтмене у героев нет многих способностей, за которые, возможно, мы их и любим сейчас. Например, Супермен не сразу умел летать, а Бэтмену для полета требовались определенные девайсы — в современных фильмах он легко обходится собственными силами. Супергерои так называемого первого поколения — это просто очень сильные люди, обладающие своеобразными навыками. Их основная функция — бороться с преступностью»². Супергерои, таким образом, постепенно становились *суперличностями*. При этом наблюдался поразительный рост популярности супергеройского кино³. Во многом это обусловлено развитием техно-

---

вышел «Эпизод I: Скрытая угроза»: если в «классических» эпизодах киносаги ждедан скорее «учились» обращаться с Силой и сам процесс напоминал «духовное самосовершенствование» (поэтому даже в реальной жизни появилась целая религия — джедаизм), то в новых эпизодах парадигма изменилась и «доступ к Силе» был строго ограничен наличием в организме у «касты избранных» особых микроорганизмов — мидихлориан).

¹ Хотя стоит иметь в виду, что супергерои — это довольно старая тема для американской культуры (так, «золотой век комиксов», откуда супергерои пришли в кино, длился с конца 1930-х до конца 1940-х — начала 1950-х годов).

² Ухова К. Супермен заменил Христа. А зомби эволюционировали и расплодились. Откуда появились мем «brains» и другие аспекты массовой культуры, о которых вы не задумывались / Republic. URL: <https://republic.ru/posts/1965285> (дата обращения: 14.03.2021).

³ Среди самых «доходных» американских кинофраншиз всех времен — «Мстители», «Человек-паук», «Люди-Икс», «Бэтмен» (Watson A. Highest grossing film franchises and series worldwide as of April 2020 / Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/317408/highest-grossing-film->

логий создания спецэффектов, что позволило снимать красочные фильмы с обилием взрывов, разрушений, сверхъестественных явлений, магии и т. п. Однако, учитывая общие культурные тенденции, можно предположить, что популярность супергеройского кино обусловлена скорее всепроникающим личностным модусом: супергерой — это некто *особенный, превосходящий* остальных, тот, кем *восхищаются*, кому *завидуют* и кому *подражают*, а потому он оказывается своеобразным гипертрофированным символом эпохи, в которой всеобщая погоня за уникальностью своего «Я» стала обыденной нормой.

Данные изменения вполне закономерны, ибо таково *общество личности*. Мы живем в обществе, в котором все наше бытие начинает постепенно организовываться вокруг тех или иных *выдающихся личностей*. Сегодня мы не просто посещаем врача (как анонимного *специалиста*), но стремимся найти врача-*знаменитость* (у которого максимальные рейтинги на сайтах отзывов и к которому трудно записаться, так как все уже расписано на месяцы вперед). Мы всюду сталкиваемся с отзывами, рейтингами, индивидуальными цифровыми следами, именами и т. п. При этом все предельно персонифицируется (и никакая анонимность в Интернете этому не помеха). Личности, подобно гигантским материальным объектам, обладают силой гравитации, и чем влиятель-

---

franchises-series/ (дата обращения: 14.03.2021)). Если до 2000 года фильмы о супергероях и выходили, то один или два. После 2000 года таких фильмов выходит все больше и больше: к примеру, в 2004-м и 2005-м по четыре, а в 2016–2018 гг. — сразу по шесть в год (Why are there so many superhero movies made in recent decades? / Stack Exchange Network. URL: <https://movies.stackexchange.com/questions/104365/why-are-there-so-many-superhero-movies-made-in-recent-decades> (дата обращения: 14.03.2021)).

ней личность, тем ее сила притяжения только больше. Даже бизнес настолько изменился, что в нем огромное значение играют отдельные *выдающиеся люди* (вроде С. Джоббса, Б. Гейтса, И. Маска, Л. Пейджа, С. Брина или П. Дурова). Если раньше типичная корпорация с многомиллиардными оборотами имела десятки, а то и сотни тысяч сотрудников (скажем, General Electric), то сегодня небольшой коллектив с харизматическим лидером во главе способен подняться на пьедесталы списков Forbes (скажем, история М. Цукерберга и его «детипца» — Facebook). С. Джобс, М. Цукерберг или И. Маск — это супергерои мира хайтек-индустрии.

***

Сегодня очевидным свидетельством успеха перестает быть обладание деньгами. Теперь ключевой «показатель влияния» — *это во многих случаях счетчик подписчиков в социальных медиа, а не банковский счет*. Быть популярным в социальных медиа — это значит обладать славой и влиянием, а богатство «приложится» само собой (еще раз замечу — в виде ренты, а не капиталистической прибыли). Начинается настоящая *погоня за самореализацией*, соревнование, в котором подписчики, лайки и комментарии становятся «валютой внимания». Теперь сама *личность* — это главный источник наслаждений, самооценности.

Вернемся к теме изменяющихся ценностей представителей разных поколений. Сегодня молодежь — это уже представители поколения «Z» («зумеры» — родившиеся в 2000–2017 годах). Произошли ли какие-либо изменения по сравнению с поколением «Y»? Некото-

рые — да. Зумеры являются большими «материалистами», так как их детство пришлось на нелегкие времена Великой рецессии. Это также одно из немногих поколений, представители которых имеют доступ к гораздо меньшему набору социальных лифтов, нежели их родители (а потому — известные стереотипы о молодых людях, предпочитающих жить с родителями). Они также значительно скромнее в оценке своих возможностей на рынке труда, для них стабильность работы является приоритетом, что резко контрастирует со стереотипом о миллениалах как «скачущих по работам»¹. Однако что касается индивидуализма и стремления к славе, то здесь мало что изменилось. Скорее индивидуализм только углубился, так как поколение «Z» — это поколение социальных медиа (к примеру, 95 % зумеров регулярно смотрят YouTube, а 50 % не могут представить себе жизнь без этого²), в которых яркие личности задают тон всему. Исследование Morning Consult (2019, n=3000, в том числе представителей поколения «Z» — 1000) показало, что почти четверть взрослых американцев из поколения «Z» стремятся к славе: 23 % говорят, что для них важно быть известным, и это на восемь пунктов выше, чем у миллениалов, и на пятнадцать пунктов выше, чем у поколения «X»³. Опрос (2019 г.) лю-

---

¹ How to Be an Employer of Choice for Gen Z /The Workforce Institute at Kronos [Электронный ресурс]. URL: <https://workforceinstitute.org/wp-content/uploads/2019/11/How-to-Be-an-Employer-of-Choice-for-Gen-Z.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).

² Dredge S. 95% of Gen-Z use YouTube and half can't live without it / Musically. URL: <https://musically.com/2017/05/23/95-gen-z-use-youtube-half-cant-live-without/> (дата обращения: 14.03.2021).

³ Gen Z Worldview Tracker. How 2020 is Impacting Gen Z's Worldview / Morning Consult. URL: <https://morningconsult.com/form/gen-z-worldview-tracker/> (дата обращения: 14.03.2021).

дей в возрасте восемнадцати — тридцати четырех лет ($n=1000$), проведенный PSFK и Suzy, показал, что почти половина (46 %) представителей поколения «Z» говорит, что «самовыражение» для них «очень важно», по сравнению с 37 % миллениалов¹. Согласно результатам исследования (2017 г.), опубликованного на сайте британского таблоида «The Sun» ($n=1000$), три четверти английских детей говорят, что они бы предпочли карьеру в социальных медиа. Один из девяти сказал, что речь идет о славе, и такая же доля жаждала возможности *самовыражения*. Среди самых желанных сфер деятельности — ютубер (34,2 %), блогер/влогер (18,1 %), музыкант/певец (16 %), актер (15,7 %), режиссер (13,65 %), доктор (13,45 %). При этом, что примечательно, деньги не фигурировали среди основных причин выбора карьеры в социальных медиа. На первом месте была креативность (24 %), на втором — слава (11,4 %), на третьем — самореализация (11 %), и только на четвертом — деньги (9,8 %)². Эти результаты были подтверждены в 2019 году, когда опрос «The Harris Poll» ($n=3000$) детей в США, Великобритании и Китае, посвященный пятидесятилетней годовщине высадки американских астронавтов на Луну, показал, что в западных странах дети сегодня больше интересуются YouTube, чем космическими полетами. На вопрос, кем они хотели бы стать, когда вырастут, около трех из де-

¹ Understanding Your Gen Z Consumer: Insights Into The Next Generation's Values / PSFK Research. URL: <https://www.psfk.com/2019/07/consumer-insights-survey-gen-z-playbook.html> (дата обращения: 14.03.2021).

² Dirnhuber J. VLOG'S A JOB Children turn backs on traditional careers in favour of internet fame, study finds. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/3617062/children-turn-backs-on-traditional-careers-in-favour-of-internet-fame-study-finds/> (дата обращения: 14.03.2021).

сти американских и британских детей ответили, что они хотят быть ютуберами или блогерами. С меньшей охотой они видят себя учителями, профессиональными спортсменами или музыкантами. При этом космонавтами хотели бы быть только 11 %. В Китае все обстоит несколько иначе: там самая желанная профессия — космонавт (56 %), в то время как ютубером или блогером хотели бы быть только 18 %¹ (хотя стоит отметить, что и эта цифра — немаленькая²).

Такую всеобщую устремленность представителей поколения «Z» (по крайней мере, в западных странах) к славе и самореализации в социальных медиа не стоит рассматривать исключительно как веяние моды. Сегодня известная фраза Э. Уорхола о том, что «в будущем каждый будет наслаждаться пятнадцатью минутами славы», уже не столь утопична. Слава действительно может прийти легко и внезапно, хоть зачастую и совсем не надолго. Скажем, алгоритмы сервиса коротких видео TikTok буквально гарантируют почти каждому многотысячные просмотры. Как отмечает Р. Дженнингс, которая провела серию интервью с одной из TikTok-знаменитостей для издания *Vox*, «есть много

---

¹ Berger E. American kids would much rather be YouTubers than astronauts. Becoming an astronaut ranked last among five professions / *Ars Technica*. URL: <https://arstechnica.com/science/2019/07/american-kids-would-much-rather-be-youtubers-than-astronauts/> (дата обращения: 14.03.2021).

² Культурную специфику необходимо учитывать, но стоит также иметь в виду, что Китай по уровню жизни в расчете на человека пока еще далеко позади западных стран, поэтому многие социальные процессы там могут «отставать». Тем не менее некоторые исследования показывают, что многие характеристики тех или иных поколений на Западе очень похожи на характеристики этих же поколений в России — см.: Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

способов прославиться на TikTok, и одним из главных является использование собственной сексуальности. На платформе изобилуют мальчики с ангельским лицом, со стальными скулами и предчувствующими синими глазами, как и девочки с блестящими волосами, с крылатым лайнером и пухлыми губами. <...> Но тем не менее привлекательность одна и та же: людям нравится смотреть на красивых людей. И тебе не нужно больше ничего делать»¹. Более того, происходит нечто вроде «инфляции» славы, сопровождающейся социализацией селебрити и *селебритизацией социального*. В итоге буквально каждый пользователь социальных сетей перенимает многие паттерны поведения, которые раньше были свойственны исключительно звездам. Скажем, алгоритмы социальной сети Facebook настроены так, что пользователей постоянно побуждают гнаться за лайками, репостами и в целом — популярностью. Так, чтобы пользователи могли перемещаться вверх по новостной ленте, они должны получать больше лайков, комментариев, делать больше публикаций, чем *конкурирующие* пользователи. Соответственно, *культура селебрити* максимально расширяется: теперь даже человек с небольшим количеством друзей/подписчиков совершает практически те же действия (нацеленные на выгодную самопрезентацию и т. п.), что и знаменитости². В этом смысле примечательно исследование Дж. Маврудиса, сотрудника Технологического университета

¹ Jennings R. The not-so-secret life of a TikTok-famous teen / Vox. URL: <https://www.vox.com/the-goods/2019/10/2/20891915/tiktok-famous-teenagers-haley-sharpe-yodeling-karen> (дата обращения: 14.03.2021).

² Cirucci A. M. Facebook and Unintentional Celebification // Abidin C., Brown M. L. (eds.) Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame. Bingley: Emerald Publishing, 2019. Pp. 33–47.

Суинберн (Мельбурн), который буквально *стал* микро-селебрити в Instagram (имея больше 27 000 подписчиков), чтобы рассмотреть предмет исследования с самого близкого, «включенного» ракурса (так называемый метод критической автоэтнографии). Он пришел к выводу, что фактически стоит говорить о своеобразном «*труде за славу*» (*famelabor*). Этот «труд», во-первых, связан с постоянным давлением, которое оказывают на микрознаменитость подписчики (необходимость постоянно оставаться «в тренде», регулярно публиковать фото, угождать вкусам публики и т. п.). А во-вторых, это постоянное *производство личности*. Когда Маврудис опросил 504 своих подписчиков, стремятся ли они к славе, 83 % заявили, что они активно участвуют в тех же стратегиях самобрендинга и наглядности, что и микрознаменитости¹.

Таким образом, производство личности становится *повсеместным*. Мы уже живем в мире, где слава, авторитет, престиж и наслаждение жизнью все чаще определяются *нахождением в центре внимания*. Это мир, в котором яркие и популярные творческие личности² будут

---

¹ Mavroudis J. Fame Labor: A Critical Autoethnography of Australian Digital Influencers // Abidin C., Brown M. L. (eds.) Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame. Bingley: Emerald Publishing, 2019. P. 90.

² Если понимать творчество исключительно как создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей, то оно не обязательно является предиктором популярности. Однако творчеством может являться и сам процесс, в рамках которого создается (производится) личность (практики создания образов, их продвижения, пиара и т. п.). В этом смысле деятельность, скажем, моделей в Instagram — это тоже своего рода творчество, нацеленное на создание неповторимых образов и практик их публичной «презентации».

определять образы посткапиталистического будущего. Но будет ли это хоть как-то походить на коммунизм?

***

В 1979 г. американский историк и социальный критик Кристофер Лэш в книге «Культура нарциссизма: американская жизнь в эпоху угасающих ожиданий» отметил важную тенденцию: американское общество становится обществом нарциссов. Как он отмечает, до Второй мировой войны люди обычно обращались к психиатрам с обсессивно-компульсивными расстройствами, фобиями и неврозами (связанными с подавлением id — бессознательной части психики, совокупности инстинктивных влечений). Но вскоре вседозволенность и падение авторитетов сделали нарциссизм одним из основных психических недугов. «Результатом являются не классические неврозы, когда инфантильный импульс подавляется патриархальной властью, но современные недуги, при которых желание стимулируется, извращается и не получает ни адекватного объекта <...> ни согласованных форм контроля»¹. Однако речь в его работе шла не столько о психической болезни, сколько о *культурном нарциссизме* как всепоглощающем индивидуализме: «средства массовой информации придают содержание и тем самым усиливают нарциссические мечты о славе и знаменитости, поощряют обычного человека идентифицировать себя со звездами и ненавидеть “стадо”, что все более затрудняет ему принятие ба-

¹ Lasch C. The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations. New York, W.W. Norton&Co., 1991. P. 43.

нальности повседневного существования»¹. Тезисы Лэша оказались во многом пророческими. Революция личности действительно происходит, но отнюдь не той «всесторонне развитой и гармоничной» личности, о которой говорили идеологи позднего СССР. Личность как «обладание» вниманием становится желанным благом и одновременно ключевым «инструментом влияния». Формируется новый господствующий класс (персоналиат), влияние которого растет преимущественно за счет развития социальных медиа. Да, капитализм при этом не уничтожается моментально. Но происходит медленное разрушение капитализма как системы, основанной на погоне за прибавочной стоимостью. Ключевым источником благ, имеющих пользу (потребительных ценностей), становится творчество, как мы увидели, внутренне чуждое самой сути капиталистической системы. Но, к сожалению, сегодня можно с уверенностью сказать, что творчество как таковое — еще не панацея от отчуждения. То, что мы имеем, говорит скорее о растущей конкуренции за самореализацию. И вполне вероятно, что эта конкуренция будет еще только более безжалостной и беспощадной, нежели конкуренция за материальные блага. В конце концов, теперь на кону сама личность: и среди возможных жизненных сценариев найдется как эйфория от успеха, так и крах, творческая неудача, серое небытие. Мы, стало быть, движемся к новой антагонистической общественной формации. Каковы ее перспективы?

---

¹ Ibid. P. 21.

Раздел III

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ

Глава 1

Классовая борьба продолжается

В предыдущих разделах переход к посткапиталистическому обществу было предложено рассматривать как социальную революцию личности. Я попытался обосновать, что данная революция происходит уже сравнительно давно как процесс постепенного возвышения персоналиата — прослойки популярных творческих деятелей («людей, обладающих личностью»). Но важно также отметить, что человечество движется по пути к новой антагонистической общественной формации. Это заставляет нас вновь вернуться к переосмыслению классических принципов и теоретических схем исторического материализма. Далее на примере Советского Союза я попробую продемонстрировать проблематичность идеологических апелляций к личности в контексте построения коммунистического общества. Я также покажу, что творческая личность склонна противопоставлять себя коллективу. В формирующихся общественных отношениях, в рамках которых господствует персоналиат, наличествуют все признаки антагонистической формации. Эти признаки также проявляют себя в современных протестных движениях. Однако любая антагонистическая формация характеризуется множе-

ством институциональных воплощений, а потому господство персоналиата может быть оспорено представителями имперсоналиата.

1.1. Новый классовый антагонизм: персоналиат vs. имперсоналиат

Коммунизм уже давно ассоциируется с идеей *освобождения личности*. К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что в условиях капитализма люди отчуждены друг от друга и *как личности* должны будут в конце концов установить порядок, который вернет им их «родовую сущность» («...я в моем производстве опредмечивал бы мою индивидуальность, ее своеобразие, и благодаря этому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным проявлением жизни, а в созерцании произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как предметная, чувственно созерцаемая и потому стоящая вне всяких сомнений сила»¹). Идеал классиков марксизма — это вовсе не диктат массы, класса или коллектива, а свободная *творческая личность*².

В Советском Союзе этот Марксов, условно говоря, «персонализм» сохранится, хоть и в переосмысленной форме. В первые десятилетия советской власти

¹ Маркс К. Заметки по поводу книги Джемса Милля / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 383.

² См., например: Фромм Э. Марксова концепция человека / Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375–414; Майданский А. Д. Коммунистический идеал Э. В. Ильенкова и реальный социализм // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3. С. 59–66.

большевикам было, грубо говоря, не до личностей, речь шла о банальном выживании в окружении врагов революции. Необходимо было в крайне сжатые сроки «подтянуть» страну хотя бы до уровня более или менее развитых капиталистических стран, не говоря уже о планомерном движении к коммунизму. На все это наслаивались такие неприятности, как частые неурожаи, голод и, разумеется, Великая Отечественная война. При этом личность систематически приносилась в жертву: в официальной риторике на первое место ставились такие категории, как класс, масса, коллектив. Все это сопровождалось формированием «нового человека» — послушного, фанатично преданного делу революции, коллективиста и патриота, готового пожертвовать собой ради других.

Однако не стоит смотреть на Советский Союз как исключительно на тоталитарно-коллективистическую страну, в которой личность деградировала до состояния зомбированного гомо советикуса, то есть «винтика» в гигантском государственном «левиафане»¹. Как показал О. Хархордин, даже в первые десятилетия правления большевиков личность не столько уничтожалась или целенаправленно поглощалась коллективом, сколько как раз «изобреталась»: строительство коммунизма требовало особой *сознательности*, к которой постоянно взывали большевики, особенно во время партийных чисток. Партийцы должны были «работать над собой», быть «субъектами познания и действия». Лич-

---

¹ См.: Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. London: Overseas Publications Interchange, 1985; Левада, Ю. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 2. С. 7–16.

ность являлась главным объектом критики и самокритики (аналогия с православной церковью и христианской *совестью*)¹. Постепенно, по мере выхода из своеобразного состояния «инфернальности» (И. Ефремов), категория «личность» оказывалась центральной в официальном дискурсе. Нельзя сказать, что это было в корне «антикоммунистично», а такое обращение было исторической ошибкой. Скорее строители коммунизма столкнулись с очень опасным явлением, с которым не смогли «совладать»².

«Ловушка» заключается в двойкой сущности личности. Классики марксизма и их последователи стремились освободить человека от всех материальных ограничений, от всех форм «материального» отчуждения («человек человеку не средство, а цель»). Отсюда возникали представления о социализированных индивидах, которые сотрудничают друг с другом, занимаются творческой деятельностью, иногда соревнуются, но больше ради удовольствия. В фантастических повестях А. и Б. Стругацких (особенно ранних) изображается мир («Мир Полудня»), в котором труд из чего-то чуждого, неприятного, вынужденного, калечащего превращается в наслаждение, покорение неизведанного, творческое преобразование во имя красоты, добра и т. п. В этом смысле категория личности была нормативной: она противопоставлялась категории «индивид», ассоциировавшейся с буржуазным индивидуализмом, эгоизмом, изолированностью, враждой,

---

¹ См.: Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2018.

² Давыдов Д. А. Сможет ли коммунизм совладать с личностью? // Свободная мысль. 2018. № 5. С. 23–34.

конкуренцией. «Под личностью, — пишет В. П. Тугаринов, — мы разумеем человека как носителя свойств, воспитанных в нем обществом. <...> В понятии индивида мыслится просто отдельный человек, а в понятии личности — отдельный человек, обладающий определенными социально значимыми свойствами»¹. При этом всегда подчеркивалось, что никакого «сущностного» противоречия между личностью и коллективом нет. Как писал в 1952 г. М. Д. Каммари, «в социалистическом обществе, построенном в СССР, личные интересы приспособляются и подчиняются общественным интересам, ибо основой развития и благополучия личности являются благополучие и прогресс общества. Личный интерес гармонически сочетается и сливается с общественным интересом, ибо социалистическая собственность на средства производства не разъединяет, а объединяет людей и их интересы, является основой дружественного сотрудничества и товарищеской взаимопомощи свободных от эксплуатации людей. Личность в условиях социализма не противопоставляет себя обществу, народу, напротив, в коллективе, в коллективном труде она находит неиссякаемый источник творческой энергии и вдохновения, счастье борьбы за коммунизм»².

И все же «ловушка личности» заключается в том, что грань между личностью, стремящейся быть гармоничной частью коллектива, и личностью, *выбывающей* из этого коллектива (в силу ее *индивидуальности*), размы-

¹ Тугаринов В. П. Природа, цивилизация, человек. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1978. С. 120–121.

² Каммари М. Д. Марксизм-ленинизм о роли личности в истории. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 236.

та. Более соответствует действительности взгляд на личность как на двойственный феномен — как на *социальную индивидуальность*. Сама по себе личность (как явление) не есть нечто благое или негативное, но она может при определенных обстоятельствах быть как «гармоничной»¹, так и «выбивающейся» из коллектива и общественного целого. Более того, она скорее будет последней, так как в личности заключено то, что можно ценить вопреки остальным вещам, ведь «я» находит «себя» только в поиске отличий от «других». И здесь мы, собственно, сталкиваемся с серьезным ограничением марксистской теоретической оптики, в качестве основной причины отчуждающей конкурентной борьбы («всей старой мерзости») полагающей именно нужду в *материальных благах*: якобы эгоизм как противопоставление себя другим — это исключительно следствие конкурентной борьбы за материальные ресурсы, и это пройдет, как только будет достигнут определенный уровень материальной обеспеченности, как только «царство необходимости» будет завоевано. История СССР показала, что по мере роста материального благополучия происходил процесс коррозии всех форм коллективизма и распространения «личностного модуса». Это и разрушило Союз, распавшийся на «монады»: территориальные и «персональные» (совокупности эгоистических индивидов, приветствовавших нелиберальные рецепты Запада и т. п.).

Сразу это, конечно, не произошло. Но уже на уровне пропаганды чувствовалась некоторая «имплицитная»

---

¹ См. концепт личности у философов-персоналистов (Н. А. Бердяев, Ж. Мунье, Ж. Лакруа и многие другие). См. также: Davydov D.A. The Crisis of Humanism and Emerging Post-Anthropocentric Epoch: A Personalistic View // *Changing Societies & Personalities*. 2020. № 2. Pp. 220-247.

непоследовательность. Так, постоянно утверждалось, что личность советского человека характеризуется трудолюбием, самоотверженностью, стремлением быть частью общественного целого и преследовать коллективные интересы. Но акценты на эгоцентрических «компонентах» личности неизбежно ставились. Личность зачастую не просто оказывалась частью коллектива, но *исключительной* частью коллектива. А от *исключительности*, еще не порвавшей с коллективом («героической», «самоотверженной»), до *исключительности*, противопоставляющей себя всем остальным, всего один шаг. Как пишет далее М. Д. Каммари, «основной принцип социализма: каждый работает по способностям, получает по количеству и качеству труда. Кто лучше работает, тот пользуется наибольшим почетом и уважением. В условиях социализма простые рабочие и крестьяне, вчера еще неизвестные, сегодня благодаря своему трудовому героизму становятся известными всей стране и окружаются всеобщим почетом и уважением. Таковы наши знатные люди — стахановцы, Герои Социалистического Труда»¹. Иными словами, утверждается, что героизм — это путь к *славе*, к довольно приятным благам: «почет и уважение». При этом далеко не все эту славу обретут, ведь речь идет исключительно о тех, «кто лучше работает». В этом смысле примечательна биография самого А. Г. Стаханова, которого «почет и уважение» привели к тому, что он зазнался и в итоге умер от алкоголизма. Так гомо советикус очень быстро трансформировался в гомо антисоветикус².

¹ Каммари М. Д. Марксизм-ленинизм о роли личности в истории. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 210.

² «Отличался Стаханов и дебошами — как-то он вместе с товарищами бил зеркала в ресторане «Метрополь» и ловил рыбок в декоративном бас-

С приходом к власти Н. Хрущева «личностный» компонент общественного дискурса усиливается. Происходит постепенный отказ от грубого коллективизма в пользу более мягкого дискурса, связывающего индивида и индивидуальное потребление («Догоним и перегоним Америку» — именно по уровню производства и потребления) с успехами общества в целом. Автономизация потребителя в конце концов вела к *автономизации личности*. «Такая автономизация потребителя, — пишет А. Т. Бикбов, — косвенно или прямо вписанная в ближайший контекст “личности”, представляет собой необъявленную символическую революцию, которая через новый режим потребления фактически формирует в горизонте “социализма” зону персональности, наделенную буржуазными чертами»¹. Однако были ли это *только* буржуазные черты, или *личность* сама по себе, даже если извлечь ее из контекстов материального производства, рыночной экономики, присвоения прибавочной стоимости и т. п., *является полноценным благом, которым можно обладать «в той или иной степени»?* Как уже отмечалось выше, личность (как благо) нельзя

сейне этого заведения. Однажды сотрудники НКВД, которые должны были вести Стаханова в Кремль на какую-то церемонию, обнаружили его не только спящим в кресле, но и обмочившимся во сне. Увидев соль, выступившую на сапоге героя труда, один из провожающих отдал ему свои сапоги, а сам сразу же отправился под арест за нарушение формы одежды.

По легенде, Сталин так отреагировал на произошедшее: «Скажите этому добру молодцу, что ему придется, если не прекратит загулы, поменять знаменитую фамилию на более скромную». См.: От забоя до запоя. История взлета и падения передовика производства Алексея Стаханова // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/08/30_a_7719569.shtml (дата обращения: 14.03.2021).

¹ Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 210.

купить или продать, она не товар (можно покупать или продавать некоторые «средства производства» личности вроде одежды или труда пиар-менеджеров, но сама личность — это сложное сочетание индивидуальных особенностей, творческих дарований и сконструированных образов, «прикрепленных» к одному человеку). Иными словами, «обладание личностью» не то же самое, что обладание капиталом или рабочей силой. Область производства личности располагается по большей части за пределами капитализма. Стало быть, развернувшаяся еще в советские времена «борьба за личность» и была уже зачатком посткапитализма.

Правда, посткапитализм этот оказался малозаметным, так как сильно отличался от шаблонных представлений о коммунизме как неантагонистической, бесклассовой стадии развития общества. Долгое время считалось, что посткапиталистическая стадия развития общества будет сильно отличаться от всех предшествующих формаций. В конце концов, на протяжении истории менялись способы возвышения в конкурентной борьбе одних людей над другими (от угрозы убийства до рыночной конкуренции). Менялись и ключевые блага, за которые велась борьба. В первобытную эпоху борьба велась *за средства поддержания самой жизни* (растительная еда, мясо и т. п.)¹; в сословно-классовую эпоху желанной целью для многих являлось обладание ресурсами и средствами *производства* благ, удовлетворяющих жизненные потребности (земля, замки, сами люди, прикрепленные к земле, и т. п.); в капиталисти-

¹ Поэтому, на мой взгляд, не совсем корректно первобытную общественную формацию считать неантагонистической. В конце концов, даже если внутри первобытных племен не существовало классового расслоения, сами племена неизбежно враждовали за территории, стада и т. п.

ческую эпоху акцент смещается: производятся уже не столько блага, удовлетворяющие жизненные потребности, сколько *желания* и средства их удовлетворения. Поэтому никогда и не наблюдалось никаких «моральных разрывов» между общественными формациями: обобщенный капиталист был, грубо говоря, таким же «злодеем», эксплуататором, эгоистом, как и феодал; просто способы производства, которые он внедрял, были в технологическом плане более передовыми. Предполагаемый коммунизм из этого ряда выбивался. Рабочие не просто должны были уничтожить государство как эксплуататорскую машину, но и установить общественные отношения, характеризующиеся относительной гармонией и солидарностью. Это допущение, как мы видели, выводилось из всего лишь *гипотезы* о том, что решение проблемы дефицита материальных благ — это решение проблемы отчуждающей конкурентной борьбы как таковой: раз уж «вечные машины» будут все делать за человека, удовлетворят так называемые «базовые потребности», то людям останется творческая деятельность во имя добра. Проблема только в том, что идеологи марксизма не просто упустили из виду область «производства желаний», продлившую жизнь капитализму¹ (что потом стало объектом критики «новых левых», представителей Франкфуртской школы и др.), но и сильно ошиблись в прогнозах относительно сферы «производства личности», в которой де-факто сохранялась конку-

---

¹ Собственно говоря, в СССР так и не произошло «освобождения» от буржуазных общественных отношений, которые пронизывали советское общество. Поэтому СССР оставался частью капиталистической мир-системы (формации).

рентная борьба, обеспечивавшая одних преимуществами, а других оставлявшая на «обочине жизни».

В Советском Союзе, стало быть, не просто воспитали «буржуазную личность» (особенно ускорились эти процессы, когда в официальном дискурсе закрепились формулировка «всесторонне развитая личность»). В сложном формационном слоеном пироге зародилась новая посткапиталистическая «прослойка» — область «производства личности» «как таковой». СССР стал жертвой не только буржуазного стремления к избытию предметов потребления («как на Западе»). Его уничтожила *личность*, поставившая *свою* свободу выше коллектива; *личность*, для которой *самовыражение* стало дороже *равенства*. Эту «суверенную личность» СССР сам создал, как и сферу производства личности с ее героями, выдающимися деятелями, знаменитостями¹ и прочими «новыми аристократами», новым «праздничным классом». Долгая социальная *революция личности* началась еще тогда. Но то, что в то время имело форму зачатков, сегодня становится заметной силой, меняющей общество. Проблески формирующейся *новой антагонистической общественной формации* уже можно увидеть невооруженным глазом.

---

¹ К примеру, в области спорта происходили процессы селебритизации, как и в западных странах (при общем сопротивлении движения физкультурников). Несмотря на попытки «приручить» и «коллективизировать» личность и сделать из спортивных знаменитостей примеры для подражания, результат оказался прямо противоположным: эти знаменитости все чаще оказывались самыми настоящими индивидуалистами, ведущими разгульный образ жизни и т. п. Причем этот «разгульный» образ жизни становился все более привлекательным для широких слоев населения (Дюфрес С. Спортивные знаменитости: возникновение и эволюция феномена в СССР // Социология власти. 2018. № 2. С. 83–100).

***

Отказ от марксистской телеологии еще не значит отказ от марксистского классового анализа. С точки зрения марксистской методологии социальный класс — это результат действия объективных закономерностей, свойственных той или иной социально-экономической системе. Классовая принадлежность определяется не только и не столько субъективным ощущением принадлежности к какой-либо группе (идентичностью), сколько местом в исторически определенной системе общественного производства, отношением к средствам производства (в этом смысле возможна ситуация, когда люди еще не осознают своего классового положения в силу разных причин). В таком случае классовый анализ призван указать на глубинные причины имеющегося неравенства и несправедливости, тем самым подорвав идеологию господствующего класса (скажем, миф об американской мечте, согласно которому сегодня каждый житель США может достичь богатства, если приложит необходимые силы).

На самом деле обосновать, что социальная революция личности — это процесс перехода к новой антагонистической формации, не так просто. Во-первых, слово «личность» в нашем языке имеет много позитивных коннотаций. В конце концов, очень долгое время «личность» ассоциировалась с некоей высшей формой бытия (не обычный человек, а *личность*). Многие годы пропагандировалось, что личность определяется заслугами, вовлеченностью в общественную жизнь, способностью приносить пользу всему человечеству. Во-вторых, не все марксисты и борцы за коммунизм

исключали наличие *противоречий* в посткапиталистическом обществе. В конце концов, и в идеальном «Мире Полудня» А. и Б. Стругацких личности совершали роковые ошибки, конфликтовали и даже убивали. Поэтому нужно четко различать социальные противоречия как неизбежное следствие несовершенной природы человека (даже если он стремится к совершенству) и общественный антагонизм как состояние *разорванности* общества на *враждующие* социальные группы, преследующие противоположные интересы. Далее я выделю основные признаки антагонистической общественной формации и попытаюсь обосновать, что складывающиеся посткапиталистические общественные отношения им вполне соответствуют.

а) *Общественное производство сконцентрировано на созидании конкурентных и исключаемых благ.* Под ними стоит понимать блага, которые не могут потребляться всеми без исключения. Дом или, скажем, диван теряют свою потребительную ценность, если ими могут в любой момент воспользоваться все без исключения (общественные блага), не говоря уже о таких вещах, как нижнее белье. Многие левые теоретики считают, что производство знаний — это принципиальный сдвиг в сторону общественных благ, а значит, коммунизма¹. Так как знания становятся ключевым фактором производства, то верный шаг на пути к коммунизму — уничтожить копирайт и открыть широкий доступ к знаниям или идеям.

¹ См., например: Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010; Бузгалин А.В., Колганов А. И. Эксплуатация XXI века. От наемного рабочего и прибавочной стоимости к «креативному классу» и интеллектуальной ренте? // Свободная мысль. 2012. № 9–10. С. 139–158.

Однако данные теоретики не замечают того, что творческий человек в процессе производства знаний и идей параллельно производит *личность* как благо, удовлетворяющее массу потребностей: в самовыражении, уважении, признании и т. д. Можно сказать, что личность как благо «абсолютно исключаемо»: то, что я имею в качестве моей личности, — это только *моя* личность и ничья другая. «Обладать» личностью — значит иметь в своем распоряжении благо, которое *исключает* других в качестве его потенциальных потребителей¹.

б) В производстве наиболее востребованных благ задействованы дефицитные (ограниченные) ресурсы. Этот момент уже был разобран выше. Еще раз подчеркну, что «обладать» личностью — значит «обладать» той или иной «долей» общественного внимания. Последнее имеет свои естественные пределы (численность населения, время, которое люди тратят на общение, потребление «персонифицированных» благ и т. п.), и вовсе не каждый способен заполучить его равную долю. Герои, звезды, микроселебрити и прочие публичные фигуры — это новая аристократия, «захватывающая» общественный дискурс. Выигрывает тот, кто в той или иной степени *известен*, способен *привлекать внимание*, *проникать в умы* людей.

---

¹ Здесь можно возразить: если рассматривать личность как благо, то его специфика состоит как раз в том, что полноценное пользование им невозможно без участия других в качестве его потенциальных потребителей. В конце концов, всякая личность требует внимания, т. е. участия других людей, которые ее «потребляют» (слушают, читают и т. п.). Однако в данном моменте я хочу подчеркнуть другую сторону «потребления» личности — наслаждение не результатами ее деятельности, а самим фактом «обладания» популярностью, вниманием со стороны других (славой, заслугами, почестями и т. п.).

в) *Доступ к ключевому ограниченному ресурсу обеспечивает весомые преимущества*, способствующие формированию господствующего класса (или господствующего социального слоя). В сословно-классовую эпоху земля не только обеспечивала пропитанием и необходимыми для повседневной жизни ресурсами. На этой земле обитали люди, становившиеся воинами или производившие оружие; на лугах паслись лошади, которых задействовали в кавалерийских войсках и т. д. и т. п. Владеть обширными территориями означало обладать потенциально мощной армией и всеми необходимыми ресурсами для ее обеспечения. В капиталистическую эпоху подобные свойства имел капитал (всесилие «денежных мешков»). Сегодня, как уже также было сказано выше, «обладание личностью» — важнейший ресурс политического влияния.

г) Тем не менее все вышесказанное еще не говорит о том, что мы наблюдаем *антагонистическую* общественную формацию. В конце концов, личностный успех вполне можно объяснить «морально приемлемыми» заслугами, везением, природными дарованиями. Антагонистическая формация характеризуется не просто *неравенством* или *господством* одного социального слоя. В рамках *антагонистической общественной формации высший класс тем или иным способом эксплуатирует «низшие»* слои населения. Как отмечает Э. О. Райт, марксистский концепт эксплуатации «призван обозначить определенную форму взаимозависимости материальных интересов людей, а именно ситуацию, удовлетворяющую трем критериям: (1) Принцип обратной взаимозависимости благополучия <...>; (2) Принцип исключения: та самая обратная взаимозависимость благополучия эксплуата-

торов и эксплуатируемых определяется исключением доступа эксплуатируемых к определенным производительным ресурсам; (3) Принцип присвоения: исключение создает материальные преимущества для эксплуататоров, поскольку позволяет им присваивать трудовые усилия эксплуатируемых»¹. Но, на мой взгляд, следует отойти от акцента именно на материальном благополучии. История знает большое количество форм эксплуатации — от рабства до присвоения прибавочной стоимости. Персоналиат эксплуатирует всех тех, кто «не обладает личностью» (имперсоналиат), весьма специфическим образом.

Здесь необходимо уточнить, чем же, собственно, является *процесс производства личности*. Прежде всего стоит отметить, что этот процесс не может быть сугубо индивидуальным. Личность не есть нечто «встроенное» в человека. Представление о личности как о «неделимом» является иллюзией идеалистического сознания. Личность — это целиком продукт *коллективного производства*. Она рождается в языке, в дискурсе, в циркулирующих идеях и нарративах, в *общении*. Рождение личности — это всегда коммуникативный и интерактивный процесс. Популярная личность невозможна без усилий огромного числа людей: без идейных предшественников и вдохновителей, без внимания аудитории, без попыток «простых людей» проникнуться ценностями, которые разделяет та или иная личность, без рекомендаций, сплетен и слухов, без многих часов, ушедших на чтение, созерцание, слушание, вникание, без

---

¹ Райт Э. О. Основы неомарксистского классового анализа // Подходы к классовому анализу. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2019. С. 45.

критики или одобрений, без потраченных денег на билеты, собрания, книги, картины, концертные площадки, красные дорожки и т. д. и т. п. Однако для существования популярной личности необходимо, чтобы все остальные оставались «безликим» большинством — имперсоналиатом¹. Эксплуатируемые «липаются» личности, выступая в роли коммуникативных ретрансляторов: их роль заключается в «потреблении» творческого продукта и, что примечательно, в коллективном соучастии в его производстве, но также в перенаправлении внимания «от себя» к «другим». Личность, таким образом, «присваивает» затраченный «общественный труд», а главное, внимание. Вся коллективная работа по производству личности присваивается одним популярным человеком, а потому довольно часто мы встречаем типичные проявления меритократического дискурса о *выдающемся деятеле*², который достигает успеха якобы исключительно по причине своего таланта, имеет право на все блага, обусловленные известностью (и, соответственно, право на наслаждение своей личностью как *исключительностью*)³.

Более того, можно говорить, что популярная личность «крадет» личности остальных, ведь «захват дискурса» означает, что остальным «коллективного внима-

¹ Хотя здесь имеет место быть своеобразная «диалектика», ведь от вкусов этого «безликого» большинства, его капризов зависит и судьба той или иной популярной личности.

² Этот дискурс довольно стар. В конце концов, и в буржуазную эпоху *self-made man* был своего рода выдающейся личностью. Революция личности не означает, что ранее личностей не существовало. Скорее речь должна идти о перестановке акцентов: «личностный» аспект бытия выступает на первый план.

³ Фрэнк Р. Успех и удача. Фактор везения и миф меритократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

ния» остается куда меньше (или не остается вовсе). Да, отчасти можно согласиться с идеалистическим представлением о «взаимобогащении личностей» в процессе диалога¹. Коллективное производство личности означает, что представители имперсоналиата могут из этого процесса извлечь что-то и для себя: блага, создаваемые творческими личностями (скажем, видеоролики, музыка или книги), какие-то идеи, которые они потом могут творчески развить, и т. д. Однако в действительности *диалог* исключительно редок. Возвышение личности — это не просто присваивание доли общественного внимания и вытеснение всех остальных из общественного дискурса, но также «кража личности»: *убеждение* как вытеснение личностной позиции другого; *навязывание* определенных культурных кодов, чтобы быть (хотя бы!) понятым многими; *создание стилей, жанров или научных парадигм*, которых необходимо придерживаться коллективно в ущерб собственной индивидуальности; игра на эмоциях восторга, побуждающая идентифицировать «себя» (читай — терять часть себя) с выдающейся личностью (как крайнее проявление — синдром поклонения знаменитостям (celebrity worship syndrome)) и т. д. *Присвоение* и *кража* личности — формы посткапиталистической эксплуатации.

д) Наконец, еще одним признаком антагонистической общественной формации является *расхождение интересов господствующего класса с интересами эксплуатируемых классов*. Идеология любого господствующего класса стремится быть «универсальной», то есть обра-

¹ Бузгалин А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 43–53.

щается в том числе и к социальным «низам», убеждая их принимать сложившийся порядок. Так, в сословно-классовую эпоху нахождение аристократов на вершине социальной лестницы объясняли естественным неравенством (к примеру, миф Платона о том, что бог вложил в души правителей, стражей закона, землевладельцев и ремесленников золото, серебро, железо и медь соответственно) или, скажем, волей Бога. Капиталистическая эпоха наполнилась мифами о безмерном трудолюбии (протестантская этика), творческом гении и удаче парвеню и будущих основателей олигархических династий. Даже при растущем социально-экономическом неравенстве 1 % наиболее богатых в США успешно пользовался и во многом продолжает пользоваться мифом об «американской мечте», будто бы каждый, если сильно захочет, благодаря преимуществам рыночной экономики может «выбиться в люди» и стать богатым и успешным. Соответственно, все эти идеологические конструкции были необходимы, чтобы заставить широкие массы поверить в то, что интерес представителей господствующей прослойки — это и их интерес тоже. Сегодня происходит нечто подобное. Представители персоналиата сдвигают акценты: теперь для них (от буржуазной богемы до многих популярных блогеров) важны уже не столько деньги, сколько их «креативная» трата, в которой раскрывается *индивидуальность*. Распространяется миф о том, что творчество — это, вообще говоря, нечто совершенно безобидное (можно сказать, практически «святое», ибо в идеале — не купленное и не проданное); что каждый может взять в руки камеру, что-то заснять, выложить в Интернет, а наутро проснуться

кем-то. Теперь уже популярность можно оправдывать *чистым талантом*: то, что досталось исключительно благодаря творческим дарованиям. В сущности, мы имеем модернизированную версию аристократической идеологии: все равны, но некоторые люди просто в силу своей *яркой личности* «равнее» других.

Вышесказанное не означает, что «классовое» сознание¹ персоналиата мало чем отличается от буржуазного. Персоналиат по-своему *антибуржуазен*. Для «выдающихся личностей» (и тех, кто желает ими стать) главное — свобода во всех ее проявлениях. А потому борьба «новых левых» против различных форм угнетения (против расовой дискриминации, за права представителей сексуальных меньшинств, женщин и т. п.), сочетающаяся с антибуржуазным дискурсом (интерсекциональность), — это уже во многом проявление социальной революции личности.

Однако это «классовое сознание» имеет характерные черты «оторванности» от запросов социальных низов. Борющихся за свободу личностей мало интересуют проблемы «безликих» нищих или бедных трудящихся, так как сами они находятся в состоянии «экзистенциальной безопасности», а потому реальность интерпретируется ими в категориях свободы/несвободы, а не недостатка/нужды. Оттого и ситуации, когда «революции» и государственные перевороты осуществляются вовсе не голодающими или экономически угнетаемыми, а сытыми, молодыми и просвещенными.

Здесь нет никакого противоречия: антибуржуазность персоналиата не означает искреннего движения

---

¹ Пока еще формирующееся, но уже «узнаваемое» в дискурсе творческих элит, интеллигенции, медийных инфлюенсеров и проч.

к подлинному равенству и братству. Представители персоналиата — это люди, *уже добившиеся успеха*, а потому и имеющие политическое *влияние*. Этнос творческой личности есть этнос *свободы самовыражения*. При этом совершенно не важно, что успех данной конкретной личности мог оказаться следствием везения или удачного стечения обстоятельств. Главное — уничтожить очаги «несвободы», все бюрократическое и стесняющее: «сократить» громоздкие и якобы неэффективные институты социального государства, избавиться от больших и иерархических организаций, устроить весь мир по образу и подобию офиса Google. Соответственно выстраиваются специфические идеалы посткапиталистического общества: в котором каждому гарантируется определенная экономическая «подушка безопасности» в виде безусловного дохода (небольших ежемесячных гарантированных пособий всем без исключения гражданам), национальные государства и международные организации уступают место самоорганизующимся группам, творческая конкуренция способствует возвышению наиболее талантливых; а всем остальным вполне можно довольствоваться статусом потребителей, живущих на общественную ренту. Возникает миф о том, что мы и так уже приблизились к «посттрудо-му» обществу, а потому стоит максимизировать досуг и минимизировать общественный труд¹.

---

¹ Как пишут Ф. Ван Парайс и Я. Вандерборхт, «длительная история технического прогресса, разделения труда и накопления капитала перевела нас из состояния, в котором для удовлетворения базовых потребностей всего населения в еде, жилье и одежде требовался труд, скажем, 90 % населения к состоянию, в котором для этого достаточно труда, скажем, 10 %. <...> Сегодня стремление сократить продолжительность рабочей недели связано не с желанием уменьшить тяготы, а с желанием расши-

Если взглянуть на все это с позиций имперсоналиата, то очевидна оторванность подобного рода дискурсов от запросов социальных «низов». В то время как представители персоната¹ мечтают о посттрудо­вом обществе, рядовые члены общества в условиях ускоряющейся автоматизации производства оказываются «лишними» для современной экономики, пополняют ряды прекариата, занятого «дерьмовой»² работой. Эти «дерьмовые» работы можно было бы заменить на полезные и даже жизненно необходимые (хоть и не обеспечивающие славой и известностью), нацеленные на производство общественных благ. Но так как производством общественных благ занимается в основном государство, то это не является привлекательной перспективой для представителей персоната.

Все эти противоречия становятся все более заметными, если с соответствующей исследовательской оптикой подходить к изучению современной протестной борьбы.

ритель привилегии» (Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход: Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С. 168).

¹ Речь идет об авторах популярных (если не сказать «модных» или «хайповых») концепций посткапитализма, безусловного дохода, посттрудо­вого общества и т. п. (см.: Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016; Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019; Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход: Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020; Weeks К. The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries. Durham: Duke University Press, 2011; Frayne D. The Refusal of Work: The Theory and Practice of Resistance to Work. London: Zed Books, 2015 и многие другие).

² Graeber D. Bullshit Jobs. A Theory. New York: Simon & Schuster, 2018.

1.2. Классовая борьба: новая поверх старой?

Когда можно говорить о зачатках классовой борьбы, которую уже отчасти можно отнести к складывающейся посткапиталистической общественной формации? За «линию водораздела» можно принять конец 1960-х — начало 1970-х гг. — время, ознаменованное появлением так называемых новых общественных движений¹. Как отмечает С. Бюхлер, в то время как в классической марксистской традиции предпочтение отдавалось идее пролетарской революции, уходящей корнями в сферу производства, «теоретики новых социальных движений, напротив, смотрели на другую логику действия, основанную на политике, идеологии и культуре, как на корень многих коллективных действий, и они обращались к другим источникам идентичности, таким как этническая принадлежность, пол и сексуальность, в качестве определяющих коллективной идентичности. Таким образом, термин “новые социальные движения” относится к разнообразным коллективным действиям, которые предположительно вытеснили старое социальное движение пролетарской революции, связанное с классическим марксизмом»².

Новые социальные движения не возникли из вакуума. Они как раз стали отражением глубинных процессов, в рамках которых борьба за выживание и в це-

---

¹ Cohen J. *Class and Civil Society: The Limits of Marxian Critical Theory*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1982. См. также таких авторов, как А. Турен, Э. Лакло, Ш. Муфф, К. Оффе, И. Валлерстайн, М. Кастельсидр.

² Buechler S. M. *New Social Movement Theories // The Sociological Quarterly*. 1995. № 3. P. 442.

лом буржуазная погоня за материальными благами постепенно вытеснялась *личностной* проблематикой: самореализация, поиск себя в мире, достижение свободы самовыражения, жизненная активность, выходящая за пределы сферы удовлетворения «материальных» потребностей и т. п. Поэтому вполне резонно, что Р. Инглхарт в своих знаменитых исследованиях глобальных трансформаций ценностей концептуализирует этот процесс как расширение *постматериалистических ценностей* («тихая революция» — см. выше).

Примечательно следующее: как выяснилось, чем более распространены постматериалистические ценности, тем сильнее протестная активность и более активны новые социальные движения¹. Связь оказалась настолько сильна, что в период Великой рецессии, когда наблюдалось сокращение числа людей, придерживающихся постматериалистических ценностей, количество протестных акций в США не увеличилось (хотя по классической марксистской логике должно было вырасти), а сократилось (движение Оссипу было ярким исключением из правил)². Аналогичный феномен наблюдался в Великобритании³. И дело не только в самом по себе ценностном сдвиге: здесь концепция постматериализма пересекается с теориями мобилизации

---

¹ Quaranta M. Political Protest in Western Europe Exploring the Role of context in Political Action. Heidelberg: Springer, 2015. Pp. 61–62.

² Cameron S. M. Postmaterialism in Times of Crisis. Paper presented at the European Consortium for Political Research General Conference, Bordeaux [Электронный ресурс]. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/82449099-9a96-4739-a2ab-7d665b6c4b10.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).

³ Henn M., Oldfield B., Hart J. Postmaterialism and Young People's Political Participation in a Time of Austerity // The British Journal of Sociology. 2017. № 3. Pp. 712–737.

ресурсов¹, повествуящими, что протест — это не просто вспышка недовольства, но сочетание «низовых» инициатив с практиками мобилизации, требующими тех или иных ресурсов (денег, свободного времени, образования, доступа к средствам коммуникации и координации и т. п.). Прослойка постматериалистов — это как раз те, кто находятся в «экзистенциальной» безопасности, располагают большим количеством свободного времени и неизбежно задумываются о роли своей *личности* в контексте широких общественных проблем.

***

Как бы то ни было, освобождение от изнурительного труда и необходимости постоянно бороться за жизнь не означает, что следующий шаг — это нечто вроде комплексной общественной рефлексии и нацеленность на *всестороннее* изменение мира к лучшему. Скорее стоит говорить о весьма специфической «классовой позиции», которую занимают постматериалисты, ведь они, в сущности, не являются «страдающей» социальной прослойкой. Да, если посмотреть на риторику «новых левых», феминисток, интерсекционалистов и т. п., то дискурс новых социальных движений часто проникнут левыми и антибуржуазными идеями. Однако эта «левизна» и «антибуржуазность» на поверку оказываются слепы к проблемам преимущественно *экономически* (нищие и обездоленные, бедные, представители «низового» прекариата и т. п.), а не «культур-

---

¹ См., например: McCarthy J. D., Zald M. N. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology. 1977. № 6. Pp. 1212–1241; Tilly Ch. Social Movements, 1768–2004. Boulder/London: Paradigm, 2004.

но» притесняемых социальных групп. Поэтому в развитых странах социально-экономическая картина протеста переворачивается: имущие слои становятся более «протестными», чем неимущие (у которых зачастую просто нет ни времени, ни сил, чтобы выражать недовольство чем-либо, кроме своего социально-экономического положения), и, соответственно, чаще разделяют постматериалистические ценности.

В конце концов, социально-экономический статус попросту перестает быть релевантным предиктором политического поведения¹. Пришествие «постматериалистической» политики сдвинуло общественно-политический дискурс от проблематики классовой борьбы к «личностной» (связанной с *борьбой за свободу самоопределения*) проблематике пола, гендера, расы, сексуальной ориентации, антиколониализма и т. п. Но фактически это вовсе не значило, что предыдущие проблемы были раз и навсегда решены. Скорее переход инициативы к постматериалистам (проводящим «политику идентичности») оставил без защиты «материалистов», чем и воспользовались идеологи неолиберализма, которые не преминули развернуть свои программы демонтажа институтов социального государства².

Переход «от класса к дискурсу» в итоге прилетел обратно бумерангом к самим постматериалистам: пока людей больше всего интересовали индивидуальные свободы, *права* «культурно» притесняемых и пред-

¹ Gundelach P. Grass-roots Activity // Van Deth J. W., Scarbrough E. (eds.) The Impact of Values. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 412–440.

² Кагарлицкий Б. Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. С. 51.

ставителей различного рода меньшинств, а также забота об окружающей среде, рост реального благосостояния большинства людей (если говорить о США) остановился. Великая рецессия расставила все по своим местам, и сегодня по известным причинам многие (но не все) постматериалисты вынуждены вновь становиться «материалистами»¹.

Расставшаяся со старыми классовыми идентичностями *личность* не обязательно должна придерживаться леволиберальных взглядов. У нее на первом месте в списке приоритетов находится *свобода*. Так как каждая личность — это своеобразная «монада» со своими представлениями о мире, то солидарность между ними возможна преимущественно по логике «от противного»: мы можем не иметь никакого представления о желательном будущем, но здесь и сейчас в приоритете *свобода*, а значит, для начала нужно разрушить *режим*, попирающий эту свободу. Поэтому если в Западной Европе постматериалисты отрицают (якобы) «буржуазные» формы социального угнетения, то, скажем, в Восточной Европе объектами отрицания являются как раз антибуржуазное советское наследие и авторитарные режимы на постсоветском пространстве. Как убедительно показано, в Восточной Европе с ее историческим наследием демократизации, направленной против коммунистической диктатуры, протесты положительно коррелируют с правой идеологией в первые годы демократии².

---

¹ См.: Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

² Kostelka F., Rovny J. *It's Not the Left: Ideology and Protest Participation in Old and New Democracies // Comparative Political Studies*. 2019. № 11. 1677–1712.

Россия — не исключение. Как я уже отметил, сам по себе крах СССР был своеобразным аналогом «тихой революции» на Западе. Крах СССР лишь частично объясним неработоспособностью плановой экономики или дефицитом потребительских товаров (до самого конца в Советском Союзе ВВП неуклонно рос, демографическая ситуация была относительно неплохой и т. п.). В конце концов, советский народ переживал испытания потяжелее, среди которых голод 1932–1933 гг. и Великая Отечественная война. С чем СССР, переживший аналогичную западной *постматериалистическую* трансформацию, не смог совладать, так это с *личностью* («Перемен требуют наши сердца»).

Да, в 1990-е гг. последует своеобразный откат, и у людей, ощутивших на себе всю воплощенную мощь неолиберальной «доктрины шока»¹ (забастовки шахтеров и т. п.), возник неизбежный запрос на стабильность, что и отразилось возвращением авторитаризма. Однако постепенное экономическое оживление приводило к тому, что постматериалистические протестные повестки звучали все чаще (борьба за честные выборы, против коррупции² и т. п.). Более того, постматериалистический протест фактически стал «заглушать» повестки, порождаемые привычной классово́й борьбой.

---

¹ Кляйн Н. Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2015.

² Чисто внешне борьба против коррупции имеет и «материалистические» основания (деньги налогоплательщиков, идущие на дороге особняки чиновников, и т. п.). Но, как показывает практика, куда больше людей возмущает именно сам факт *обмана*: как *личности*, они оказываются оскорбленными самим фактом незаконных действий за их счет. А если учесть, что организаторы (А. Навальный и др.) антикоррупционных митингов были теми же, что и митингов «за честные выборы» (см. сноску ниже), то можно говорить об их преимущественно «постматериалистической» природе.

Протесты 2011–2013 гг.¹, когда проходили массовые акции «за честные выборы» (т. н. «болотная революция»), были куда масштабнее, ярче и заметнее, чем протесты против монетизации льгот в 2004–2005 гг. (или ближе — протесты в Калининграде против повышения транспортного налога в 2009–2010 гг.). То же самое можно сказать об антивоенных протестах 2014 г., антикоррупционных протестах 2017 г. или, скажем, о московских протестах 2019 г., спровоцированных недопуском оппозиционных кандидатов на выборы в Мосгордуму и затем с громкими уголовными преследованиями митингующих («Московское дело») на фоне куда более скромных, рассредоточенных и преимущественно «институционально организованных» (партиями вроде КПРФ, официальными организациями и т. п.) протестов против Пенсионной реформы в 2018 г.

Протесты с постматериалистической повесткой не только становятся преобладающими на федеральном уровне. В последнее время очень массовыми становятся локальные протесты, связанные с действиями местных

---

¹ Есть все основания относить данные протесты к протестам с преобладающей долей участников, придерживающихся постматериалистических ценностей. Когда эксперты ВШЭ проводили опрос участников протеста 10 декабря 2011 г., то выяснили, что среди них люди с высшим образованием составляли 81,5 %, при этом 8,1 % от общего числа респондентов обладали ученой степенью. 52,4 % опрошенных не имели проблем с занятостью и лишь ответы 14,3 % можно идентифицировать как сильно тревожные. 46,8 % респондентов по меньшей мере удовлетворены своим доходом. 85 % опрошенных выбрали в качестве основной проблемы современной России коррупцию в высших эшелонах власти, и лишь треть респондентов столь же сильно озабочена проблемами образования и здравоохранения (см.: Соколова А., Головина М., Семирянова Е. «Вы нас даже не представляете»: социальный портрет митингующих в динамике // «Мы не немь»: антропология протеста в России 2011–2012 годов. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2014. С. 83–122).

властей и посвященные различной городской проблематике (например, вопросы застройки спорных объектов), сохранению уникальных природных объектов и т. п.: к примеру, растянувшийся во времени конфликт вокруг Химкинского леса (2007–2012), экологический протест против строительства мусорного полигона вблизи железнодорожной станции Шиес в Ленском районе Архангельской области (июль 2018 — 9 июня 2020), а также многочисленные другие «мусорные конфликты», которые затронули полстраны, протесты против строительства храма в сквере у Драмтеатра в Екатеринбурге (май 2019), протесты в Хабаровском крае против коррупционной системы лояльности региональных чиновников после ареста бывшего губернатора Хабаровского края С. Фургала (с 11 июля 2020 г.), протесты в защиту пихана Кушгау в Башкортостане (август 2020 г.) и т. п. Причем и здесь наблюдаются своеобразные «антиномии»: скажем, в Екатеринбурге, казалось бы, куда более значимая и актуальная Пенсионная реформа не вывела на улицы столько людей, сколько перспектива застройки не самого популярного в городе сквера, а в ситуации углубляющегося кризиса, связанного с пандемией COVID-19, люди в России массово протестуют против отставки губернатора с сомнительным прошлым.

Проблема, однако, не просто в переходе уличной политической инициативы к *личностям*, разделяющим постматериалистические ценности. Протестная активность постматериалистов может идти (и обычно идет) вразрез с интересами «материалистического» большинства. Это происходит, когда активное постматериалистическое меньшинство выдает уличную активность за

свидетельство «всенародной» и «демократической» поддержки той или иной идеи. В итоге десятки и сотни тысяч протестующих, составляющих незначительные проценты (если не доли процента) населения, прямо влияют на политику не в интересах молчаливого большинства. Случаев подобных исторических «диссонансов» история знает великое множество — от развала Советского Союза, ставшего экономической, социальной, культурной и демографической катастрофой масштаба Второй мировой до известных событий на Украине в 2013–2014 гг. Во многих случаях это противоречие имеет более явные проявления, но иногда грань довольно размыта. К примеру, протесты «Арабской весны», в которых в ряде случаев «материалистический» фактор перемешивался с «постматериалистическим». Почти все страны, пережившие «Арабскую весну», имели «предпротестный» период стабильного экономического роста¹. В сущности, речь применительно к большему числу случаев шла о завышенных ожиданиях (см. концепции относительной депривации²) ознакомившейся через Интернет с постматериалистическими ценностями

---

¹ Так, Л. Исаев и А. Шишкина отмечают, что в Египте за тридцать лет пребывания Х. Мубарака у власти (1981–2011 гг.) ВВП страны вырос почти в четыре с половиной раза, что является одним из лучших показателей для стран «третьего мира». «Особенно высокими темпами экономика стала развиваться в последние годы его правления, чему в немалой степени способствовали экономические реформы, осуществленные кабинетом во главе с Ахмедом Назифом» (Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Соблазненные революцией // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии, социологии и политики). 2014. № 2. С.23).

² Runciman W. G. *Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-century England*. Berkeley: University of California Press, 1966; Gurr T. R. *Why Men Rebel*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1970 и др.

ми молодежи. Появился запрос на *самореализацию*, гражданские свободы, на жизнь, как в развитых странах, но не имелось внятных представлений о том, как эта жизнь в тех самых странах была обеспечена (и как конкретно ее обеспечить в странах арабских). В итоге «Арабская весна» обернулась для ряда стран существенным замедлением развития, а то и катастрофой, отбросившей общество обратно в средневековье (гражданские войны в Ливии и Сирии). В 2016 г. экспертами ООН было подсчитано, что «Арабская весна» обошлась экономике региона в 614 млрд долларов (эквивалентно 6 % ВВП в период с 2011 по 2015 г.)¹.

И сегодня то, что происходит на момент написания данных строк в Беларуси (протесты против действующего президента А. Лукашенко), еще один пример очень рискованной *борьбы за свободу* (с очевидным прозападным, проевропейским настроем), которая, учитывая большую долю государства в экономике и экспортную ориентацию на Россию (а также сам дискурс лидеров оппозиции), может обернуться очередным неолиберальным «шоком».

***

Вышесказанное отнюдь не означает, что «материалистические» протестные повестки уходят в небытие. Как наглядно показала К. Врабликова, некорректно рассматривать протестные движения сквозь какую-то одну социологическую призму или теоретический подход. И уж тем более не стоит смешивать «материалистиче-

---

¹ Миклашевская А. «Арабская весна» обошлась в 614 млрд долл. ООН оценила ущерб от событий 2011 года для экономики региона / Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3141993> (дата обращения: 14.03.2021).

ские» и «постматериалистические» протесты: у них разные повестки и социальная база¹. «Материалистический» протест никуда не исчезает (см. пример Греции²). Скорее долгое «засилье» постматериалистов неизбежно приводит к чему-то вроде «столкновения повесток». Во многих ситуациях «материалистический» протест — ответ на действия постматериалистов. К примеру, Движение желтых жилетов во Франции — яркий пример противоречия между людьми, разделяющими постматериалистические ценности, и наиболее бедной и социально незащищенной частью населения. Как замечает П. Лиддиард, «демонстрации рабочего и среднего класса, “Желтые жилеты”, были символом напряженности между политикой экономики, такой как сведение ежемесечных бюджетных концов с концами, и новыми постматериалистическими ценностями, такими как долгосрочная защита окружающей среды»³. Однако стоит признать, что постматериалистические повестки сегодня преобладают даже в таких ситуациях, когда все по идее должно быть наоборот.

Когда в США началась пандемия COVID-19, приведшая к беспрецедентным за все время существования

¹ Vrábliková K. Privileged Post-materialists or Excluded Radicals? Different Pathways of Protest Participation in a Case-control Study. Paper presented at the Goethe-Universität Frankfurt am Main, May 26 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vrablikova.info/pdf/vrablikova-privileged-postmaterialists-or-excluded-radicals.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).

² Rüdiger W., Karyotis G. Who Protests in Greece? Mass Opposition to Austerity // *British Journal of Political Science*. 2014. No. 3. Pp. 487–513.

³ Liddiard P. The Trouble with Political Parties and the Rise of the Yellow Vests / Wilson Center. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-trouble-political-parties-and-the-rise-the-yellow-vests> (дата обращения: 14.03.2021). См. также: Бурмо Д., Лапина Н. Ю. Движение «Желтых жилетов»: взгляд из России и Франции // *Россия и современный мир*. 2019. № 3. С. 41.

страны негативным социально-экономическими последствиями, мало кто ожидал, что социальный взрыв произойдет вовсе не со стороны безработных, бедных или рабочих. Массовые выступления под лозунгами «Black Lives Matter» (BLM) начались после убийства белыми полицейскими при задержании чернокожего Дж. Флойда в Миннеаполисе. И, как уже отмечалось выше, не похоже, чтобы эти многочисленные протесты, охватившие всю страну, были бы по-настоящему «левыми». Преобладает леволиберальный дискурс об уважении прав различного рода меньшинств, а также притесняемых по расовому признаку. Если ночью мародеры громили дорогие районы американских городов (например, Сохо на Манхэттене), то днем улицы наполняли преимущественно белокожие молодые люди, придерживающиеся «прогрессивных» взглядов. Фактически расовая тематика вытеснила социальную, а политическая поверхность закрыла социально-экономическую глубину: вместо того чтобы пытаться докопаться до глубинных причин «маргинального» социального положения чернокожего населения в США (сама капиталистическая система, не нацеленная на всестороннее развитие и социализацию всех и всюду), производятся попытки «исправить» сознание людей.

Такая ситуация необъяснима¹, если по-прежнему пытаться рассматривать протест с помощью концепта

---

¹ Конечно, она традиционно легко объясняется рядом марксистов и левых в терминах невежества масс и предательства интеллектуалов, которые пошли в хвосте либералов и буржуа с выдвигением безошибочного для всех времен и народов рецепта: нужно заниматься массовым революционным воспитанием, просвещением и т. п. Такие «отговорки», учитывая, что история левой политической мысли превращается в историю «массовых захоронений» революционных субъектов, уже выглядят довольно абстрактными и беспредметными.

классовой борьбы (в классическом марксистском понимании как борьбы рабочего класса и буржуазии). Но все меняется, если признать, что за капитализмом следует новая антагонистическая общественная формация, а новым господствующим слоем становится персоналит. Люди, определяющие себя скорее в «личностных», нежели привычных классовых, категориях, не просто придерживаются специфических постматериалистических ценностей. Как уже было отмечено выше, социальную революцию личности характеризует то, что сама личность становится тем, что производится: источником удовольствий, удовлетворенности от жизни, но главное — *ресурсом (вернее, инструментом) влияния*. Социальная революция личности — это технологически обусловленное расширение *личностного*.

NB! Отмечу, что страта постматериалистов и персоналит не есть одно и то же. Персоналитат — это прослойка элиты, чей основной ресурс — это популярность. Не все постматериалисты являются персоналитом, как и не все представители персоналитата разделяют исключительно постматериалистические ценности. Скорее эти прослойки объединяет «личностный индивидуализм» большинства их представителей и специфический, условно говоря, «пост-классовый» взгляд на мир (выходящий за рамки борьбы рабочего класса и буржуазии).

Многочисленные знаменитости и публичные персоны, лидеры мнений в социальных медиа, представители интеллектуальных элит, яркие представители локальных и городских сообществ, которым куда

«ближе по духу» именно постматериалистическая ценностная матрица, являются своеобразными коммуникативными «агрегаторами», способными быстро сфокусировать протестные настроения, а то и вовсе самостоятельно спровоцировать протестную «волну».

Так, перед протестами в защиту сквера Театра драмы в Екатеринбурге в мае 2019 г. наблюдалась бурная активность городского креативного класса, интеллигенции и богемы в социальных медиа. У местных гражданских активистов, культурных элит, интеллигенции и известных в своих — и не только — кругах представителей богемной «тусовки» есть то, чего не имеют пенсионеры или рабочие: активная вовлеченность в социальные медиа, относительно большое количество подписчиков, способность провоцировать медийный «снежный ком», а главное — умение много и грамотно писать или говорить, формируя соответствующие ценности или побуждая к действию.

События в США оказались во многом схожими: по мере разворачивания протестных акций отмечалась беспрецедентная волна политизаций социально-медийных инфлюенсеров. Всевозможные медийные персоны и блогеры, ранее не имевшие к политике совершенно никакого отношения, внезапно стали высказываться в поддержку ВЛМ и призывать к активным протестным действиям¹. Звезды шоу-бизнеса, в свою очередь, активно предоставляли гражданским активистам ВЛМ аккаунты от своих социальных сетей, чтобы

---

¹ Greenspan R. E., Tenbarger K. BLM Protests Have Flipped the Script for Influencers Used to Walking the Line Between Losing Followers and Political Expression. Now, Creators say the Landscape has Shifted / Insider. URL: <https://www.insider.com/blm-george-floyd-protests-influencers-political-meghan-rienks-swoozie-fousey-2020-6> (дата обращения: 14.03.2021).

«дать высказаться от своего имени» и «привлечь внимание к действительно важным вопросам»¹. Между некоторой частью социальных «низов» и медийными элитами, *выдающимися и яркими личностями*, которые еще недавно демонстрировали в Instagram свою богатую индивидуальность и роскошную жизнь, моментально возникло «единение» по поводу классово нейтральной категории расы. Так *личность затмила класс* и еще сильнее приблизила ведущую буржуазную державу к неизбежному протестному бумерангу, который с большой вероятностью вернется, но уже с более «материалистическими» (если не сказать *материальными*) запросами.

***

Парадоксы современных протестных движений все чаще ставят в тупик исследователей или общественных деятелей, придерживающихся левых политических взглядов и не разорвавших интеллектуальных связей со старыми представлениями о коммунизме. Если продолжать смотреть на современный протест сквозь такую теоретическую линзу, то обнадеживающего действительно мало. Однако очень многое указывает на то, что эта линза сильно искажает реальность. Как было показано выше, больше соответствует действительности представление о том, что мы движемся к новой антагонистической общественной формации, а противоречия современных протестных движений — лишь наглядная демонстрация данного процесса. Если копнуть еще глубже, то станут видны внутренние шесте-

¹ Stewart E., Ghaffary S. It's Not Just Your Feed. Political Content has Taken Over Instagram. How Black Lives Matter Finally Pushed Instagram into Politics / Vox. URL: <https://www.vox.com/recode/2020/6/24/21300631/instagram-black-lives-matter-politics-blackout-tuesday> (дата обращения: 14.03.2021).

ренки этих трансформаций: развитие медиатехнологий, экономики знаний и креатосферы во многом способствует расширению социальной прослойки *персоналиата*. Однако сопутствующая и взаимосвязанная тенденция — расширение прослойки *имперсоналиата*. Многие сегодня достигают творческих успехов, *реализуют свою личность*, но куда большее количество людей оказываются «лишними», ведь современная экономика — это экономика очень быстрой автоматизации и роботизации производства, вытесняющая не имеющих творческих дарований или способностей творческим образом «завоевывать» популярность на обочину жизни¹. В то время как многие креативные люди будут становиться универсальными лидерами мнений в социальных медиа (и это не только знаменитости и блогеры, но и успешные бизнесмены, ученые и т. п.), очень многие будут довольствоваться положением пассивных «слушателей». Это разделение общества на персоналиат и имперсоналиат, скорее всего, будет только усиливаться (и постепенно заслонять собой другой «разрыв» — между буржуазией и классом наемных работников). Поэтому будущее предстает вовсе не в розовом цвете: грядут тяжелые времена, когда социальная прослойка людей, обладающих весьма специфичным *личностным* взглядом на мир, стремящихся к свободе во всех ее формах и проявлениях, не терпящих никакой «стабильности» и «власти» над собой, будет все чаще сталкиваться с запросами «обычных людей», которые скорее бы предпочли отсутствие социальных потрясений смелым авантюрам самоуверенных *личностей*.

---

¹ Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина Диджитал, 2016.

Глава 2

Альтернативы для нашего будущего

У нас есть две альтернативы. Согласно первой «светлое будущее» уже рядом, мы якобы уже находимся в «посттрудовом» состоянии. Делать нечего, нужно как можно быстрее освобождать людей от общественно необходимого труда, дать всем возможность заниматься свободным творчеством, культивировать в каждом независимую *личность* и т. п. Это — тот путь, который наиболее близок персоналиату с его богемным этосом творческого индивидуализма и стремления к максимально допустимой свободе. Как я далее постараюсь показать, это может быть не самой лучшей перспективой посткапитализма. Вполне возможно, что она обманчива и таит в себе множество опасностей. Более того, общественно необходимый труд списывать со счетов пока рано. И всеобщей отчуждающей борьбе за самореализацию можно будет противопоставить куда более приземленные, но зато конкретные и полезные коллективные (во благо всего человечества) трудовые усилия, которые при этом не исключают творчество как таковое.

2.1. Классовое угнетение в «личностной» системе координат

Если до этого речь шла об, условно говоря, конфликте новых социальных страт (куда включаются как элиты в лице персоналиата, так и все борющиеся за самореализацию) с частью старых (например, американские реднеки), то сейчас я бы хотел обратить внимание, что настоящий классовый антагонизм между персоналиатом и имперсоналиатом (в котором, правда, пока еще участвуют «классы в себе») наблюдается уже не столько в плоскости материального производства, сколько в «личностной» системе координат.

«Проблема личности» была известна еще советским идеологам коммунизма. Но в те времена вряд ли можно было говорить, что борьба за известность и популярность станет в буквальном смысле всеобщей. В конце концов, можно допустить, что известные люди, выдающиеся деятели, популярные герои и т. п. составляют крошечную долю населения (к тому же они существовали на протяжении всей истории человеческой цивилизации), а потому обычные люди вряд ли бросятся в погоню за популярностью. Тогдашний технологический оптимизм предполагал, что в светлом коммунистическом будущем жизнь станет настолько интересной (можно сказать — захватывающей дух), что никому особо и не нужно будет находиться в центре общественного внимания, ведь покорение космоса, освоение неосвоенного, строительство грандиозных сооружений, дружное изменение мира к лучшему и т. п. куда лучше, чем нарциссическое самолюбование и стремление угождать капризным за-

просам публики. Сегодня все складывается в точности до наоборот. Развитие технологий социальных медиа способствует ускоряющемуся росту прослойки популярных личностей, в то время как ни о каком захватывающем дух покорении космоса никто даже и не говорит. Как верно заметили Н. Срничек и А. Уильямс, единственное, что сегодня активно развивается, это гаджеты для потребителей¹, которые и открывают невиданные возможности для производства личности. Таким образом, мы движемся к совершенно другому посткапитализму, в котором «освобождение от труда» ведет не к предполагавшемуся ранее всестороннему развитию личности как гармоничной части коллектива, дружно покоряющего «царство необходимости», а к повсеместной «звездной лихорадке», селебритизации, беспощадной борьбе за «обладание» популярной личностью (вернее, за признание, превращение личности в «бренд», в значимый ресурс и т. п.), за свою личную долю общественного внимания.

История еще не знала такого количества публичных персон, какое наблюдается сегодня. Социальные медиа дают в руки каждому немислимые ранее возможности конструирования и продвижения собственной личности. Это, однако, не означает, что популярные персоны избегают отчуждения. Знаменитость — это тот, чья жизнь определяется восприятием публики. Грубо говоря, сама личность (как образы и мнения о ней в социальном воображаемом) знаменитости всегда отчуждена от ее, опять же, личности (как конкретного человека). А. Лилти показал это на примере первых селебрити

---

¹ Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. № 2. С. 13.

(Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Мирабо, Дж. Г. Байрон, Ф. Лист, Ж. Линд и др.), которые появились в эпоху зарождающейся массовой культуры (во второй половине XVIII — первой половине XIX в.). «Индивид, — пишет Лиати, — ощущает свою уникальность в тот самый момент, когда растворяется среди публики. Таков парадоксальный принцип всей массовой культуры»¹. Уже в те времена популярность и признание были желанными для многих деятелей культуры, науки и искусства. Но ожесточенная «борьба за личность» (скажем, стремление любой ценой завоевать популярность) во многих случаях оборачивалась разочарованием, ведь популярный человек оказывается под пристальным вниманием публики, которая буквально его *преследует*. Навязчивое внимание публики — не единственное «бремя знаменитости». В мемуарах и письмах знаменитостей тех лет постоянно фигурируют жалобы на непонимание со стороны читателей или зрителей, а то и вовсе на злонамеренные толкования или искажения. Это ощущается как *потеря контроля*, ведь личность оказывается как *бы за пределами* конкретного индивида². Вся

---

¹ Лиати А. Публичные фигуры. Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. С. 19.

² О Ж.-Ж. Руссо: «В «Диалогах» в качестве одной из форм травли, которой его подвергают, представлен выход пиратских и подпольных изданий его трудов и даже таких его работ, где, несмотря на имя, украшающее обложку, ему не принадлежит ни строчки. Его собственные книги становятся неузнаваемыми. «Представляете ли вы, — пишет он, — до какой степени можно изуродовать и обезличить книгу? <...> Не в силах изничтожить мои труды, не довольствуясь их беспрестанным искажением своими злонамеренными толкованиями, они решили перейти к фальсификации, и этот план, поначалу казавшийся невыполнимым, был осуществлен при живом содействии публики» (Лиати А. Публичные фигуры. Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. С. 237).

жизнь публичных персон превращается в представление, в игру на эмоциях масс, но известность, согласно Лилти, не тождественна славе (как совокупности признаваемых обществом заслуг). Поэтому всеобщая любовь легко становится всеобщей ненавистью, а то и вообще безразличием или забвением. Но главное — это постоянная *конкурентная борьба*. Как отмечает Лилти, «мало того что публика капризна и критерии оценки у нее произвольны, сам статус знаменитого человека крайне неустойчив по причине неиссякаемого потока претендентов на него и ограниченного внимания публики»¹.

Все эти проблемы сохранились и сегодня². Правда, как уже было сказано, «борьба за личность» перестала быть сугубо «элитарной». На протяжении XX века медиaproстранство стремительно расширялось и наполнялось публичными фигурами: актерами, моделями, теле- и радиоведущими, популярными политиками и т. п. Постепенно популярность становилась все более доступной. Знаменитости перестали быть *только* людьми с какими-либо существенными заслугами. Средства массовой информации породили прослойку людей *известных своей известностью*³ (особенно ярко это проявилось, когда появились и стали популярными реалити-шоу). Но только развитие социальных медиа сделало возможной по-настоящему *массовую* борьбу за публичную самореализацию: каждый теперь участвует

¹ Лилти А. Публичные фигуры. Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. С. 158.

² Rockwell D., Giles D. Being a Celebrity: A Phenomenology of Fame // Journal of Phenomenological Psychology. 2009. № 2. Pp. 178–210.

³ Boorstin D. J. The Image: A Guide to Pseudo-Events in America. New York: Vintage, 1992.

в практиках самопрезентации, выкладывая информацию «о себе», делясь мыслями и подробностями жизни в социальных сетях вроде Facebook, Twitter и Вконтакте, публикуя фотографии в Instagram, выкладывая видео на YouTube или, скажем, в TikTok. Социальные медиа дали возможность реализовать «логику знаменитости» каждому. Согласно такой «логике», личность должна брендироваться посредством развития онлайн-персоны и выступать для аудитории (подписчиков или зрителей), а также активно поддерживаться и культивироваться. В такой аранжировке аудитория воспринимается как фанатская база¹.

Но в этих обстоятельствах проблемы, которые были актуальны исключительно для единичных селебрити в XVIII–XIX вв., теперь касаются очень многих. Более того, по всей видимости, жизнь у творческих, стремящихся к самореализации персон только усложняется. Сильнее всего страдают, разумеется, те, кто находится в самом низу новой иерархии. Здесь стоит обратиться к концепции *коммуникативного капитализма* Дж. Дин². Как она показала, Интернет и социальные медиа создают фиктивную свободу самовыражения: каждый теперь может высказываться, делиться результатами своего творчества. При этом коммуникация перестает быть средством целенаправленного донесения информации от одного субъекта к другому. Информация, циркулирующая в Интернете, превращается в бурный информационный *поток*. Возникают фантазии *об изобилии, об участии, о целостности*. Интернет представляется

---

¹ Marwick A., Boyd D. To See and Be Seen: Celebrity Practice on Twitter // Convergence. 2011. № 2. P. 140.

² Dean J. Democracy and Other Neoliberal Fantasies: Communicative Capitalism and Left Politics. Durham & London: Duke University Press, 2009.

как пространство, в котором наблюдается предельное многообразие точек зрения, люди максимально активны и вовлечены в общественную жизнь, а также чувствуют некоторое глобальное единство. Реальность же более сурова: изобилие оказывается одной большой информационной «помойкой», в которой голоса, тексты, символы и т. п. «заглушают» друг друга, не могут привлечь должного внимания; участие оказывается простым, но тщетным, ибо дискурс теряет фокус (а то и предметность); ни о какой целостности речи быть не может, так как онлайн-сообщества оказываются закрытыми, формирующими собственные коммуникативные практики, культуру и даже язык¹. В этих условиях люди, стремящиеся к творческой самореализации, фактически сталкиваются с крайне недружелюбной стихией *конкурентной борьбы за общественное внимание*.

Показательны процессы, которые происходят в музыкальной индустрии. Примечательны результаты масштабного исследования музыкантов, которое провели в Великобритании С. Э. Гросс и Дж. Масгрейв. Они опросили 2211 работников музыкальной индустрии (в основном сами музыканты) и обнаружили, что многие из них страдают теми или иными психическими расстройствами — от стресса и депрессии до шизофрении и биполярного расстройства. Если быть точнее, то 71,1 % респондентов подтвердили, что они испытывали панические атаки или сильный стресс, 68,5 % отметили, что хотя бы раз находились в затяжной депрессии. При этом аналогичные цифры по населению в целом были куда более скромными: только 18–19 % жителей Великобритании испытывали депрессию

---

¹ Ibid. P. 19–48.

и стресс недавно (эту разницу между «когда-либо» и «недавно» стоит учитывать, но все равно цифры показательны, ведь в первом случае речь шла именно о сильном стрессе и затяжной депрессии)¹. Эти данные подтверждали предыдущие исследования, которые также ассоциировали творчество и ментальные расстройства². Затем исследователи задались вопросом: каковы конкретные причины такой явной связи? Они продолжили исследование, но уже с помощью метода глубоких полуструктурированных интервью, пытаясь выяснить у двадцати восьми известных музыкальных деятелей причины их психического перенапряжения и стресса.

Как оказалось, одним из важных предикторов стресса выступал прекарный характер труда. Многие, особенно начинающие, музыканты не имели достаточно средств на собственный дом или жили с родителями. Доходы их являются крайне нестабильными: в одно время денег может быть в достатке, но все может радикально поменяться в любой момент. В этом можно справедливо обвинить неолиберальный капитализм. Но в одном ли капитализме проблема? Гросс и Мастрейв далее отмечают, что для музыкантов *нематериальная* (связанная с особыми эмоциональными состояниями, с творчеством и взаимодействием с аудиторией) ценность их труда (вернее, творческой деятельности) куда выше. Музыканты буквально *сливаются* со своим

---

¹ Gross S. A., Musgrave G. Can Music Make You Sick? Measuring the Price of Musical Ambition. London: University of Westminster Press, 2020. Pp. 33–34.

² Shorter G. W., O'Neill S. M., McElherron L. Changing Arts and Minds: A Survey of Health and Wellbeing in the Creative Sector, Republic of Ireland: Inspire/Ulster University [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inspirewellbeing.org/media/9236/changing-arts-and-minds-creative-industries-report.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).

творчеством, не могут представить себя без музыки. Но в подавляющем большинстве случаев они сталкиваются с беспощадным коммуникативным *потоком*. Интернет и социальные медиа упростили многое и освободили музыкантов от необходимости подчиняться музыкальным боссам. Но конкуренция в музыкальной сфере очень сильно обострилась. Музыкальной «продукции» выпускается столько, что большая часть всего произведенного попросту не находит свою аудиторию. Напротив, информационные потоки склонны сгущаться и порождать *суперзвезд*, которые притягивают к себе все внимание (см. ниже). Но и их статус не является прочным, ведь информационное течение ускоряется, а потому творческие личности вынуждены непрерывно творить, лишь бы быть услышанным, быть «в тренде». Конкуренция становится беспощадной, а коллеги по цеху воспринимаются как *экзистенциальные враги*. Гросс и Масгрейв пишут: «...если вы не продолжаете выпускать музыку, откуда вы знаете, что существуете? Вам нужно отыграть этот концерт, потому что, если вы этого не сделаете, это сделает кто-то другой. Вам необходимо появиться в этом радиошоу, потому что, если вы этого не сделаете, это сделает кто-то другой. Вам нужно, чтобы ваша песня

В итоге массы музыкантов испытывают *небывалое отчуждение*: они вкладывают душу в свое дело, буквально отдают всех себя музыке в надежде на отклик, но его или нет, или он оказывается *негативным*. Вокруг имеются такие же музыканты, которые готовы отдать все, лишь бы потеснить остальных и оказаться в центре общественного внимания. Если раньше в карикатурах изображали страдающих и измученных крестьян или рабочих, по сторбленным спинам которых топтались наслаждающиеся жизнью эксплуататорские классы, то сегодня в роли измученных и отчужденных — многочисленные творческие люди, которые еще не «обладают» популярностью (часть имперсоналиата), но все же по-своему эксплуатируются¹, ведь параллельно поддерживают культуру селебрити, невольно направляют информационный поток в сторону «избранных» (любя кумиров, слушая хиты, делясь мнениями о популярных книгах и т. п.), выступают *фоном* для наиболее ярких (а любая личность непредставима без этого фона), а также подпитывают миф о меритократии (верят, что рано или поздно каждый из них сможет вытянуть «счастливый билет»).

---

¹ Здесь возникает вопрос: как можно вести речь об эксплуатации со стороны персоналиата, если знаменитости в силу своей *популярности* должны по идее выражать интересы народных масс? Однако факт эксплуатации во все времена затушевывался идеологией господствующего класса, мифом о совпадении интересов противоборствующих классов. Кроме того, здесь имеет место быть одна из форм отчуждения: эксплуатируемые невольно поддерживают тех, кто их непосредственно не эксплуатирует, но является частью объективно враждебной им системы (а это уже нужно постараться осознать). В буржуазном обществе, скажем, факт эксплуатации не мешал правящему классу создавать иллюзию демократии: представители рабочего класса добровольно отдавали голоса за своих же угнетателей.

Возникает закономерный вопрос: является ли именно капитализм причиной этого? Да, владельцы социальных медиа заинтересованы в информационном потоке, ведь в него всегда можно встроить рекламу, а многие творческие люди фактически превращаются в бесплатных работников, производящих контент. Но все же речь должна идти скорее о своеобразном «сжатии капитализма». Там, где раньше были звукозаписывающие корпорации, дистрибьюторы, студии и т. п., сегодня все чаще оказываются *личности*, предоставленные сами себе. Немногочисленные владельцы социальных медиа присваивают себе богатства, но только за счет уничтожения целых отраслей капиталистической экономики. Более того, как было отмечено выше, творческая конкуренция ведется не столько за деньги, сколько за нематериальные блага, даруемые самореализацией. Наконец, конкурентная борьба ожесточается именно по мере сжатия «общества труда»¹, по мере перехода людей из сферы наемного труда в сферу *свободного творчества*. Таким образом, мы имеем дело уже не с коммуникативным капитализмом, а с коммуникативным *посткапитализмом*.

О том, что проблема не в одном капитализме, свидетельствует еще один факт. *Сама сетевая структура современного коммуникативного пространства способствует возвышению небольшой прослойки «суперзвезд»*. Сеть, в которой акторы сами решают, с кем вступать в контакт, способствует крайнему неравенству: люди склонны выбирать то, что уже и так нравится другим, а это благоприят-

---

¹ Фишман Л. Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии, социологии и политики). 2016. № 3. С. 116–129.

ствуется постепенной сверхконцентрации внимания¹. «Популярная книга, ресторан или интернет-сайт, — пишет Д. Дин, — имеют примерно в два раза больше соединений/ссылок, чем стоящие на втором месте в списке популярности; второе место собирает в два раза больше “линков”, чем третье, в то время как различия между позициями, находящимися в конце пищевой цепи, в конце графика распределения, несущественны. <...> У наиболее популярных людей в твиттере более 100 миллионов подписчиков, у тех, кто находится на девятом или десятом месте, около 50 миллионов, а у рядовых пользователей — около 200 подписчиков»². Если взять коэффициент Джини и заменить показатели неравенства в распределении материальных благ на показатели, отражающие распределение внимания (подписчики, просмотры, цитирования и т. п.), получим то, что сегодня называют коэффициентом Кардашьян (в честь соответствующей «знаменитости знаменитой своей знаменитостью»). Этот коэффициент в 2016 году уже был измерен для социальной сети Twitter: 0,9412 для распределения количества подписчиков, 0,9133 для распределения количества упоминаний и 0,9034 для распределения количества ретвитов³. Данные показатели отражают сильнейшее неравенство. Для сравнения — имущественный индекс Джини по миру в целом

---

¹ Barabási A.-L. *Linked: How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means for Business, Science, and Everyday Life*. New York: Basic Books, 2014.

² Дин Д. Коммунизм или неофеодализм? // *Логос*. 2019. No. 6. С. 105.

³ Zhu L., Lerman K. *Attention Inequality in Social Media / Computer Science*. URL: <https://arxiv.org/pdf/1601.07200.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).

в 2005 году по разным подсчетам составлял 0,61–0,68 (чем он меньше единицы и ближе к нулю, тем лучше — выше уровень равенства и т. п.). Данная ситуация характеризует образ возможного будущего, в котором, учитывая вышесказанное, счастливы далеко не все, а очень многие глубоко несчастливы.

То, что сказано о музыке, актуально и для других творческих профессий. Так, блогеры разных мастей сталкиваются с растущей конкуренцией и неравенством. Ситуацию осложняет то, что слава превращается в *наркотик*. Как отмечает Д. Роквелл, клинический психолог, специализирующийся на психическом здоровье знаменитостей, «когда человек становится известным, ему уделяется столько внимания, что с неврологической точки зрения он забывает, как отключиться — другими словами, как проявить уместное и здоровое сочувствие к другим людям»¹. Многие дети-знаменитости (которых стало особенно много благодаря таким платформам, как TikTok) обращаются к наркотикам и алкоголю, чтобы чем-то заменить удовольствие от славы. «Когда вы нравитесь людям, — говорит медиapsихолог П. Рутледж, — вы получаете физиологическое вознаграждение. Это запускает вашу систему вознаграждения. И поэтому если вы теряете это, то начинаете искать другие средства, чтобы вызвать нечто подобное»². Но в мире социальных медиа «потерять внимание» очень легко, так как

---

¹ Greenspan R. E. TikTok is breeding a new batch of child stars. Psychologists say what comes next won't be pretty / Insider. URL: <https://www.insider.com/psychologists-say-social-media-fame-may-harm-child-star-influencers-2020-5> (дата обращения: 14.03.2021).

² Ibid.

известным личностям постоянно приходится соревноваться друг с другом и алгоритмами новостной ленты, чтобы поддерживать *заметность*. Всегда существует риск, что появятся новые личности, которые перетянут «одеяло внимания» на себя. К тому же ускоренными темпами меняются популярные форматы, жанры, а также сами медийные платформы. «Знаменитые подростки в TikTok, — отмечает Р. Дженнингс, — <...> слишком хорошо понимают, что их известность может уйти в любой момент. Что остается невысказанным, так это то, что всегда есть кто-то, кто смешнее, красивее или симпатичнее, кто работает усерднее, и что вскоре их собственное лицо может все меньше появляться на экранах незнакомцев. <...> Что, если наступит время, когда все немного известны, но при этом никто не известен?»¹

Важно еще раз подчеркнуть, что тернии производства личности — это не то, что касается исключительно *знаменитостей*. Как уже отмечалось, теперь каждый перенимает социальные практики знаменитостей: делится информацией о себе, выкладывает подробности своей частной жизни, высказывается по каким-то актуальным вопросам и т. п. Лайки, репосты и комментарии — это новая «валюта» в мире самореализации. При этом неважно, знаменит ли конкретный человек. Критерием успеха может служить и популярность в рамках небольшого сообщества друзей и знакомых. Сегодня счастье все чаще измеряется количеством лайков к публикациям в Facebook, Вконтакте, Instagram

---

¹ Jennings R. The not-so-secret life of a TikTok-famous teen / Vox. URL: <https://www.vox.com/the-goods/2019/10/2/20891915/tiktok-famous-teenagers-haley-sharpe-yodeling-karen> (дата обращения: 14.03.2021).

или TikTok. Это делает «успех» и популярность наглядными и точно измеримыми. Но как в этой ситуации чувствуют себя непопулярные личности?

Как это обычно бывает, чувства нужды и недостатка не избежать там, где новые *потребности* должным образом не удовлетворяются. Как отмечается в одном из недавних исследований (эксперимент, в котором имитировалось взаимодействие в социальных сетях), недостаток лайков приводит к эмоциональному стрессу у подростков¹. Сегодня мы также знаем, что количество лайков под постами в соцсетях увеличивает привлекательность того или иного человека, позволяя закрывать глаза на недостатки внешности или поведения². А исследование с помощью МРТ продемонстрировало, что просмотр фотографий в Instagram с большим количеством лайков был связан с активностью в нейронных областях, участвующих в «обработке» вознаграждения, социальном познании, имитации и внимании³. Но социальные медиа имеют еще одну особенность: они позволяют высвечивать лишь положительные стороны жизни. «Новостные ленты» превращаются (за редкими исключениями) в поток ярких и позитивных образов, изображений счастливых лиц и красивых мест, демонстраций успехов и достижений. При этом все пораже-

---

¹ Lee H. Y. et al. Getting Fewer “Likes” Than Others on Social Media Elicits Emotional Distress Among Victimized Adolescents // Child Development. № 6. 2020. Pp. 1–19.

² Bradley S. W. et al. Experimental Evidence of Observed Social Media Status Cues on Perceived Likability // Psychology of Popular Media Culture. 2017. № 1. Pp. 41–51.

³ Sherman L. E. et al. The Power of the Like in Adolescence Effects of Peer Influence on Neural and Behavioral Responses to Social Media // Psychological Science. 2016. № 7. Pp. 1027–1035.

ния, неудачи, разочарования и т. п. оказываются скрытыми. Все это ведет к тому, что представители поколения «Z» (люди, родившиеся с 1995 по 2010 год) испытывают стресс и все чаще страдают депрессией (как справиться с собственными неудачами, если вокруг у всех все хорошо?). Дж. Твенге в книге «iGen» отмечает, что все больше и больше подростков сегодня заявляют, что им не нравится жизнь. За последние годы уровень депрессии резко возрос, и эта тенденция проявляется среди чернокожих, белых и латиноамериканцев во всех регионах США, среди всех социально-экономических слоев, а также в небольших городах, пригородах и мегаполисах. Несмотря на то что социальные сети сильно упростили коммуникацию, молодые люди все чаще чувствуют себя одинокими. И проблема не (только?) в социально-экономических последствиях «Великой рецессии». Как убедительно показывает Твенге, куда более значимы корреляции между стрессом, одиночеством, депрессией, с одной стороны, а с другой — «погруженностью» в социальные сети. «Социальные сети могут сыграть определенную роль в возникновении этого чувства неполноценности: многие люди публикуют в Интернете только свои успехи, поэтому многие подростки не осознают, что их друзья тоже терпят неудачи. Профили в социальных сетях, которые они видят, заставляют их чувствовать себя неудачниками. Если они будут проводить больше времени со своими друзьями лично, они могут понять, что не только они делают ошибки»¹.

---

¹ Twenge J. M. *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us*. New York, Atria Books. P. 136.

Таким образом, можно говорить, что личность становится важнейшим благом, которое «производится». Сегодня перед каждым открываются невиданные возможности творческой самореализации, обретения популярности. Эта самореализация (как свободная творческая активность, самовыражение) и популярность для многих уже важнее, чем материальные блага, заработанные или присвоенные в условиях рыночной экономики (путем наемного труда или предпринимательской деятельности). Но что, если мы идем к миру *еще большего отчуждения*? Является ли ожесточенная «борьба за личность», обрекающая большую часть населения на статус «творческих неудачников», лучшей посткапиталистической перспективой из возможных? Быть может, труд и материальное производство слишком рано выбросили на свалку истории? *Быть может, творчество — это не только погоня за популярностью?*

2.2. Посттрудовая (анти-)утопия?

Каковы альтернативы существующему порядку вещей? Способны ли современные левые осознать проблемы зарождающихся посткапиталистических отношений? Учитывая, что сами модные интеллектуалы, считающие себя левыми, являются при этом, как правило, представителями персоналаита, есть основания сомневаться в этом. Современные трендовые дискурсы о посткапитализме, словно под копирку, обращаются к одним и тем же концептам: безусловный доход, закат «общества труда», «нереформистские реформы» и т. п. Я не буду разбирать их все. Есть

смысл выделить наиболее сильную концепцию, которая вобрала в себя многие интеллектуальные новации последних лет. Наверное, вряд ли будет преувеличением сказать, что теоретические поиски двух исследователей, Ника Срничека и Алекса Уильямса, находятся на «переднем крае» дискурса о посткапитализме. Далее я попытаюсь кратко изложить суть концепции Н. Срничека и А. Уильямса, их взгляды на перспективы посткапиталистического общества. При этом я попытаюсь оспорить некоторые ключевые их тезисы — о стратегиях выстраивания «левой контргегемонии» и «посттрудо­вой» перспективе «полной автоматизации». Их взгляд на мир близок этосу персоналиата. Но возможна и совсем другая перспектива.

***

Как я уже отметил, концепцию Н. Срничека и А. Уильямса вряд ли можно назвать сверхоригинальной. Их дискурс аккумулирует большую часть модных левых идей, будь то идея скорого наступления всеобщей автоматизации производства и мира «без труда», или же идеи безусловного базового дохода, открытых границ и т. п. Поэтому при ознакомлении с их трудами неизбежно возникает ощущение дежавю: все это уже изложено, скажем, в работах П. Мейсона¹, Ф. Ван Парайса, Я. Вандерборхта² Р. Брегмана³ и многих других.

---

¹ Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016.

² Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

³ Брегман Р. Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018.

Общая логика такова. Основное противоречие современного общества заключается в росте темпов автоматизации производства. Попутно в контексте неолиберального экономического климата капиталисты, испытывающие все больше проблем с извлечением прибавочной стоимости, стремятся к обеспечению себя все более дешевой и мобильной рабочей силой. Нередко это делается с помощью аутсорсинга и «намеренной» прекаризации труда, когда большая часть рабочей силы вынужденно переходит в разряд временных работников, в категорию «фрилансеры» (хотя отметим, что не все фрилансеры «вынужденные»). Рабочая сила одновременно дешевеет и становится все менее обременительной для работодателей, ведь мобильный прекариат не претендует на различные социальные гарантии и т. п. Все это вместе с рядом сопутствующих факторов (финансиализация экономики, ситуация, когда все чаще «победитель получает все»¹, и т. п.) приводит к росту социальной прослойки «лишних людей». Обладающий все меньшей долей совокупного «общественного пирога» «средний класс» перестает богатеть, а то и вовсе в относительном выражении беднеет. Для поддержания относительного достатка люди вынуждены работать больше, чем раньше (скажем, в 1950–1960-е годы) или брать больше кредитов, однако их работа все чаще становится «низкопробной», «мусорной» (bullshitjobs). Как отмечает Р. Фрэнк, сильно возросло количество часов, которое человек со средней зарплатой должен отработать, чтобы арендовать дом в школьном округе среднего уровня (так называемый «индекс труда»).

---

¹ См.: Фрэнк Р. Успех и удача. Фактор везения и миф меритократии. М: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Фрэнк пишет: «Начиная с 1970-х годов неравенство в доходах резко возросло, и с тех пор параллельно ему увеличивается индекс труда. В последние десять лет он составляет около ста часов в месяц, по сравнению со всего лишь сорока двумя часами в 1970 г. Средняя часовая зарплата американского работника в реальном выражении сегодня ниже, чем была в 1980-е годы»¹.

Однако сегодня появляются инструменты по радикальному исправлению ситуации. Перспектива всеобщей автоматизации и роботизации производства может рано или поздно привести к всеобщему избавлению от нужды в «базовых» материальных благах. Необходимо перераспределить богатство от 1 % безмерно богатых к остальным 99 %. Однако старые кейнсианские методы уже не удовлетворяют представителей нового левого интеллектуального мейнстрима. Настоящая посткапиталистическая альтернатива должна заключаться в стремлении к *избавлению от труда*: в сокращении рабочей недели (вернее, поначалу в разделении рабочего времени на всех), в выплате всем безусловного дохода, в стремлении к равному распределению технологически обусловленного богатства и т. д. В принципе, все эти сюжеты становятся узнаваемыми, и отдельно их освещать здесь нет смысла.

Тем не менее концепцию Н. Срничека и А. Уильямса отличает акцентированная критика анархо-локалистской тенденции в левой политической теории и практике последних десятилетий. Под анархо-локалистской тенденцией я понимаю своеобразную ориентацию на локальное, сетевое, малое в политической практике левых и их представлениях о возможном

---

¹ Там же. С. 156–157.

будущем и, соответственно, неприязнь всего централизованного и масштабного¹. Правда, Срничек и Уильямс используют другой, не совсем удачный, на мой взгляд, термин «народная политика». Они ее характеризуют следующим образом: «В противоположность абстрактности и бесчеловечности капитализма, народная политика стремится свети политику к “человеческому масштабу”, подчеркивая ее временную, пространственную и концептуальную непосредственность. По своей сути народная политика интуитивно руководствуется тем, что непосредственность всегда лучше и часто более аутентична, и, как следствие, с глубоким подозрением относится к абстракции и посредничеству. Во временном аспекте современная народная политика обычно остается реактивной (отвечает на действия корпораций и правительства, вместо того чтобы инициировать их самой); игнорирует долгосрочные стратегические цели, предпочитая тактику (выбирает один вопрос и мобилизуется вокруг него или делает акцент на процессе достижения цели); предпочитает практики, которые часто по природе своей скоротечны (захваты территорий и временные автономные зоны); делает выбор в пользу узнаваемого прошлого вместо неизвестного будущего (например, часто грезит о возвращении к “хорошему” кейнсианскому капитализму); отдает предпочтение волюнтаристскому и спонтанному перед институциональным (что выражается в романтизации беспорядков и повстанчества)»².

---

¹ Давыдов Д. А. Анархо-локализм и кризис левой политической мысли // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. Т. 93. № 2. С. 66–84.

² Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. С. 22.

Речь, в сущности, идет о двух сильно сказавшихся на специфике левого движения феноменах. Во-первых, это разочарование в иерархических и бюрократических структурах, а потому недоверие к государству и «авангардным» партиям. Во-вторых, это своеобразный «упадок» рабочего класса в результате «постиндустриального» поворота, неолиберальной гегемонии (упадок профсоюзов, перевод производства за границу, аутсорсинг рабочей силы и т. п.), с одной стороны, а с другой — в «сокращении» индустриального рабочего класса, в его частичном «деклассировании» или же «классовой диверсификации» (распаде на различные «подклассы»). В итоге централистская перспектива постепенно заменялась на горизонталистско-локалистскую, а политическая повестка по политическому устройству общества («диктатура» рабочего класса и т. п.) заменялась на стратегии противостояния «буржуазной культуре» (феминизм, движения за права черных, представителей ЛГБТК+ сообщества и т. п.). К категории «народная политика» Срничек и Уильямс относят как «новых левых», так и локалистские движения за местную еду, местную экономику (в противовес всевластным корпорациям), различные объединения автономов, сквоттеров, а также «сетевые» протестные движения вроде антиглобализма или акций «Захвати Уолл-стрит» и т. п. Все эти политические явления объединяет «ситуативность» (протест против чего-то) и «локальность» (попытка создать некую «параллельную» капиталистической мир-системе реальность, «изменить мир, не беря власть» и т. п.).

Все эти движения и активность, согласно Срничку и Уильямсу, не могут ничего противопоставить гегемо-

нии неолиберального капитализма, так как несоразмерны этой гегемонии. Нередко локалистские идеи оказываются попросту провальными, так как призывают к тому, что противоречит реальности. К примеру, этико-консюмеристские призывы локалистов перенести вклады в небольшие банки (так как крупные банки виновны в кризисе и т. п.)¹. Не «помогают» и тактики построения «коммун» или «народных предприятий». Эти локальные очаги некапиталистической реальности в принципе не способны подорвать основы буржуазной системы и сами вынужденно действуют в ее «логике»². «Народная политика», таким образом, пытается апеллировать к местному и конкретному (забастовки, акции и т. п.), в то время как капиталистическая система

---

¹ Н. Срничек и А. Уильямс пишут: «Деньги циркулируют в глобальном режиме и непосредственно связаны со всеми прочими рынками. Как только у небольшого банка или кредитного кооператива оказывается больше вкладов, чем он может инвестировать в своей местности, он немедленно стремится инвестировать внутри большой финансовой системы. Если изучить отчеты небольших банков в США, выясняется, что они участвуют в тех же глобальных финансовых рынках, что и все прочие, — инвестируют в казначейские обязательства, ипотеку или корпоративные бумаги, а при кредитовании зачастую практикуют те же социально разрушительные системы, что и крупные банки» (Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. С. 68).

² «Типичный пример — испанский город Мариналеда. За три десятилетия это небольшое сообщество (2700 человек) выстроило «коммунистическую утопию», которая экспроприировала землю, построила собственное жилье и кооперативы, сохраняет низкие цены и обеспечивает всех работой. Но границы такого подхода по преобразованию капитализма обнаруживаются довольно быстро: стройматериалы предоставлены региональным правительством, сельскохозяйственные субсидии поступают от ЕС, рабочие места сохраняются благодаря отказу от трудосберегающих технологий, доход идет от продажи товаров на внешних капиталистических рынках, а предприятия зависят от капиталистического соревнования и глобальных финансовых кризисов» (Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. С. 74).

повсеместна, глобальна и «абстрактна». Н. Срничек и А. Уильямс полагают, что капиталистической гегемонии можно противопоставить только *посткапиталистическую контргегемонию*. Это означает, что капитализму как системе можно противопоставить только *системный* проект, то есть проект, предполагающий всеохватные общемировые изменения. В этом заключается весь эмоциональный окрас их «Манифеста акселерационизма». Необходимо стремиться вернуть время глобальных универсалистских проектов, нацеленных на прорывное развитие, всестороннюю трансформацию общества, всеобщее ускорение (акселерацию) развития. Капитализм же сегодня — это одно сплошное препятствие на пути научно-технического и культурного прогресса. «Капитализм, — пишут Срничек и Уильямс в “Манифесте”, — начал сдерживать развитие производственных сил технологии либо в лучшем случае направлять их на решение сугубо узких задач. Патентные войны, монополизация идей — все эти современные феномены указывают на то, что капитал стремится покончить с конкуренцией, а также на то, что капиталу все в большей степени свойствен ретроградный подход к технологии. Достижения неолиберализма, связанные с ускорением, не привели к сокращению рабочего времени или уменьшению стресса»¹.

***

Но как выстроить левую *контргегемонию*? Здесь Срничек и Уильямс предлагают посмотреть на процесс становления неолиберальной *гегемонии*. Мировое господ-

---

¹ Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. № 2. С. 13.

ство неолиберализма было обусловлено очень долгой «подготовительной работой» по превращению неолиберальных идей в «новый здравый смысл». Поначалу неолиберализм являлся маргинальной теорией. Кейнсианский идеологический консенсус между правыми и левыми считался устойчивым и многообещающим. В ситуации, когда одна половина мира была «социалистической», а вторая — «не совсем капиталистической» (кейнсианский «коллективистский» капитализм), мало кто мог допустить, что неолиберализм станет доминирующей экономической парадигмой. Термин «неолиберализм» в первый раз прозвучал на встрече либеральных интеллектуалов, организованной в Париже в августе 1938 года и собравшей европейских экономистов, враждебных всем формам вмешательства государства в экономическую жизнь. Встреча получила название «Коллоквиум Уолтера Липпмана». Затем формируется общество «Мон-Пелерин» (1947), участники которого сознательно ставили цель мирового распространения неолиберальных идей. Это происходило через широкую сеть аналитических центров: «...члены общества проникали в политические круги США, сперва через аналитические центры вроде Американского института проблем предпринимательства, а затем стали занимать более формальные должности, как в случае Милтона Фридмана, который был экономическим советником Барри Голдуотера во время его президентской кампании»¹. Основная задача всех этих центров была довольно проста — «незаметно сдвинуть параметры дискурса». Аналитические центры внедря-

---

¹ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. С. 86.

ли неолиберальные воззрения, «просвещая и социализируя перспективных членов политических партий»¹. Но помимо аналитических центров для построения доминирующего дискурса использовался широкий арсенал других механизмов: «...работая на продвижение чикагской версии неолиберализма как доминирующей альтернативы, Милтон Фридман писал пространные колонки в газетах и в беспрецедентных для ученого масштабах использовал жанр телеинтервью. Представители бизнеса финансировали проекты по освещению его работы в популярных телешоу, штурмуя территорию медиа»². Неолиберализм наращивал свое «дискурсивное присутствие» до тех пор, пока кризис 1970-х гг. не дал возможность этому «присутствию» вылиться в полномасштабный «захват» и гегемонию. При этом, как отмечают Срничек и Уильямс, неолиберализм не давал единственно возможное решение «стагфляционной» проблемы. Скорее он давал *далеко не самое удачное* решение³.

Что означает «урок неолиберализма» для левых? По мысли Срничека и Уильямса, левым необходимо

---

¹ Там же. С. 89.

² Там же. С. 90.

³ Как они пишут, «неолиберальный нарратив кризиса принижает роль банковской дерегуляции, проведенной канцлером казначейства Великобритании Энтони Барбером в начале 1970-х и падение Бреттон-Вудской системы. Эти дерегуляции вызвали резкий подъем монетарной базы и последующую волну ценовой инфляции, а затем и инфляцию заработной платы. Иными словами, возможен был и другой нарратив, в котором проблема заключалась не в сильных профсоюзах, а скорее в дерегуляции финансов. То, что неолиберальная история восторжествовала, произошло не в малой степени из-за успеха идеологической инфраструктуры, выстроенной за десятилетия приверженцами неолиберальных идей» (Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. С. 92).

тоже выстраивать «дискурсивную гегемонию». Необходимо «сформулировать» новую, посткапиталистическую версию здравого смысла. При этом устремления левых должны быть нацелены на *комплексное преобразование общества во всемирном масштабе* («Мы заявляем, что лишь политика Прометея — политика, стремящаяся к максимальной власти над обществом и природой, — способна решить глобальные проблемы и достичь в итоге победы над капиталом»¹). Но что конкретно можно противопоставить мировому капитализму? У Н. Срничека и А. Уильямса есть свои предложения на этот счет, но они оказываются при этом неоднозначными.

***

Прежде всего, по Срничеку и Уильямсу, необходимо бороться за базовые блага, которые обеспечивали бы рост «позитивных» свобод каждого. «Один из начальных шагов в разрешении этой проблемы, — пишут исследователи, — классическая социал-демократическая цель предоставления общественных благ, таких как здравоохранение, жилье, уход за детьми, образование, транспорт и доступ к Интернету»². Однако классические рецепты «всеобщего трудоустройства» их не устраивают. Как и все представители нового левого интеллектуального мейнстрима, они обращаются к дискурсу об ускоряющихся темпах автоматизации

---

¹ Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. № 2. С. 18.

² Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. С. 117.

труда, а потому лучшее будущее для них — это будущее, в котором реализована *полная свобода от необходимости трудиться, полная автоматизация*. По всей видимости, здесь речь также идет о стремлении как можно скорее развести в разные стороны *труд* и *творчество* (см. раздел I). Даже если трудовая деятельность неразрывно связана с творчеством (скажем, труд учителя), необходимо в любом случае стремиться к максимизации именно свободного творчества в ущерб трудовой дисциплине (автоматизировать труд учителей и сделать воспитание и образование делом максимально добровольным, свободным). Более того, левый акселерационистский проект должен быть нацелен не на увеличение количества рабочих мест, а на их *ликвидацию* путем автоматизации. Логика извлечения прибавочной стоимости должна смениться логикой освобождения от труда. Остающиеся рабочие места необходимо поделить между всеми, сократив среднюю рабочую неделю до минимума. Соответственно, каждому необходимо выплачивать безусловный доход (фиксированные регулярные пособия для всех без исключения). Срничек и Уильямс прямо пишут о том, что грядет эпоха «избыточного населения», а потому «так же как “Мон-Пелерин” предвосхитил кризис кейнсианства и подготовил решения по широкому спектру проблем, так и левое движение должно готовиться к предстоящему кризису труда и избытка населения»¹. Конечно, они не утверждают, что мир посттруда является царством праздности. Для них это мир свободы, в котором *«каждый волен сам определять свою жизнь»*.

---

¹ Там же. С. 126.

На страницах работ Срничек и Уильямса можно увидеть немало аргументов в пользу того, что «общество труда» переживает закономерный кризис. Люди не стали работать меньше, но их работа стала значительно хуже, гораздо менее стабильной (прекаризация) и в подавляющем большинстве случаев приносящей куда меньше дохода. Уровень безработицы в западных странах сегодня остается относительно высоким (по сравнению с кейнсианским периодом «бурного роста»), а темпы экономического роста (речь идет о США и Европе) по историческим меркам низкие. Не всегда те источники и оценки, на которые опираются Срничек и Уильямс, вызывают доверие (к примеру, довольно смелая оценка, предполагающая, что от 47 до 80 % текущих рабочих мест будет автоматизировано в ближайшие два десятилетия¹). Однако в целом «медленная, но верная» тенденция к «дестабилизации» рабочей силы ими отмечена верно.

Проблема заключается в том, что *Срничек и Уильямс описывают кризис «общества труда» в рамках неолиберальной капиталистической системы как кризис труда в целом*. Их исследовательская оптика словно отталкивается от статуса-кво, от того, что есть сейчас. Они смотрят на те человеческие усилия, которые сегодня прилагаются, чтобы поддерживать существование общества, и задаются вопросом: как это все можно минимизировать, как освободить людей от этих усилий? Для них словно не существует другой перспективы, есть только избыточная рабочая сила и труд, который нужно как можно быстрее отдать машинам и роботам, а параллельно макси-

---

¹ Там же. С. 129.

мизировать свободное время и досуг (пусть даже досуг как саморазвитие и т. п.). Однако на все это можно посмотреть с совершенно другого ракурса. Что, если общество переживает катастрофическую нехватку человеческих усилий, человеческого *труда*? Причем речь может идти о нехватке именно общественно необходимого труда (даже учитывая тенденцию к тому, что творчество постепенно становится преобладающим источником потребительных ценностей — к этому вопросу я еще вернусь ниже), не свободной деятельности добровольцев, а «дисциплинированного» труда (подчиняющегося определенным нормативам, дисциплине, вертикальной организации) во благо всего человечества.

***

Этическая позиция, с которой будут рассматриваться приводимые далее аргументы, заключается в том, что каждая человеческая жизнь является *бесценной* (со всеми «но», если речь не идет о неизлечимых маньяках-убийцах и т. п.). При этом дело не в том, что она не имеет цены или не имеет эквивалентов в мире материальных вещей. Она бесценна постольку, поскольку утрата каждой жизни — это утрата целого мира, целой Вселенной. Это означает, что для подлинно гуманистического дискурса не должно существовать никаких «трудовых эквивалентов» человеческой жизни. Если имеются свободные трудовые ресурсы, которые позволяют бороться за сохранение жизни (отмечу — «жизни», а не «существования») как можно большего числа людей, то они должны быть задействованы *по максимуму* — *в ущерб всему остальному* (развлечениям,

материальным излишкам, роскоши и т. п.). В сущности, это — «максималистская» альтернатива буржуазному обычаю рассматривать человеческие жизни в терминах «экономической целесообразности».

Конечно, Н. Срничек и А. Уильямс и солидарные с ними исследователи могли бы ответить, что «посттрудовая» перспектива не исключает добровольного *деятельного* участия людей, нацеленных на борьбу за жизнь каждого. Я же хотел бы обратить здесь внимание на недооцененную ими сферу нужды в том, что можно обозначить как «общественно необходимый труд». Под ним можно понимать в том числе и такой труд, который нежелателен или попросту невозможен на добровольной основе. Скажем так, это именно труд в классическом смысле этого слова, а не деятельность как нечто добровольно-свободное. Он основан на дисциплине, следовании инструкциям, опирается преимущественно на четко зафиксированные нормативы и этические нормы (к примеру, дисциплинированная и скоординированная деятельность спасателей, всегда готовых выехать на место катастрофы).

Начну с того, что Н. Срничек и А. Уильямс, по всей видимости, не замечают главного: в росте «избыточного населения» виноваты вовсе не автоматизация и роботизация производства, а не соответствующие современным реалиям системы образования. Срничек и Уильямс практически не рассматривают эту тему, хотя она должна быть в центре внимания тех, кто хочет разобраться в причинах возникающих дисбалансов между общественным спросом на труд и его предложением. Современный учитель или преподаватель в условиях постоянного давления со стороны родителей и ад-

министрации, как правило, в очень сжатые сроки (сорок пять минут или два академических часа) должен пытаться донести до немалого количества обучающихся (студентов, школьников и т. п.) материал, который требует очень долгого изучения, вникания в детали, индивидуального подхода к особенностям психологии и восприятия каждого (можно ли за сорок пять минут внятно объяснить группе из тридцати подростков причины, ход и итоги Великой французской революции?). Фактически мы имеем системы образования, актуальные для воспитания рабочих массового производства (которым не обязательно знать о причинах Великой французской революции и вообще о чем-то выходящем за пределы узких производственных задач), но никак не *творческих индивидуальностей*, способных на решение сложнейших инженерных или научных задач (такие индивидуальности появляются, но скорее *вопреки* системе образования). Срничек и Уильямс, как и другие «левые минималисты», скорее будут рассуждать о роботизации, «автоматизации» процесса образования, о распространении онлайн-курсов, интернет-университетов и прочего. Такая повестка прямо противоположна «максималистской», согласно которой для достижения максимально возможного личностного развития каждого требуется радикальное увеличение количества (и, грубо говоря, «качества») учителей / преподавателей / научных руководителей и т. п. Согласно «максималистскому» подходу учитель должен перестать быть «говорящей головой» (будь то «живой» учитель перед классом или видеозапись на проекторе), имеющей дело с обезличенной массой слушателей. Вместо этого роль учителя (наставника?) должна быть сконцентрирована вокруг *воспитания, помощи в само-*

стоятельном освоении сложного материала, руководства личностным прогрессом каждого, психологической поддержки и т. п. Но это, в свою очередь, требует непосредственного взаимодействия между учеником и наставником, а такое взаимодействие возможно только в небольших группах (пять — семь человек), при непосредственном общении-вникании и при нефиксированном времени. Даже сокращение обычных классов и учебных университетских групп до десяти — пятнадцати человек потребовало бы в два-три раза больше учителей / преподавателей¹. Если учесть, что сегодня в России только школьных учителей около 2 млн, речь идет о потенциальной нехватке труда многих миллионов человек.

Таким образом, мы видим парадоксальную ситуацию наличия двух противоположных типов левого дискурса. Левый «минимализм» делает ставку на освобождение от труда, акцентируя внимание на поразительных возможностях экономии трудовых ресурсов благодаря новейшим технологиям. Действительно, можно сократить количество учителей (или же, что ближе Срничеку и Уильямсу, поделить их нагрузку поровну при сохранении зарплаты (что довольно сомнительно, но это предмет отдельного рассмотрения)), «автоматизировать» часть их труда. С точки зрения качества образования от этого мало что изменится, но зато можно «освободить от труда» некоторую долю учителей/преподавателей. При стремлении к «быстрым выгодам» это целесообразно, в «идеале» можно было бы вообще почти полностью автоматизировать

---

¹ Давыдов Д. А. Какому обществу стоит опасаться роботов? К вопросу о грядущем закате «цивилизации труда» // Свободная мысль. 2017. № 6. С. 65–76.

труд учителей, что дало бы колоссальную экономию. Однако при таком «минималистичном», «экономном» сценарии мы получаем все ту же расширяющуюся прослойку «лишних людей», так как вряд ли качество образования от этого бы улучшилось. Но как только мы ставим «максимальную» задачу, потребность в труде учителей не сокращается, а сильно возрастает. Странно, что Срничек и Уильямс этого не замечают, учитывая весь акселерационистский пафос их дискурса. Если речь идет о настоящем ускорении научно-технического прогресса, то без смелых изменений в системе образования в сторону ее «персонализации», преодоления ее массового характера, двигаться в указанном направлении невозможно.

Вернемся к вышеизложенному этическому принципу о *бесценности* каждой жизни. Акселерационизм можно трактовать как принятие данного принципа: каждый «упущенный талант», каждый ребенок, который «перегорел» в «угнетающей» системе массового образования, не стал изобретателем новых лекарств, хорошим врачом, спасателем и т. д., это тысячи, а то и миллионы (если не миллиарды) смертей. *«Максималистский» акселерационизм, таким образом, это не борьба за освобождение от труда в надежде на то, что «лишние люди» в условиях избытка досуга непременно начнут заниматься «производительной» деятельностью. Это всеобщая концентрация усилий на борьбе со смертью и всем тем, что ее приближает* (от преодоления ощущения утраты смысла жизни до создания безопасных средств передвижения или, например, борьбы с преступностью). Можем ли мы сказать, сколько конкретно нужно ученых, чтобы победить смерть? Вполне возможно, что бесконечно много, так

как найти универсальное средство, которое бы обеспечило каждого миллиардами лет счастливой жизни, вряд ли удастся. Речь, соответственно, идет о взаимообусловленных, взаимодополняющих явлениях: *мы нуждаемся в «бесконечном» приросте труда* (и в том числе связанного с этим трудом *творчества* — см. ниже) *ученых, инженеров, изобретателей, но это означает также «бесконечный» прирост труда тех, кто «создает» этих ученых, инженеров, изобретателей.* И это не труд добровольцев, живущих на безусловный доход или что-то подобное. *Образование, согласно такой установке, это право, которое должно реализовываться на максимально возможном уровне* (включим сюда еще и неисчерпаемую потребность в улучшении качества образования, его технологичности, наглядности, что тоже повлекло бы за собой рост сторонних «трудовых издержек»). «Демассовизация» образования не означает его всеобщей добровольности, когда учитель волен учить *так* и *когда* он сам того пожелает. Несмотря на сильную творческую компоненту, это все еще *общественно необходимый труд*, неразрывно связанный с постановкой коллективных целей общества (человечества?) и трудовой дисциплиной.

В принципе, то, что актуально для образования, актуально и для других сфер. К примеру, дошкольные учреждения, которые также можно рассматривать как важный первый этап в системе образования. Здесь актуальны те же вышеобозначенные выводы. Но детский сад — это также территория повышенной ответственности воспитателей. Речь зачастую идет не просто о здоровье (те ситуации, когда большую часть времени дети болеют, нежели посещают детский сад из-за переполненности детских коллективов) и не просто о спо-

способности воспитателей в существующих условиях *воспитывать и обучать*. Если в поисковой системе «Google» вбить ключевую фразу «из-за недосмотра воспитателя», то она моментально выдает сотни новостей соответствующей тематики: «Мальш умер в частном детском саду Чечни из-за недосмотра воспитателя» (29 ноября 2018 г.); «Девочка в детском саду серьезно пострадала из-за недосмотра воспитателя» (15 ноября 2018 г.); «Двухлетний ребенок выпал из окна на глазах у воспитателя» (5 мая 2019 г.); «В Якутии воспитатель детсада стала фигуранткой уголовного дела из-за травм, полученных воспитанницей» (6 марта 2019 г.); «Ребенок в Нижегородской области сломал обе ноги из-за недосмотра воспитательницы» (31 мая 2018 г.); «Воспитательница детского сада пошла под суд за то, что от нее убежала четырехлетняя девочка, которая впоследствии разбила голову в Нижневартовске» (27 августа 2018 г.); «В детском саду Златоуста во время прогулки на площадке удушилась одна из воспитанниц. Спасать девочку первыми кинулись другие дети, несмотря на то что все происходило на глазах педагога» (22 февраля 2019 г.) и т. д. и т. п. Поражает количество таких новостных сообщений и географический размах: нет практически ни одного более или менее крупного населенного пункта, где не наблюдалось бы чего-то подобного за последние два года. И здесь упоминаются только те случаи, которые фигурируют в СМИ. Детские сады буквально калечат и убивают. Разумеется, во многих случаях виноваты беспечные воспитатели. Но как вычленишь простую беспечность от ситуаций «профессионального выгорания» и полного бессилия воспитателя, который просто не успевает справиться

с двадцатью и более детьми, вышедшими на прогулку? Таким образом, можно предположить, что общество нуждается в радикальном увеличении количества детских садов, количества воспитателей, улучшении их профессиональной подготовки и т. п. Вновь можно говорить о (пока еще не сформированной (не осознанной?)) потребности в высококвалифицированном дополнительном труде миллионов человек.

Схожие выводы можно сделать, рассмотрев сферу медицины. Зачастую медицину современные левые «минималисты» рассматривают как одну из главных сфер автоматизации в будущем. Действительно, сегодня часто говорят о скором массовом распространении мощных интеллектуальных систем, позволяющих «автоматически» ставить диагнозы. Так, к примеру, говорится о том, что искусственный интеллект заменит труд врачей-рентгенологов. Недавно сообщалось, что «машинный интеллект почти в семь раз эффективнее выявляет риски сердечно-сосудистых заболеваний, чем врачи во время рутинной диспансеризации»¹. Однако здесь вновь наблюдается тот же «парадокс»: если мы хотим получить *максимально эффективную* медицину, то речь должна идти не об автоматизации труда врачей, а о *максимально возможном увеличении вложений труда в данной области*. В том же тексте о выявлении искусственным интеллектом рисков сердечно-сосудистых заболеваний приводятся следующие слова Б. Зингермана, генерального директора Ассоциации разработчиков и пользователей искусственного интеллекта в медици-

---

¹ Мационг Е. Может ли искусственный интеллект заменить врача / Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2019/07/13/reg-urfo/mozhet-li-iskusstvennyj-intellekt-zamenit-vracha.html> (дата обращения: 14.03.2021).

не. На вопрос о возможном вытеснении медицинских работников машинами он отвечает: «Об этом не может быть и речи! Врач был, есть и будет нужен. Все ключевые решения по-прежнему — его прерогатива. Но цифровые помощники будут все активнее входить в жизнь докторов. Задача роботов — максимально уменьшить вероятность ошибки. Весь смысл внедрения искусственного интеллекта в медицину состоит в том, чтобы освободить врача от рутины, дать ему больше времени на общение с пациентами и более глубокое понимание каждого случая»¹. Но и это не все: сегодня мы наблюдаем *масштабную нехватку труда врачей*. Причем можно также предположить, что врачей должно быть в разы больше, а труд их должен иметь совсем другой характер, нежели сегодня. И дело даже не в том, что не хватает специалистов на уже существующие рабочие места.

Посмотрим на принятые в России временные нормативы приема пациентов в медицинских учреждениях. С учетом оформления документации на посещение участкового педиатра и терапевта отведено 15 минут, семейного врача — 18 минут, невролога — 22 минуты, оториноларинголога — 16 минут, офтальмолога — 14 минут, гинеколога — 22 минуты, врачу-кардиологу выделяется 24 минуты, врачу-эндокринологу — 19 минут, врачу-стоматологу-терапевту — 44 минуты². В США, как правило, прием у врача-терапевта (*primary*

---

¹ Там же.

² Краснопольская И. На время жалуетесь? Стоматологу дали 44 минуты на прием одного пациента, а терапевту — только 15 / Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2017/01/19/minzdrav-ustanovil-dlia-vrachej-normy-priema-pacientov.html> (дата обращения: 14.03.2021).

care physician — врач первичной медицинской помощи) длится 15–20 минут. Время посещения врачей-специалистов тоже мало отличается от того, что наблюдается в России¹. Если же говорить о всем мире, то для половины человечества визиты к врачу первичной помощи длятся менее пяти минут. Диапазон значений варьируется от 48 секунд в Бангладеш до 22,5 минуты в Швеции². Хватает ли этого времени, чтобы поставить правильный диагноз и назначить адекватное лечение? Во многих случаях да. Но очень часто — нет. В 1999 году американские исследователи изучали практику 29 врачей первичной помощи. Оказалось, что они позволяли говорить своим пациентам в среднем 23 секунды. Другое исследование, проведенное в Университете Южной Каролины в 2001 году, показало, что пациенты первичной медицинской помощи «прерывались» через 12 секунд, если не медицинским работником, то звуковым сигналом или стуком в дверь³.

Такое малое количество времени на непосредственное общение с врачом объясняется сопутствующими процедурами. Исследование, проведенное в 2016 году К. Сински, доктором медицины в Американской медицинской ассоциации, показало, что вра-

---

¹ Caryn Rabin R. 15-Minute Visits Take A Toll On The Doctor-Patient Relationship / KHN. URL: <https://khn.org/news/15-minute-doctor-visits/> (дата обращения: 14.03.2021).

² Crist C. The doctor will see you now — but often not for long / Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-doctor-checkup-duration/the-doctor-will-see-you-now-but-often-not-for-long-idUSKBN1DS2Z2> (дата обращения: 14.03.2021).

³ Caryn Rabin R. 15-Minute Visits Take A Toll On The Doctor-Patient Relationship / KHN. URL: <https://khn.org/news/15-minute-doctor-visits/> (дата обращения: 14.03.2021).

чи тратят только 52,9 % времени на беседы с пациентами или на осмотр, а 37 % времени занимаются оформлением документов¹. Брюс Ю. Ли, колумнист Forbes, в связи с этим с сарказмом предлагает людям, обращающимся за медицинской помощью, заимствовать методы изложения сути своих жалоб в сфере маркетинга: «В конце концов, типичная телевизионная реклама длится около 30 секунд. Две минуты — это типичный рекламный ролик от телешоу. Если четыре компании могут заставить вас купить вещи за две минуты, то вы можете рассказать всю свою историю. Конечно, у вас, скорее всего, не будет высокооплачиваемых сопровождающих актеров, графиков и других визуальных эффектов, а также хорошего саундтрека. Но никто не сказал, что вы не можете использовать их для посещения врача»².

К чему приводит столь недолгое общение между пациентом и врачом? К тому, что немалому числу пациентов ставится некорректный диагноз, угрожающий их жизни и здоровью. Быть может, довольно часто для постановки диагноза достаточно и 23 секунд. Но нередко от врача требуется на какое-то время стать настоящим Шерлоком Холмсом в мире медицины и разгадывать сложные загадки (образ такого медицинского «Шерлока» хорошо показан в американском

---

¹ Sinsky Ch., Colligan L., Ling Li et al. Allocation of Physician Time in Ambulatory Practice: A Time and Motion Study in 4 Specialties / *Annals of International Medicine*. URL: <https://annals.org/aim/article-abstract/2546704/allocation-physician-time-ambulatory-practice-time-motion-study-4-specialties> (дата обращения: 14.03.2021).

² Lee B. Y. Time To Change The 15-Minute Limit For Doctor Visits / *Forbes*. URL: <https://www.forbes.com/sites/brucelee/2016/09/10/time-to-change-the-15-minute-limit-for-doctor-visits/#a3dc29d3477e> (дата обращения: 14.03.2021).

телесериале «Доктор Хаус»). Пациенты очень часто недоговаривают, а то и вовсе скрывают те подробности своей жизни и функционирования своего организма, которые могли бы сильно упростить постановку диагноза. Только хорошо осведомленный врач, знающий своего пациента и его медицинскую историю (сюда также можно включить знание медицинской истории ближайших родственников), выстраивающий с ним доверительные отношения, может оказывать действительно качественную медицинскую помощь. Зачастую процесс постановки верного диагноза превращается в долгую, неприятную и опасную историю. Вот типичный пример:

«„Ясно, что это ревматизм!“ — объяснил врач Дениз, которая жила с хронической болью с детства. Женица и бывшая медсестра знали, что диагноз был неверным — он просто не соответствовал ее пожизненным симптомам, — но кто ей поверит? В течение многих лет врачи говорили ей, что она только воображала боль, что все это было в ее голове. По крайней мере, на этот раз врач Дениз поверил ей.

Дениз назначали сильнодействующие препараты для лечения боли, вызванной ревматизмом. Ее боль не спадала; вместо этого у Дениз развился тяжелый психоз. Потребовалось двенадцать месяцев, чтобы понять, что это были побочные эффекты лекарства от состояния, которого у нее никогда не было. В последующие годы было выполнено много МРТ-сканирований и других диагностических тестов — и все без четких результатов.

Однажды жаркой летней ночью ее состояние резко ухудшилось, и ей пришлось вызвать скорую помощь. Когда прибыли сотрудники скорой помощи, они заметили,

что тело Дениз было покрыто синяками — еще один признак ее истинного состояния здоровья. Дениз привыкла ко всем видам синего и зеленого цветов, украшающих ее тело, и не могла даже представить, что будет дальше. Медицинская команда обвинила ее мужа в жестоким обращении с ней.

Теперь этого было достаточно. Убедив сотрудников скорой помощи, что ее муж не оскорблял ее, она решила возобновить поиск правильного диагноза. Двенадцать лет и двадцать пять докторов спустя она наконец выяснила истинную причину своего состояния: синдром Элерса — Данлоса, редкое генетическое заболевание, с которым она родилась. Сегодня сорокасемилетняя женщина говорит, что потеряла доверие к медицинским работникам и боится каждого посещения»¹.

Наверное, в жизни каждого человека рано или поздно возникают подобные ситуации, когда поиск ответа на вопрос о причинах того или иного недуга затягивается на годы. За это время можно упустить время и оставить без должного лечения серьезное заболевание. Одно исследование, проведенное в США в 2009–2010 гг., показало, что только в 12 % случаев диагноза врачей первичной помощи оказывались полностью правильными. Уточнение требовалось в 66 % случаев, а в 21 % случаев первоначальный диагноз был ложен². Ученые из Университета Джона Хопкинса в 2019 году показали, что от 40 000 до

---

¹ Sturm K. Misdiagnosis: The Global Epidemic We Should Be Talking About / The Mighty. URL: <https://themighty.com/2019/01/how-many-misdiagnoses-what-doctors-should-do/> (дата обращения: 14.03.2021).

² Van Such M., Lohr R., Beckman T., Naessens J. M. Extent of Diagnostic Agreement among Medical Referrals // Journal of Evaluation in Clinical Practice. 2017. № 2. Pp. 870–874.

80 000 случаев смерти в больницах США каждый год могут быть связаны с ошибочными диагнозами. Ошибочный диагноз может также играть роль в 80 000 — 160 000 серьезных случаях непреднамеренного нанесения вреда здоровью людей каждый год¹. Ежегодно, таким образом, американская медицина (самая дорогостоящая в мире) убивает столько людей, сколько погибло при атомной бомбардировке японского города Нагасаки 9 августа 1945 года.

Какой можно было бы представить идеальную медицину? Явно не ту, в которой врач общается с пациентом в среднем 23 секунды. Более того, это была бы медицина, направленная на недопущение «профессионального выгорания», на преодоление рутинности труда врача и расширение его *творчески*² компетенций (а для этого в пропорции к остальному населению самих врачей должно быть в разы больше). Иными словами, это не только труд врача-профессионала, но уже и *творчество* врача-ученого. Но с научными компетенциями врачей сегодня дела обстоят не лучшим образом, особенно в России, где до сих пор при самой обычной простуде в массовом порядке назначают «фуфломицины» (лекарства с недоказанной эффективностью — арбидол, гриппферон, иммунал, имудон, ингавирин, кагоцел и многие другие), активно лечат несуществующие заболевания вроде вегето-сосудистой

---

¹ Newman-Toker D. E., Schaffer A. C., Yu-Moe C. W. et al. Serious Misdiagnosis-Related Harms in Malpractice Claims: The «Big Three» — Vascular Events, Infections, and Cancers // *Diagnosis. Official Journal of the Society to Improve Diagnosis in Medicine (SIDM)*. 2019. № 3. Pp. 227–240.

² А отсюда следует, как минимум, своеобразное «проникновение» в труд творчества, постепенное вытеснение, собственно трудовых компонентов производства благ творческими.

дистонии и находят чуть ли не у каждого второго младенца признаки неврологических расстройств. В итоге немалые материальные средства идут в карманы владельцев фармацевтических компаний. Последние активно «сотрудничают» с курирующими сферу медицины госслужащими, которые, в свою очередь, спускают «сверху» инструкции лечащим врачам, недостаточно компетентным, чтобы усомниться в «научной» базе лечения. По одной из оценок, только в России на ненужные препараты граждане ежегодно тратят порядка 1 млрд долларов¹ (а сколько тратится на их рекламное продвижение?). Но не только в России ситуация с научной компетентностью лечащих врачей неблагоприятна. Сегодня в тех же США доля врачей, занимающихся научными исследованиями, составляет всего 1,5 %². Однако очень часто именно практикующие врачи оказывались изобретателями новых лекарств или методов лечения, которые спасали жизни миллионам людей. Мукеш К. Джайн, Тадатака Ямада и Роберт Лэфковиц, члены правления Фонда поддержки врачей и ученых, отмечают:

«Снова и снова врачи-ученые меняли историю медицины, выявляя проблему в клинике и обращаясь в лабораторию для ее решения. Александр Флеминг наблюдал, как мужчины умирали от сепсиса во время Первой ми-

---

¹ Сергеева О. Русским продали ненужных лекарств на \$1 млрд. Какой «фуфломицин» мы пьем каждый день? / Царьград. URL: https://tsargrad.tv/special_projects/russkim-prodali-nenuzhnyh-lekarstv-na-1-mlrd-kakoj-fuflomicin-my-pem-kazhdyj-den_222692 (дата обращения: 14.03.2021).

² Jain M. K., Yamada T., Lefkowitz R. We Need More Doctors Who Are Scientists. It's in everyone's benefit if physicians participate in research / New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/23/opinion/doctor-scientist-medical-research.html?auth=login-facebook> (дата обращения: 14.03.2021).

ровой войны во время службы в Медицинском корпусе Королевской армии, а затем возвращался домой, чтобы создать пенициллин. Сидни Фарбер, молодой врач из детской больницы в Бостоне, посвятил себя поиску методов лечения лейкемии у детей и заложил основы современной химиотерапии рака.

В 1970-х годах врачи Майкл Браун и Джозеф Гальдитейн решили понять, как артерии маленького ребенка могут быть забиты так же, как и артерии человека с избыточным весом. Это вдохновленное пациентами исследование привело к открытию рецепторов холестерина ЛПНП и проложило путь к статиновым препаратам, которые ежегодно принимают миллионы людей в одних только Соединенных Штатах.

И совсем недавно исследования двух врачей, Брайана Кобилки и одного из нас, доктора Лефковича, которые пытались понять, как гормоны оказывают свое биологическое действие, привели к открытию большого семейства рецепторов, которые легли в основу разработки сотен одобренных FDA лекарств»¹.

И если речь зашла о медицине, можно обратить внимание на еще один момент — оказание экстренной медицинской помощи. Сегодня в России отмечается, что ««скорая» стала быстрее доезжать до пациентов: доля вызовов со временем доезда до пациента менее чем за 20 минут по отношению к общему числу вызовов возросла с 82,5 % в 2009 году до 89,4 % в 2018 году»². При этом, правда, ситуация все же оста-

¹ Ibid.

² Рыкова А. Исследование показало рост числа смертей в машинах «Скорой помощи» в России / RTU на русском. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/646919-issledovanie-smert-skoraya-pomosch> (дата обращения: 14.03.2021).

ется относительно не самой благоприятной: по данным Росстата, около 10 % граждан провели в ожидании медиков больше 40 минут, а 3 % из них — более часа. Хуже всего дела обстоят в малых селах и крупных городах, где 28 % жителей деревень с населением менее 200 человек и 15 % — с населением до тысячи человек не могли дожидаться приезда «скорой» от 40 минут до часа и даже более. В городах с населением от 500 тыс. до миллиона с проблемой столкнулись 23 % граждан¹. Но что такое даже 20 минут ожидания «скорой» (замечу — в «спокойную» эпоху, а не во время пандемии COVID-19, когда «скорую» ожидают часами)? Это далекий от идеального показатель. Во многих странах уже считается нормой ожидание экстренной медицинской помощи в 10 и менее минут. Но и этого зачастую недостаточно. При остановке сердца через одну минуту мозговые клетки начинают умирать. Через три минуты нейроны уже сильно повреждаются, поэтому становятся более вероятными необратимые изменения. Через пять минут смерть практически неизбежна². Исследование, опубликованное немецкими учеными в 2018 году, показало, что успех реанимации был обратно пропорционален времени «доезда» машины скорой помощи; среди пациентов, которые не получали реанимацию от по-

---

¹ Ноделман В. Нескорая помощь: каждый десятый россиянин ждет медиков больше 40 минут. Дольше всего к пациентам врачи едут в небольших селах и крупных городах / Известия. URL: <https://iz.ru/864213/valeriia-nodelman/neskoraia-pomoshch-kazhdyi-desiatyi-rossiianin-zhdet-medikov-bolshe-40-minut> (дата обращения: 14.03.2021).

² Сколько живет мозг без кислорода / Троицкий вариант — Наука. URL: <https://trv-science.ru/2017/09/22/skolko-zhivet-mozg-bez-kisloroda/> (дата обращения: 14.03.2021).

сторонних лиц, частота выписок из больницы снизилась с 12,9 % при среднем времени ответа 1 минута и 10 секунд до 6,4 % при среднем времени реакции 9 минут и 47 секунд¹. Эти данные хорошо согласуются с результатами более ранних исследований. Так, в 2010 году ученые из Великобритании пришли к следующему выводу: только 30 (2,6 %) из 1161 пациента с остановкой сердца дожили до выписки из больницы; но если у пациента случалась остановка сердца, когда медработники находились близко, выживаемость до выписки из больницы составляла 14 %². Исследование, опубликованное в 2001 году группой ученых из Шотландии, показало, что сокращение времени «доезда» скорой помощи с 15 до 5 минут может почти удвоить выживаемость при остановке сердца³. Таким образом, от каждой минуты пути «скорой» зависят жизни многих тысяч людей. В идеале время прибытия «скорой» должно составлять 1–3 минуты (время, в течение которого мозг человека с остановкой сердца еще «жив»). И это не является фантастикой. Сегодня мы живем в парадоксальное время, когда скорая помощь приезжает за 20–40 минут (добавим сюда время, необходимое на то, чтобы описать ситуацию оператору, назвать адрес и т. п.), но зато водители платформен-

---

¹ Bürger A., Wnent J., Bohn A. et al. The Effect of Ambulance Response Time on Survival Following Out-of-Hospital Cardiac Arrest. An Analysis from the German Resuscitation Registry // *Deutsches Ärzteblatt International*. 2018. № 33–34. Pp. 541–548.

² O’Keeffe C., Nicholl J., Turner J., Goodacre S. Role of Ambulance Response Times in the Survival of Patients with Out-of-hospital Cardiac Arrest // *Emergency Medicine Journal (EMJ)*. 2011. № 8. Pp. 703–706.

³ Pell J. P., Sirel J. M., Marsden A. K. et al. Effect of Reducing Ambulance Response Times on Deaths From out of Hospital Cardiac Arrest: Cohort Study // *BMJ Clinical Research*. № 322. Pp. 1385–1388.

ных служб такси вроде «Uber» или «Яндекс. Такси» подчас ожидают пассажиров еще до того, как они успевают одеться и выйти на улицу (как правило, это как раз те самые 1–3 минуты). Можно, соответственно, выстроить работу скорой помощи по платформенному принципу, применить опыт служб такси в сфере оказания срочной медицинской помощи. Но это повлекло бы за собой возросшую потребность в труде куда большего числа работников скорой помощи. Грубо говоря, в таком случае было бы необходимо, чтобы всегда готовые возвращать людей «с того света» машины скорой помощи постоянно «кружили» где-то поблизости. Но разве возможно такое в «посттрудо-вом мире» Н. Срничека и А. Уильямса?

***

В принципе, можно и дальше продолжать приводить подобные примеры (та же область ухода за стареющим населением и т. д.). Более того, они бы не ограничились областью образования и медицины (например, достаточно ли труда задействовано в государственном контроле (надзоре) в областях торговли, общественного питания и т. д.?). Все эти примеры свидетельствовали бы больше об острой нехватке общественно необходимого труда, нежели о кризисе «общества труда» в силу «объективных» причин — роботизации и автоматизации производства. Труд настоящего учителя-друга (наставника и т. п.) вряд ли можно будет когда-нибудь автоматизировать, зато можно автоматизировать современного «массового» учителя. Также очень сложно подвергнуть автомати-

зации труд врача-ученого, который проводит исследования, хорошо знает своих пациентов и является Шерлоком Холмсом в мире медицины, но вполне реально заменить роботами большую часть современных «выгоревших» врачей, которые общаются со своими пациентами в среднем 23 секунды, выписывают рецепты по инструкции «сверху» (в общем, «труд» такого врача уже во многих случаях заменил Интернет). *Левый «минимализм» и левый «максимализм», таким образом, движутся в диаметрально противоположных направлениях. Первый утверждает приоритет свободы от труда и верховенство досуга и творческой самореализации (в т. ч. в социальных сетях), в то время как для второго священна жизнь каждого, кто нуждается в организованном дисциплинированном труде.*

Левый «минимализм» Н. Срничека и А. Уильямса можно понять. Они пытаются сделать концептуальные наброски к проекту, который мог бы положить начало левой контргегемонии. При этом они верно подмечают основную проблему современных левых: отсутствие детально проработанного образа будущего, глобальной альтернативы капитализму, локализм «народной политики». В этом смысле обращение к опыту неолиберальной гегемонии резонно. В конце концов, когда уже не идет речи о каком-то внятном революционном классе, изменить что-то можно только при помощи *популизма*. Срничек и Уильямс не скрывают популистской направленности своего дискурса. «Рецепт успеха» таков: «контргегемонный» дискурс должен хорошо укладываться в уже существующие в буржуазном обществе «ментальные карты», шаблоны мышления и давать очень простые решения

сложных вопросов, которые удовлетворяли бы самые широкие слои населения. Срничек и Уильямс пишут: «Мобилизация популистского движения на почве антитрудовой политики потребует такой формулировки популизма, которая сможет выразить интересы разнообразных групп, борющихся за социальную справедливость и освобождение человечества. Важно, что у антитрудовой политики есть такие ресурсы: например, это был бы хороший выбор для красно-зеленого блока, если он сможет преодолеть противоречия между программой экономического роста и сохранения рабочих мест и программой сокращения углеродных выбросов. Посттрудовой проект по сути является также и феминистским, он признает теневой труд, выполняемый в основном женщинами, так же как и феминизацию рынка труда и необходимость финансовой независимости для полной эмансипации женщин. Он сочетается и с борьбой с расизмом, поскольку черное и другие меньшинства непропорционально страдают от высокой безработицы, массовых заключений под стражу и полицейской жестокости. И наконец, посттрудовой проект опирается на постколониальную борьбу и борьбу аборигенов за предоставление средств к существованию для массовой неофициальной рабочей силы, а также отсутствие миграционных барьеров»¹. Короче говоря, идея «освобождения от труда» могла бы удовлетворить всех, кроме разве что богатых. В итоге получается легкоусваиваемое «лекарство» от общественных недугов: нужно просто платить всем равные пособия «на существова-

---

¹ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. С. 233.

ние» (безусловный доход), а общественно-необходимый труд как можно скорее минимизировать. Это логично, ведь безусловный доход нужно платить из бюджета, а потому в таком случае потребуются «сократить» (вернее, «роботизировать») труд тех же учителей или врачей. В таком виде действительно искомая контргегемония вполне достижима, так как опирается на то же «ценностное поле», что и неолиберализм: свобода каждого распоряжаться своей жизнью, формальная «независимость», индивидуализм и т. д. Но будет ли эта контргегемония вести к по-настоящему лучшему варианту будущего?

Отмечу, что в работах Н. Срничека и А. Уильямса можно найти немало отсылок к сюжетам, которые выходят за рамки простых популистских рецептов. К примеру, они намекают на возможную (правда, «частичную») реактуализацию идеи плановой экономики («...со времен первых советских попыток экономического планирования вычислительная мощность выросла экспоненциально, увеличившись в сто миллиардов раз»¹) и прямой демократии («на платформе социальных медиа могут возникнуть новые способы обсуждения и участия»²). Небезынтересный вывод можно найти в книге Н. Срничека «Капитализм платформ» о перспективах «социализации» платформ («...цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать»³): «В более радикальном ключе мы можем выступать за создание

---

¹ Там же. С. 263.

² Там же.

³ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. С. 41.

посткапиталистических платформ, которые используют данные, собираемые другими платформами, для того, чтобы перераспределять ресурсы, поддерживать демократическое участие и способствовать дальнейшему технологическому развитию»¹. Наконец, можно только приветствовать призыв Н. Срничека и А. Уильямса к детальной проработке посткапиталистического проекта, к созданию полноценной левой *утопии* (как желаемого образа будущего). Но найдут ли эти идеи свое *лучшее* применение в рамках предлагаемого Н. Срничеком и А. Уильямсом посттрудового проекта? Является ли «минимизация» труда ради свободы досуга, творчества и, стало быть, всеобщей отчуждающей погони за творческой самореализацией высшей ценностью? Или же общество, напротив, должно стремиться к *максимально возможному развитию каждого, прилагать максимально возможные усилия в борьбе за жизнь каждого?*

В контексте посттрудового дискурса Срничека и Уильямса крайне чужеродно выглядят «акселерационистские» компоненты. Исследователи делают ставку на некий «самодвижущийся технологический прогресс» и «рост государственных инвестиций», но как конкретно это будет реализовано в условиях и так возросших бюджетных трат на безусловный доход, не проясняется. Смогут ли технологические «прорывы в светлое будущее» организовать люди, обученные роботами? Возникает ощущение, что Срничек и Уильямс даже не задаются такими вопросами. Для них важнее подчеркнуть, что всякий общественно необходимый

---

¹ Там же. С. 113.

труд, в организации которого задействовано государство, есть путь к диктатуре («...без полной автоматизации посткапиталистическое будущее должно по необходимости выбирать между изобилием ценой свободы (повторение трудоцентризма советской России) и свободой за счет изобилия, как то изображалось в примитивных антиутопиях»)¹. Но в таком случае возникает вопрос: почему они игнорируют при этом свои же тезисы об открывающихся грандиозных технологических возможностях обеспечения прямой демократии и перспективах расширения «плановых» рычагов экономического управления за счет колоссально возросших вычислительных ресурсов техники? Быть может, именно в данной области нужно искать новую левую утопию? Не в наивных размышлениях о том, что в будущем за всех все будут делать роботы, а в конкретно-технологических поисках новой модели государства и экономики, для которых высшей целью является не только и не столько досуг, а жизнь, здоровье и «нелишняя» личность каждого.

***

По иронии судьбы большая часть данного параграфа была написана еще до того, как нашу страну захлестнула пандемия COVID-19 (особенно ее вторая, более агрессивная «волна»). Я специально не стал трогать ее в момент работы над итоговым текстом. Во-первых, не хотелось бы, чтобы анализ объективных тенденций разбавлялся стрессовыми факторами, связанны-

---

¹ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. С. 159.

ми с пандемией как все же временным явлением. Настоящий дефицит труда и трудового потенциала (резерва), который раскрыла пандемия, не должен вызывать ощущение, будто бы вся проблема в самой пандемии, и, как только все наладится, можно будет вернуться к стартовым позициям и продолжить рассуждать о неизбежном «посттрудовом» обществе. Во-вторых, хотелось бы как раз сохранить этот контраст: и без пандемии рассуждения об объективном «кризисе труда» — сущая иллюзия тех, кто находится в статусе персоналиата. Пандемия лишь обнажила эту рану, вскрыла все изъяны современного капиталистического общества, долгое время ориентировавшегося на минимизацию труда, минимизацию социальной сферы и т. п. Человечество оказалось абсолютно не готово даже к далеко не самой смертельной и опасной инфекции. Труд (прежде всего врачей, волонтеров и т. д.) сегодня не просто оказался объективно востребованным. Наблюдается его острейшая нехватка повсюду в мире (кроме разве что Китая, который смог дисциплинированно, опять же благодаря всеобщей мобилизации, труду и дисциплине, справиться с пандемией). И из этого необходимо будет извлечь соответствующие уроки. По всей видимости, не просто труд до сих пор актуален (в конце концов, появление в формационном слоеном пироге посткапиталистической прослойки не означает, что старые противоречия оказываются мгновенно разрешенными). Актуальны и трудовые армии, а также резервы таких армий на подобные случаи. Поэтому нам нужно вновь спуститься с небес на землю и задуматься о более конкретных проблемах, решение которых вряд ли

сделает из каждого яркую и популярную личность, но зато кому-то облегчит страдания или вообще не даст умереть.

Что все это значит в общем контексте? Это значит, что всевластие персоналаита и повсеместности личностного «модуса», всеобщей погоне за самореализацией и популярностью можно найти куда более достойную альтернативу. Это альтернатива, в которой «безликий» труд дает ощущение сопричастности к большому, по-настоящему полезному делу. Поэтому вполне возможно, что имперсоналитат пойдет по другому пути, найдет другие цели для своей общественной борьбы. И не исключено, что эти цели с точки зрения общечеловеческих ценностей будут куда более достойными.

***

Здесь стоит сделать еще одно важное дополнение. У читателя, возможно, возникло ощущение некоего диссонанса, противоречия: выше я пытался показать, что условием перехода к посткапиталистической формации является становление творчества в качестве преобладающего источника потребительных ценностей. Разве это не откат назад к «состоянию капитализма»? Нет, реактуализация труда не обязательно означает возврат к капиталистической формации. Как раз одна существенная проблема наблюдаемых посткапиталистических тенденций связана с тем, что творческая деятельность резко «отрывается» от труда. Мы предпочли борьбу за самореализацию в социальных сетях, а не покорение космоса постольку, по-

сколько это есть наиболее простой путь к плодам творческой деятельности. Он не требует особой организации и дисциплины и щедро (в случае успеха) вознаграждает приятным благом — *личностью*. Рассмотренные выше тенденции, свидетельствующие о социальной революции личности, обусловлены тесным переплетением творческой деятельности и процессов *производства личности* (причем в наиболее «узком» смысле этого слова). Творчество в такой оптике предстает как преимущественно *инструмент*, способ достижения популярности, желаемых социально разделяемых представлений о той или иной персоне. Конечным творческим продуктом в конце концов оказываются не столько «потребляемые» другими нематериальные блага (музыка, книги и т. п.), сколько сама находящаяся в центре внимания («эгоцентричная») *личность* как источник «нарциссических» наслаждений или ресурс влияния.

Однако возможно творчество совсем другого характера — нацеленное не столько на производство личности, сколько на преобразование материального и социального¹ мира. Источником наслаждений здесь оказывается уже не яркая индивидуальность, представленная публике, а сам процесс преобразовательной деятельности (как реализации нематериального (идеи, задумки, концепции и т. п.) в материальном), физическое, этические и эстетическое наслаждение результа-

---

¹ Понятно ведь, что в мире, в котором воспитанию и образованию уделяется больше времени и в котором этим занято гораздо больше людей, чем в нашем, возникнет гораздо более комфортная социальная и культурная среда, в которой личности, если угодно, будут «потреблять» друг друга именно как личности, а не частично, только как результаты действий друг друга.

тами данного процесса. При этом такое творчество может быть всецело *анонимным*. Более того, оно вообще может не претендовать на привлечение к себе какого-либо внимания. И, что примечательно, в *таком контексте творчество невозможно отделить от труда*, оно скорее с ним тесно переплетается, становясь преобладающим «моментом/аспектом деятельности». Скажем, деятельность учителя есть, с одной стороны, общественно-необходимый труд, так как во многих своих аспектах представляет собой очень сложную материально-телесную (отчасти регламентированную, рутинную) активность по передаче знаний и организации обучения (включая заполнение бумаг, отчетов, посещение педагогов и т. п.). Но, с другой стороны, это уже по большей части деятельность нематериальная, творческая, нацеленная на разрешение нестандартных проблемных ситуаций, духовное воспитание и т. п. Причем это скорее пример деятельности, в которой творческий компонент является очевидно важнейшим. Но и труд простого плотника, рабочего у станка¹, строителя или, скажем, садовода может быть творческим. Мир после капитализма не обязательно должен представлять собой арену борьбы за популярность, признание и восхищение. Все наше материальное окружение может стать воплощением чьих-то индивидуальностей, настоящим коллективным произведением искусства, в котором творческая энергия человечества объединяется для покорения новых высот.

---

¹ Уже хотя бы постольку, поскольку каждый рабочий может постепенно внедрять какие-то нововведения в производственный процесс.

Заключение

Настоящая книга задумывалась как своеобразная попытка поменять исследовательскую оптику. Долгие годы идея посткапиталистического общества ассоциировалась с «низовой» борьбой эксплуатируемых классов за общество, в котором преодолены все формы господства и эксплуатации. Но такой подход имеет довольно зыбкие научные основания и связан скорее с утопическим способом осмысления мира.

Мы действительно приближаемся к посткапитализму. Утверждение творчества в качестве преобладающего источника потребительных ценностей — это фундаментальный тектонический процесс, медленно разрушающий сами основания глобальной капиталистической экономики. Однако одно дело — внутренняя сущность творчества, и совсем другое — как оно встраивается в общественные отношения. Сегодня мы являемся свидетелями возвышения нового социального класса — персоналиата. Страта обладающих *прежде всего* личностью постепенно вытесняет с олимпа политического влияния страту обладающих *прежде всего* деньгами. Да, сами представители буржуазии редко участвовали в политике. Их господство (в том числе дискурсивное) было обусловлено скорее теми ограничениями, кото-

рые накладывались на практикующих политиков и журналистов. Грубо говоря, публичные личности по большей части оказывались марионетками «денежных мешков» (отсюда марксистский тезис о всевластии буржуазии). Сейчас же все начинает постепенно меняться. Количество популярных личностей, формирующих политические дискурсы, растет экспоненциально. Само политическое влияние расплывается так, что уже не найти каких-то очевидных для всех авторитетов. Творческие деятели становятся независимыми производителями дискурсов. Ну и, разумеется, одной купленной рекламой, лозунгами, визажистами и репортерами политическая борьба уже не выигрывается.

Еще раз подчеркну: речь не идет о столкновении новых элит со старыми. Новые формы власти и престижа переплетаются с прежними, но будущее именно за новыми, основанными на известности, на власти над вниманием. Сама личность превращается в то, что производится — в важнейший ресурс конвертации символического «капитала» в политический. Знаменитости все чаще оказываются политическими фигурами, они все активнее формируют политическую повестку дня. В социальных медиа множится число микроселебрити, которые для многих людей, особенно молодых, становятся авторитетами, в том числе и в вопросах политики. Мы постепенно движемся к ситуации, когда политическую повестку дня задают блогеры вроде Алены Водонаевой или Виктории Бони¹, в качестве ключевых фигур в избирательных кампаниях выступа-

---

¹ Имеются в виду известные скандалы, вызванные высказываниями Водонаевой о материнском капитале и Бони о россиянах, живущих на МРОТ.

ют Дженнифер Лопес или Jay-Z (поддерживавшие Хилари Клинтон на президентских выборах в США в 2016 г.), кандидатами в президенты мировых держав являются персоны типа Канье Уэста, а комментаторует политические новости ютубер Макс +100500. Политическое господство все реже (и в меньшей степени) обуславливается наличием денег или капитала. Гораздо большее значение приобретают такие вещи, как имя, имидж, личностная аутентичность и творчество. Тот, кто сможет овладеть «ресурсами личности», займет место на вершине социальной иерархии. Выиграют ли от этого все?

Мы живем во время перехода к новой антагонистической общественной формации. Я думаю, что нужно отдавать себе отчет в этом по довольно простой причине: любая антагонистическая общественная формация является набором альтернатив. Антагонизм — это не доминирование и тем более не поглощение. Важнейшая особенность любой антагонистической формации заключается в том, что ни одна из противоборствующих сторон не может одержать окончательную победу без полного краха цивилизации. В конце концов, античная культура, наука или искусство были непредставимы без труда крестьян и рабов. Промышленная революция, облегчившая жизнь почти всем людям на Земле, также не произошла бы без эксплуатации рабочего класса. То же самое и сегодня: вряд ли мы сможем «уничтожить» или «забыть» личность. Творческая конкуренция личностей крайне полезна для общества, ведь в ее результате рождаются новые идеи, теории и концепции, подходы и решения. Вряд ли у нас будет моральное право лишать кого-либо права

наслаждаться успехами и достижениями. Однако можно бороться не за ту версию посткапитализма, которую предлагают представители персоналиата (или, как минимум не за тот образ жизни, не за те идеалы). В этом смысле, возможно, потребуется критически взглянуть на саму личность, на ее двойственную природу. Сегодня мы нуждаемся в «критике личности», подобно тому как зарождающаяся буржуазная эпоха нуждалась в «критике капитала» (что, собственно, и сделали К. Маркс и Ф. Энгельс).

Раньше посткапиталистическое общество представлялось как достигшее изобилия материальных благ. Сильные, красивые и здоровые люди обновленного мира дружно строят грандиозный мир, в котором приятно жить, покоряют космос, осваивают необитаемые планеты, встречаются с другими цивилизациями и т. д. При этом такое состояние достигается только после упорной и напряженной борьбы со старой капиталистической системой и установления принципиально новых общественных отношений дружбы и солидарности. Но история, по всей видимости, движется в другом направлении. Посткапитализм рождается просто как нечто параллельно *существующее* с «отмирающим» капитализмом. Старые противоречия и антагонизмы никуда не исчезают, а попросту *вытесняются в тень*: они «экспортируются» в страны третьего мира или оставляются в качестве уже не столь значимого *фона* для чего-то более актуального (да, бедность и неравенство очень существенны, но для многих это уже давно не самая важная проблема в жизни). Более того, и сами посткапиталистические общественные отношения оказываются не такими, какими их представляли ранее.

Вместо изобилия и единства мы наблюдаем ожесточенную, отчуждающую *борьбу за личность*, которая делит общество на страты персоналиата и имперсоналиата. Поэтому ни о каком духе единства и солидарности говорить не приходится. Скорее не укладывающиеся в тесные рамки извлечения прибавочной стоимости практики производства личности способствуют еще большему индивидуализму, эгоцентризму, вражде всех против всех. Однако вполне возможно, что человечество рано или поздно найдет альтернативу такому порядку вещей. В конце концов, сфера творческой самореализации уже давно вызывала у левых мыслителей некоторую настороженность.

Возьмем, к примеру, три видных социалистических утопии XIX в.: «Грядущая раса» Э. Бульвера-Литтона, «Через сто лет» Э. Беллами и «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия» У. Морриса. Все эти утопические романы объединяет одна общая черта — неоднозначное отношение их авторов к феномену популярной личности. В них авторы по-разному представляют благоприятную жизнь в обществах, в которых известные личности или вообще не существуют как таковые, или играют второстепенную роль. Так, в утопическом обществе Бульвера-Литтона отсутствует литература (зачем счастливым людям литература, если реальность и так прекрасна и полна приключений?) как область деятельности, которая способствует возвышению ярких персон: «Разве тебе не ясно, что литература, как вы ее понимаете на земле, положительно несовместима с тем общественным благополучием, которого, по твоим же словам, мы теперь достигли? После вековой борьбы у нас наконец установился общественный

строй, вполне удовлетворяющий нас и в котором не допускается никакого различия состояния, никаких почестей выдающимся общественным деятелям, причем исчезает всякий стимул к личному честолюбию»¹. В утопии Э. Беллами люди светлого будущего находят счастье в коллективном *труде* на благо всего общества. Плановая экономика и дисциплинированные трудовые армии позволяют отдельным наиболее трудолюбивым людям выделиться на фоне остальных («результаты каждого нового передвижения из ранга в ранг опубликовываются в общественных органах, и те, кто продемонстрировал успехи при своем повышении, получают благодарность нации и публично награждаются знаком их нового ранга»²), однако все нацелено на то, чтобы подчеркнуть незаменимость трудового вклада *каждого человека*: «С подъемом цивилизации и с установлением разделения труда многосторонняя взаимная зависимость становится всеобщим правилом. Каждый, как бы ни казалась обособленной его профессия, есть член бесконечно большой корпорации производства, которая столь же велика, как нация, даже так велика, как человечество. Необходимость взаимной зависимости ведет за собой исполнение обязанностей взаимной помощи»³. Наконец, в утопии У. Морриса изображено своеобразное возвращение к ремесленному способу производства: самую тяже-

¹ Бульвер-Литтон Э. Грядущая раса // Утопия XIX века. Проекты рая / Эдвард Беллами, Уильям Моррис, Эдвард Бульвер-Литтон. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 71.

² Беллами Э. Через сто лет. Грядущая раса // Утопия XIX века. Проекты рая / Эдвард Беллами, Уильям Моррис, Эдвард Бульвер-Литтон. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 226.

³ Там же. С. 231.

люю работу отдали машинам, но сами люди при этом не гонятся за известностью, а предпочитают радость дружного совместного труда. При этом творчество никуда не исчезает. Напротив, оно как раз становится *повсеместным* (и можно сказать — *важнейшим*). Но в утопии Морриса уникальность творческой личности проявляется не в популярности, не в выставлении себя напоказ, а в самом преобразовании мира (уникальные дома, уникальные мосты через Темзу, уникальные сады и т. п.). Утопическая пастораль Морриса показывает, что люди будущего вполне могут находить радость в единстве природы и труда, *творчества* и труда. Эстетический компонент его произведения явно доминирует — труд и творчество перестают быть средством и становятся *целью, непосредственным наслаждением*, а потому нет никаких градаций и иерархий: труд лодочника ценится так же, как творчество писателя: «В то же время чрезвычайно расширилось производство предметов “искусства”. Само это слово потеряло для нас старый смысл, так как искусство стало необходимым элементом работы каждого человека, занятого в производстве»¹.

Можно считать, что утописты XIX века были наивны, так как не могли предсказать автоматизацию и роботизацию производства, появление Интернета, социальных сетей и т. п. Но вполне возможно, что эта наивность и есть настоящая мудрость, и нам еще только предстоит осознать, насколько обманчивой может быть всеобщая «борьба за личность».

---

¹ Моррис У. Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия // Утопия XIX века. Проекты рая / Эдвард Беллами, Уильям Моррис, Эдвард Бульвер-Литтон. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 522.

Литература

- Андерсон П.* Переходы от античности к феодализму. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007.
- Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства. М.: издательский дом «Территория будущего», 2010.
- Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.
- Белюсов Я.* Российские ученые и писатели выступили против поправок в Конституцию. Либеральная интеллигенция задумалась о протесте / Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/03/16/rossiyskie-uchenye-i-pisateli-vystupili-protiv-popravok-v-konstituciyu.html> (дата обращения: 14.03.2021).
- Бикбов А.* Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.
- Брегман Р.* Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018.
- Бриньолфсон Дж., Макафи Э.* Вторая эра машин. М.: Neoclassic, АСТ, 2017.
- Брукс Д.* Бобо в раю. Откуда берется новая элита. М.: Ад Маргинем, 2013. С. 147.
- Бузгалин А. В.* Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
- Бузгалин А. В.* Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 135–146.
- Бузгалин А. В.* Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 36–47.

- Бузгалин А. В., Колганов А. П.* XXI век: в чем был прав и в чем ошибался Карл Маркс. Альтернативы. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/8546-xxi-vek-v-chem-byl-prav-i-v-chem-oshibalsya-karl-marks.html (дата обращения: 14.03.2021).
- Бузгалин А. В., Колганов А. П.* Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекарнату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
- Бузгалин А. В., Колганов А. П.* Эксплуатация XXI века. От наемного рабочего и прибавочной стоимости к «креативному классу» и интеллектуальной ренте? // Свободная мысль. 2012. № 9–10. С. 139–158.
- Бурмо А., Лапина Н. Ю.* Движение «Желтых жилетов»: взгляд из России и Франции // Россия и современный мир. 2019. № 3. С. 37–63.
- Вазюлин В. А.* Логика истории: Вопросы теории и методологии. М.: Ленанд, 2019.
- Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.* Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.
- Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Вирио П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
- Воейков М. П.* Вперед к капитализму? К вопросу о предстоящей стадии социально-экономического развития России // Свободная мысль. 2015. № 4. 126–139.
- Воейков М. П.* Теория способа производства. 20 лет спустя // Философские науки. 2012. № 1. С. 73–85.
- Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. London: Overseas Publications Interchange, 1985.
- Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010.
- Греггерсен Н.* Imago imaginis: Человеческая личность с богословской точки зрения // Богословие личности. М.: Изд-во ББИ, 2013. С. 1–28.
- Гриценко В. С., Орлов В. В.* «Капитал» Маркса и кризис капитализма // Философия и общество. 2015. № 1. С. 65–75.
- Давыдов Д. А.* Анархо-локализм и кризис левой политической мысли // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. Т. 93. № 2. С. 66–84.

- Давыдов Д. А.* Есть ли смысл в концепте посткапитализма? // Дискурс-Пи. 2018. № 2. С. 114–122.
- Давыдов Д. А.* Какому обществу стоит опасаться роботов? К вопросу о грядущем закате «цивилизации труда» // Свободная мысль. 2017. № 6. С. 65–76.
- Давыдов Д. А.* Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: URSS, 2019.
- Давыдов Д. А.* На пути к новой антагонистической формации? // Дискурс-Пи. 2019. № 1. С. 10–19.
- Давыдов Д. А.* Сможет ли коммунизм совладать с личностью? // Свободная мысль. 2018. № 5. С. 23–34.
- Делягин М. Г.* Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Том I. Общая теория глобализации. М.: ИПРОГ, Книжный мир, 2019.
- Дин Д.* Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. № 6. С. 85–116.
- Дюфрес С.* Спортивные знаменитости: возникновение и эволюция феномена в СССР // Социология власти. 2018. № 2. С. 83–100.
- Жилин П.* Без соды и следствия Чиновники услышали позицию Путина по Куштау и начали спасать гору. А что они отвечали простым людям? / Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/29/86874-bez-sody-i-sledstviya> (дата обращения 14.03.2021).
- Илюшечкин В. П.* Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
- Инглхарт Р. Ф.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
- Инглхарт Р. Ф., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Иноземцев В. А.* Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории // Полис. Политические исследования. 1991. № 4. С. 35–46.
- Иноземцев В. А.* Экспансия творчества — вызов экономической эпохе // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 110–122.
- Исаев А. М., Шишкина А. Р.* Соблазненные революцией // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 2. С. 21–33.
- Исторический материализм. Часть 2. Учебник для комвузов и вузов. М.: Партийное издательство, 1932.

- История марксизма. Т. 1. Марксизм во времена Маркса. М.: Издательство «Прогресс», 1984.
- Кабает Г.* Что такое способ производства. М.: Московский рабочий, 1961.
- Кагарлицкий Б. Ю.* Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.
- Калюков Е.* Большинство людей в мире разочаровались в капитализме и своем будущем / РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2020/5e2562019a794766c80373ae> (дата обращения: 14.03.2021).
- Каммари М. Д.* Марксизм-ленинизм о роли личности в истории. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.
- Капитализм / Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/1102.htm> (дата обращения 14.03.2021).
- Каутский К.* История социализма: Предтечи новейшего социализма. М.: Академический проект, 2013.
- Качановский В. Ю.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М.: Издательство «Наука», 1971.
- Кляйн Н.* Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. М.: Добрая книга, 2015.
- Койл Д.* ВВП. Краткая история, рассказанная с притетом. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.
- Колганов А. П., Бузгалин А. В.* Poleмические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 120–130.
- Комаров Д.* «Проблема в том, что богатые никак не нажгутся». Максим Галкин выступил в поддержку активистов, защищающих шихан Куштау / ZNAK. URL: https://www.znak.com/2020-08-17/maksim_galkin_vystupil_v_podderzhku_aktivistov_zachichayuchih_shihan_kushtau (дата обращения 14.03.2021).
- Кондрашов П. Н.* Нелепость, ставшая привычкой // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 203–217.
- Кондрашов П. Н.* Онтологические структуры историчности. Исследование философии истории Карла Маркса. М.: URSS, 2014.
- Кондрашов П. Н.* Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150–159.

- Косолапов Р. И.* Социализм: К вопросам теории. М.: Мысль, 1979.
- Краснополская И.* На время жалуетесь? Стоматологу дали 44 минуты на прием одного пациента, а терапевту — только 15 / Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2017/01/19/minzdrav-ustanovil-dlia-vrachej-normy-priema-pacientov.html> (дата обращения: 14.03.2021).
- Крауч К.* Победит ли гиг-экономика? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.
- Кржевов В. С.* Теория общественно-экономических формаций и программа социалистической революции в России // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 47–57.
- Крих С. Б.* «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века // Диалог со временем. 2006. № 17. С. 224–236.
- Лауровский В. М., Барг М. А.* Английская буржуазная революция. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958.
- Лажман Р.* Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические Преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.
- Лаццарато М.* Предприятие и неомонадология // Логос. 2007. № 4. С. 168–198.
- Левада Ю.* «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 2. С. 7–16.
- Лилти А.* Публичные фигуры. Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.
- Лосев А.* Неравенство вышло из-под контроля. Его рост угрожает финансовым рынкам, констатировали в Давосе / Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4243130> (дата обращения: 14.03.2021).
- Лосев А. Ф.* Двенадцать тезисов об античной культуре // Студенческий меридиан. 1983. № 9–10. [Электронный ресурс]. URL: http://psylib.org.ua/books/_losew02.htm (дата обращения: 14.03.2021).
- Майданский А. Д.* Коммунистический идеал Э. В. Ильенкова и реальный социализм // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3. С. 59–66.
- Манукян В.* От Топурии и Плющенко до Ефремова и Бони: как звезды голосуют по поправкам в Конституцию / Федеральное агентство новостей. URL: <https://riafan.ru/1289779-ot-topurii-i-plyushenko-do-efremova-i-boni-kak-zvezdy-golosuyut-porpravkam-k-konstitucii> (дата обращения 14.03.2021).
- Маркс К.* Заметки по поводу книги Джемса Милля / Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010.

- Маркс К.* К критике политической экономии / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 1–167.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.
- Маркс К.* Капитал. Т. 3 / Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. II. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.
- Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 400–420.
- Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46 ч. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1968.
- Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 г. (Первоначальный вариант «Капитала») Часть II. М.: Издательство политической литературы, 1980.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–544.
- Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени. М.: Издательство «Наука», 1983.
- Маццонг Е.* Может ли искусственный интеллект заменить врача / Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/07/13/reg-urfo/mozhet-li-iskusstvennyj-intellekt-zamenit-vracha.html> (дата обращения: 14.03.2021).
- Мейсон П.* Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016.
- Миклашевская А.* «Арабская весна» обошлась в 614 млрд долл. ООН оценила ущерб от событий 2011 года для экономики региона / Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3141993> (дата обращения: 14.03.2021).
- Мортимер Я.* Средневековая Англия: Путеводитель путешественника во времени. М.: Эксмо, 2019.

- Мухачев В. В.* Недостигаемый Маркс. Концепция идеологии создателей марксизма как «terra incognita». М.: URSS, 2018.
- Новое интегральное общество: Общетеоретические аспекты и мировая практика. М.: URSS, 2016.
- Нодельман В.* Нескорая помощь: каждый десятый россиянин ждет медиков больше 40 минут. Дольше всего к пациентам врачи едут в небольших селах и крупных городах / Известия. URL: <https://iz.ru/864213/valeriia-nodelman/neskoraia-romoshch-kazhdyi-desiatyi-rossiianin-zhdet-medikov-bolshe-40-minut> (дата обращения: 14.03.2021).
- Ойзерман Т. И.* Марксизм и утопизм. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961.
- Ореховский П. А.* Левая утопия в XXI веке // Общественные науки и современность. 2020. № 2. С. 162–175.
- Орлов В. В., Гриценко В. С.* Постиндустриальное общество и проблема труда // Философия и общество. 2012. № 3. С. 60–78.
- От 12 тысяч и больше. Российские звезды массово рассказывают о своих пенсиях / ТОЛК. URL: <https://tolknews.ru/news/30378-stalo-izvestno-kakie-pensii-polucaut-zvezdy-rossijskoj-estrady> (дата обращения 14.03.2021).
- От забоя до запоя. История взлета и падения передовика производства Алексея Стаханова // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/08/30_a_7719569.shtml (дата обращения: 14.03.2021).
- Павлов А. В.* Мечтают ли западные марксисты о революции сегодня? // Вестник РУДН. Серия: философия. 2017. № 4. С. 466–478.
- Павлов А. В.* Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // Логос. 2019. № 2. С. 1–24.
- Павлов А. В.* Социально-философские перспективы безусловного базового дохода // Философские науки. 2020. № 3. С. 105–118.
- Перро Ф.* Роскошь: Богатство между пышностью и комфортом в XVIII–XIX веках. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014.
- Платон.* Пир // Собрание сочинений. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 118–119.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. I. М.: Наука, 1994.
- Попов М. В.* Классовая борьба. Чехов: Primedia E-launch LLC, 2018.
- Попова М.* Содержание углекислого газа в атмосфере стало рекордным за 23 миллиона лет / N+1. URL: <https://nplus1.ru/news/2020/06/03/carbon-dioxide-maximum> (дата обращения: 14.03.2021).

- Порноактрисы рассказали об ужасах съемок в фильмах для взрослых / Live 24. URL: <https://live24.ru/obshchestvo/29410-pornoaktrisy-raskryli-neprikladnuju-pravdu-ob-industrii.html> (дата обращения: 14.03.2021).
- Постфордизм: концепции, институты, практики. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- Президент США Трамп подписал новый указ против приложения TikTok / DW. URL: <https://www.dw.com/ru/prezident-ssha-tramp-podpisal-novuj-ukaz-protiv-prilozhenija-tiktok/a-54578549> (дата обращения: 14.03.2021).
- Радаев В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
- Райт Э. О.* Основы неомарксистского классового анализа // Подходы к классовому анализу. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2019. С. 18–56.
- Рифкин Дж.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
- Руллани Э.* Когнитивный капитализм: déjà vu? // Логос. 2007. № 4. С. 64–69.
- Рыкова А.* Исследование показало рост числа смертей в машинах «Скорой помощи» в России / RTU на русском. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/646919-issledovanie-smert-skoraya-pomosch> (дата обращения: 14.03.2021).
- Сайферс Ш.* Идея коммунизма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. № 1. С. 7–20.
- Сасскинд А.* Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться. М.: Индивидуум, 2021.
- Семёнов Ю. П.* Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // Философия и общество. 1998. № 3. С. 195–196.
- Сенин К.* Социалистические Штаты Америки: американская молодежь пресытилась капитализмом. Новые социалисты способны серьезно изменить политический расклад на президентских выборах 2020 года / Известия. URL: <https://iz.ru/857148/kirill-senin/sotcialisticheskie-shtaty-ameriki-amerikanskaia-molodezh-presytilas-kapitalizmom> (дата обращения: 14.03.2021).
- Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.
- Сергеева О.* Русским продали ненужных лекарств на \$1 млрд. Какой «фуфломицин» мы пьем каждый день? / Царьград. URL: https://tsargrad.tv/special_projects/russkim-prodali-nenuzhnyh-lekarstv-na

- 1-mlrd-kakoj-fuflomicin-my-pem-kazhdyj-den_222692 (дата обращения: 14.03.2021).
- Сколько живет мозг без кислорода / Троицкий вариант — Наука. URL: <https://trv-science.ru/2017/09/22/skolko-zhivet-mozg-bez-kisloroda/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Скоцпол Т. Государства и социальные революции Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.
- Славин Б. Ф. Возвращение Маркса: О социальном идеале Маркса и исторических судьбах социализма. М: ЛЕНАНД, 2019.
- Соболенцев Д. Сколько зарабатывают начинающие и средние стримеры на Твиче и Ютубе + самые популярные стримеры в мире и СНГ / Как зарабатывать.ру. URL: <https://kakzarabivat.ru/kak-zarabotat/skolko-zarabatyvayut-strimery/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Соколова А., Головина М., Семирханова Е. «Вы нас даже не представляете»: социальный портрет митингующих в динамике // «Мы не немцы»: антропология протеста в России 2011–2012 годов. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2014. С. 83–122.
- Среди самых «доходных» американских кинофраншиз всех времен — «Мстители», «Человек-паук», «Люди-Икс», «Бэтмен» (Watson A. Highest grossing film franchises and series worldwide as of April 2020 / Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/317408/highest-grossing-film-franchises-series/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
- Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. № 2. С. 7–20.
- Сталин И. Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Сталин И. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1953. С. 446–448.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Тейлор Ч. Секулярный век. М.: Издательство ББИ, 2017.
- Тёкеи Ф. К теории общественных формаций. М.: Издательство «Прогресс», 1975.
- Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.
- Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2009.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004.
- Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008.

- Тощенко Ж. Т.* Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
- Тугаринов В. П.* Природа, цивилизация, человек. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1978.
- Уикхем К.* Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
- Утопия XIX века. Проектырая / Эдвард Беллами, Уильям Моррис, Эдвард Бульвер-Литтон. М.: Издательство АСТ, 2019.
- Ухова К.* Супермен заменил Христа. А зомби эволюционировали и расплодись. Откуда появился мем «brains» и другие аспекты массовой культуры, о которых вы не задумывались / Republic. URL: <https://republic.ru/posts/1965285> (дата обращения: 14.03.2021).
- Федоров Е.* PewDiePie — самый успешный видеоблогер в мире, который чуть не лишился всего из-за обвинений в нацизме. Он впервые за несколько лет дал интервью / Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2019/10/14/pewdiepie-samyu-uspeshnyu-videobloger-v-mire-kotoryu-chut-ne-lishilsya-vsego-iz-za-obvineniy-v-natsizme-on-vpervye-za-neskolko-let-dal-intervyu> (дата обращения: 14.03.2021).
- Фишман А. Г.* Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 3. С. 116–129.
- Фишман А. Г.* Ущербные «вечные машины» и посткапитализм // Свободная мысль. 2018. № 5 (1671). С. 35–46.
- Фишман А. Г., Мартынов В. С., Давыдов Д. А.* Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2019.
- Флорида Р.* Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
- Форд М.* Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- Фромм Э.* Марксова концепция человека // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375–414.
- Фрэнк Р.* Успех и удача. Фактор везения и миф меритократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
- Фюре Ф.* Постигжение Французской революции. СПб.: Анапрес, 1998.
- Хабалашвили Н. М.* В пользу термина «Потребительная ценность» // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2010. № 3. С. 44–51.

- Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
- Хардт М., Negri А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная Революция, 2006.
- Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2018.
- Хумарян А. Г.* Принуждение, когнитивный капитал, стоимость: к вопросу о принципах управления знанием // Социология власти. 2020. № 1. С. 55–88.
- Чеховский В. Э. В.* Ильенков о «стоимости» и о переводе «Wert» // Сборник научных трудов «В. Ильенков и философия Маркса». Усть-Каменогорск. 2018. С. 300–310.
- Шевченко В. Н.* Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. 2016. №2. С. 33–44.
- Щербак И.* «За пост предлагали миллион рублей». Кто из знаменитостей поддерживает поправки и всенародное голосование. Список / ZNAK. URL: https://www.znak.com/2020-06-18/kto_iz_znamenitostey_podderzhivaet_popravki_i_vsenarodnoe_golosovanie_spisok (дата обращения 14.03.2021).
- Щуренков Н.* Цена блога. Сколько стоит популярность в социальных сетях / Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4284836> (дата обращения 14.03.2021).
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
- Abidin C.* Internet Celebrity: Understanding Fame Online. Bingley: Emerald Publishing, 2018.
- Amariglio J., Norton B.* Marxist Historians and the Question of Class in the French Revolution // History and Theory. 1991. № 1. Pp. 37–55.
- Aron R.* Dix-Huit Leçons Sur La Société Industrielle. Paris: Gallimard, 1962. [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.irevues.inist.fr/handle/2042/30131> (дата обращения: 14.03.2021).
- Baker D.* Is Intellectual Property the Root of All Evil? Patents, Copyrights, and Inequality / Paper presented at The Great Polarization: Economics, Institutions and Policies in the Age of Inequality conference, University of Utah, Department of Economics, September 27–29, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cepr.net/images/stories/reports/ip-2018-10.pdf?__cf_chl_jschl_tk__

=e167193cdc6f9bc9c6f911fccccaa3a09a22bd-1605890028-0-ASsPIGakJp-npTytG55_NfLBOfTLm6fKF01Tb-KXBbcuZOSP7gпуCx4-H0yWq81WN1BFxD_P9mu3L0KudUFPN-mvmJ6G5rseT3porzR4fQNz8gQaE-qKNI MifmxmWRfcnYmfKATXw9EXmWCk3Uv-is0kuLHGwp-3d64JK90OUctaCFfJpUPGdin836ODf09uqU-46uWtv0EA71-jIvuLa5jyuhZIEop7xdSNsqe30cS9BWfdpvoVLILKbAPkjYD6b-OxVu6HmXstp1aFoGlh4aOn-K7B3t5_tPH5OJz4xyiZ3m-IY1p3PFZFnbN_-C3jGnOXGP0Go1VIJ9X0v-tS1TpNUeR8kOWEJZIA65NpgTPNwDwBqHoggZSmbTGK-w6iKaPaoM4QB7yha6_tY9z7eOgvpBkFyCq8eQmAH7xhkalluF (дата обращения: 14.03.2021).

Barabási A.-L. Linked: How Everything Is Connected to Everything Else and What It Means for Business, Science, and Everyday Life. New York: Basic Books, 2014.

Berger E. American kids would much rather be YouTubers than astronauts. Becoming an astronaut ranked last among five professions / *Ars Technica*. URL: <https://arstechnica.com/science/2019/07/american-kids-would-much-rather-be-youtubers-than-astronauts/> (дата обращения: 14.03.2021).

Boorstin D. J. The Image: A Guide to Pseudo-Events in America. New York: Vintage, 1992.

Bradley S. W. et al. Experimental Evidence of Observed Social Media Status Cues on Perceived Likability // *Psychology of Popular Media Culture*. 2017. № 1. Pp. 41–51.

Breslin S. Porn Star 3.0: This X-Rated Social Media Influencer Makes Seven Figures A Year / *Forbes*. URL: <https://www.forbes.com/sites/susannahbreslin/2020/05/26/porn-star-30-this-x-rated-social-media-influencer-makes-seven-figures-a-year/#3990b8997966> (дата обращения: 14.03.2021).

Brown M. L., Phifer H. The Rise of Belle from Tumbler // *Abidin C., Brown M. L. (eds.) Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame*. Bingley: Emerald Publishing, 2019. Pp. 121–131.

Buechler S. M. New Social Movement Theories // *The Sociological Quarterly*. 1995. № 3. Pp. 441–464

Bürger A., Wnent J., Bohn A. et al. The Effect of Ambulance Response Time on Survival Following Out-of-Hospital Cardiac Arrest. An Analysis from the German Resuscitation Registry // *Deutsches Ärzteblatt International*. 2018. № 33–34. Pp. 541–548.

Byers K. How Many Blogs Are There? (And 141 Other Blogging Stats) / *Growth Badger*. URL: <https://growthbadger.com/blog->

- stats/#:~:text=There%20are%20over%20600%20million,of%20over%201.7%20billion%20web-sites.&text=In%20the%20United%20States%2C%20there,at%20least%20once%20per%20month (дата обращения: 14.03.2021).
- Cameron S. M.* Postmaterialism in Times of Crisis. Paper presented at the European Consortium for Political Research General Conference, Bordeaux [Электронный ресурс]. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/82449099-9a96-4739-a2ab-7d665b-6c4b10.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).
- Caryn Rabin R.* 15-Minute Visits Take A Toll On The Doctor-Patient Relationship / KHN. URL: <https://khn.org/news/15-minute-doctor-visits/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Cirucci A. M.* Facebook and Unintentional Celebrification // Abidin C., Brown M. L. (eds.) Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame. Bingley: Emerald Publishing, 2019. Pp. 33–47.
- Cobban A.* The Social Interpretation of The French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Cohen J.* Class and Civil Society: The Limits of Marxian Critical Theory. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1982.
- Coleman E. G.* Ethnographic Approaches to Digital Media // Annual Review of Anthropology. 2010. № 1. Pp. 487–505.
- Crist C.* The doctor will see you now — but often not for long / Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-doctor-checkup-duration/the-doctor-will-see-you-now-but-often-not-for-long-idUSKBN1DS2Z2> (дата обращения: 14.03.2021).
- Dabrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.
- Davydov D.A.* The Crisis of Humanism and Emerging Post-Anthropocentric Epoch: A Personalistic View // Changing Societies & Personalities. 2020. № 2. Pp. 220–247.
- Dean J.* Democracy and Other Neoliberal Fantasies: Communicative Capitalism and Left Politics. Durham & London: Duke University Press, 2009.
- Del Rosario A.* Taylor Swift Blasts Trump’s “Calculated Dismantling Of USPS” Amid President’s Efforts To Decommission Services / DEADLINE. URL: <https://deadline.com/2020/08/taylor-swift-blast-trump-usps-twitter-1203014449/> (дата обращения 14.03.2021).
- Desilver D.* For most U.S. workers, real wages have barely budged in decades / Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/08/07/for-most-us-workers-real-wages-have-barely-budged-for-decades/> (дата обращения: 14.03.2021).

- Dirnhuber J.* VLOG'S A JOB Children turn backs on traditional careers in favour of internet fame, study finds. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/3617062/children-turn-backs-on-traditional-careers-in-favour-of-internet-fame-study-finds/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Downs C.* OnlyFans, Influencers, And The Politics Of Selling Nudes During A Pandemic / ELLE. URL: <https://www.elle.com/culture/a32459935/onlyfans-sex-work-influencers/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Dredge S.* 95% of Gen-Z use YouTube and half can't live without it / Musically. URL: <https://musically.com/2017/05/23/95-gen-z-use-youtube-half-cant-live-without/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Edogawa N., Hayashi M.* Shut up and sing? Celebrities' political tweets bring backlash / The Asahi Shimbun. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/13367399> (дата обращения: 14.03.2021).
- European Union GDP Annual Growth Rate / Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/european-union/gdp-annual-growth-rate#:~:text=Looking%20forward%2C%20we%20estimate%20GDP,according%20to%20our%20econometric%20models> (дата обращения: 14.03.2021).
- Flores J.* Fashion and Politics: Influencers Share Their Thoughts on Political Climate / The Athenian Print. URL: <https://theathenian-print.wordpress.com/2017/03/21/fashion-and-politics-influencers-share-their-thoughts-on-political-climate/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Frayne D.* The Refusal of Work: The Theory and Practice of Resistance to Work. London: Zed Books, 2015.
- Friszcell C.* Public Opinion and Foreign Policy: The Effects of Celebrity Endorsements // Social Science Journal. 2011. № 2. Pp. 314–323.
- Gardner A.* A Guide to All the Celebrity Endorsements for the 2020 Presidential Election / Glamour. URL: <https://www.glamour.com/gallery/celebrity-endorsements-2020-presidential-election> (дата обращения: 14.03.2021).
- Garthwaite C., Moore T. J.* Can Celebrity Endorsements Affect Political Outcomes? Evidence from the 2008 U.S. Democratic Presidential Primary // Journal of Law Economics and Organization. 2013. № 2. Pp. 355–384.
- Gen Z Worldview Tracker. How 2020 is Impacting Gen Z's Worldview / Morning Consult. URL: <https://morningconsult.com/form/gen-z-worldview-tracker/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Godwin R.* The rise of the nano-influencer: how brands are turning to common people / The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com>

- com/commentisfree/2018/nov/14/rise-nano-influencer-brands-celebrities-youtube-instagram (дата обращения: 14.03.2021).
- Graeber D.* Bullshit Jobs. A Theory. New York: Simon & Schuster, 2018.
- Greenfield P. M.* Linking Social Change and Developmental Change: Shifting Pathways of Human Development // *Developmental Psychology*. 2009. № 2. Pp. 401–418.
- Greenspan R. E.* TikTok is breeding a new batch of child stars. Psychologists say what comes next won't be pretty / *Insider*. URL: <https://www.insider.com/psychologists-say-social-media-fame-may-harm-child-star-influencers-2020-5> (дата обращения: 14.03.2021).
- Greenspan R. E., Tenbarge K.* BLM Protests Have Flipped the Script for Influencers Used to Walking the Line Between Losing Followers and Political Expression. Now, Creators say the Landscape has Shifted / *Insider*. URL: <https://www.insider.com/blm-george-floyd-protests-influencers-political-meghan-rienks-swoozie-fousey-2020-6> (дата обращения: 14.03.2021).
- Grinin L. E.* Celebrities as a New Elite of Information Society // *Social Evolution & History*. 2012. № 1. Pp. 124–153.
- Gross S. A., Musgrave G.* Can Music Make You Sick? Measuring the Price of Musical Ambition. London: University of Westminster Press, 2020. Pp. 33–34.
- Gundelach P.* Grass-roots Activity // Van Deth J. W., Scarbrough E. (eds.) *The Impact of Values*. Oxford: Oxford University Press, 1995. Pp. 412–440.
- Gurr T. R.* Why Men Rebel. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1970.
- Henn M., Oldfield B., Hart J.* Postmaterialism and Young People's Political Participation in a Time of Austerity // *The British Journal of Sociology*. 2017. № 3. Pp. 712–737.
- Herrman J.* TikTok Is Shaping Politics. But How? / *New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/28/style/tiktok-teen-politics-gen-z.html> (дата обращения: 14.03.2021).
- Horonvitz U. M., Igielnik R., Kochhar R.* Trends in income and wealth inequality / *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewsocial-trends.org/2020/01/09/trends-in-income-and-wealth-inequality/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Hou M.* Social Media Celebrity and the Institutionalization of YouTube // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologie*. 2018. № 3. Pp. 534–553.
- How to Be an Employer of Choice for Gen Z / *The Workforce Institute at Kronos [Электронный ресурс]*. URL: <https://>

- workforceinstitute.org/wp-content/uploads/2019/11/How-to-Be-an-Employer-of-Choice-for-Gen-Z.pdf (дата обращения: 14.03.2021).
- Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Inglehart R.* The Silent Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1977.
- Ismail K.* Social Media Influencers: Mega, Macro, Micro or Nano / CMS Wire. URL: <https://www.cmswire.com/digital-marketing/social-media-influencers-mega-macro-micro-or-nano/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Jackson D. J.* Here's How Celebrity Presidential Endorsements Matter / Cleveland.com. URL: https://www.cleveland.com/opinion/2016/02/presidential_endorsements_incl.html (дата обращения: 14.03.2021).
- Jain M. K., Yamada T., Lefkowitz R.* We Need More Doctors Who Are Scientists. It's in everyone's benefit if physicians participate in research / New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/23/opinion/doctor-scientist-medical-research.html?auth=login-facebook> (дата обращения: 14.03.2021).
- Jennings R.* The not-so-secret life of a TikTok-famous teen / Vox. URL: <https://www.vox.com/the-goods/2019/10/2/20891915/tiktok-famous-teenagers-haley-sharpe-yodeling-karen> (дата обращения: 14.03.2021).
- Katz E., Lazarsfeld P. F.* Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1955.
- Kostelka F., Rovny J.* It's Not the Left: Ideology and Protest Participation in Old and New Democracies // Comparative Political Studies. 2019. № 11. Pp. 1677–1712.
- Kováčová D.* Life on Social Media: Instagirls and the Rise of Micro-celebrity / Re: Views. URL: <http://reviewsmagazine.net/life-on-social-media-instagirls-and-the-rise-of-micro-celebrity/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Lasch C.* The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations. New York, W.W. Norton&Co., 1991.
- Lawrence M.* The Wedges Between Productivity and Median Compensation Growth / Economic Policy Institute. URL: <https://www.epi.org/publication/ib330-productivity-vs-compensation/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H.* The People's Choice. New York: Columbia University Press, 1948.

- Lee H. Y. et al.* Getting Fewer “Likes” Than Others on Social Media Elicits Emotional Distress Among Victimized Adolescents // *Child Development*. № 6. 2020. Pp. 1–19.
- Lee B. Y.* Time To Change The 15-Minute Limit For Doctor Visits / *Forbes*. URL: <https://www.forbes.com/sites/brucelee/2016/09/10/time-to-change-the-15-minute-limit-for-doctor-visits/#a3dc29d3477e> (дата обращения: 14.03.2021).
- Liddiard P.* The Trouble with Political Parties and the Rise of the Yellow Vests / *Wilson Center*. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-trouble-political-parties-and-the-rise-the-yellow-vests> (дата обращения: 14.03.2021).
- Majic S., O'Neill D., Bernhard M.* Celebrity and Politics // *Perspectives on Politics*. 2020. № 1. Pp. 1–8.
- Marcus S.* *The Drama of Celebrity*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2019.
- Marshall P. D.* Persona Studies: Mapping the Proliferation of the Public Self // *Journalism*. 2014. № 2. Pp. 153–170.
- Marrick A., Boyd D.* To See and Be Seen: Celebrity Practice on Twitter // *Convergence*. 2011. № 2. Pp. 139–158.
- Marrick A. E.* *Status Update: Celebrity, Publicity, and Branding in the Social Media Age*. London: Yale University Press, 2013.
- Mavroudis J.* Fame Labor: A Critical Autoethnography of Australian Digital Influencers // *Abidin C., Brown M. L. (eds.) Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame*. Bingley: Emerald Publishing, 2019. Pp. 83–95.
- McCarthy J. D., Zald M. N.* Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // *American Journal of Sociology*. 1977. № 6. Pp. 1212–1241.
- Meaker M.* Meet the YouTubers Influencing — and Infiltrating — Politics / *One Zero*. URL: <https://onezero.medium.com/meet-the-youtubers-influencing-and-infiltrating-politics-d7b2b266595c> (дата обращения: 14.03.2021).
- Serious Misdiagnosis-Related Harms in Malpractice Claims: The «Big Three» — Vascular Events, Infections, and Cancers / *Newman-Toker D. E., Schaffer A. C., Yu-Moe C. W. et al.* // *Diagnosis. Official Journal of the Society to Improve Diagnosis in Medicine (SIDM)*. 2019. № 3. Pp. 227–240.
- Nisbett G. S., DeWalt C.C.* Exploring the Influence of Celebrities in Politics: A Focus Group Study of Young Voters // *Atlantic Journal of Communication*. 2016. № 3. Pp. 144–156.
- Norris P., Inglehart R.* *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

- O'Keeffe C., Nicholl J., Turner J., Goodacre S. Role of Ambulance Response Times in the Survival of Patients with Out-of-hospital Cardiac Arrest // *Emergency Medicine Journal (EMJ)*. 2011. № 8. Pp. 703–706.
- Pease A., Brewer P. R. The Oprah Factor: The Effects of a Celebrity Endorsement in a Presidential Primary Campaign // *The International Journal of Press/Politics*. 2008. № 4. Pp. 386–400.
- Effect of Reducing Ambulance Response Times on Deaths From out of Hospital Cardiac Arrest: Cohort Study / Pell J. P., Sirel J. M., Marsden A. K. et al. // *BMJ Clinical Research*. № 322. Pp. 1385–1388.
- Powell W. W., Snellman K. The Knowledge Economy // *Annual Review of Sociology*. 2004. № 30. Pp. 199–220.
- Quaranta M. Political Protest in Western Europe Exploring the Role of context in Political Action. Heidelberg: Springer, 2015.
- Real Gross Domestic Product / U.S. Bureau of Economic Analysis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/A191RL1Q225SBEA> (дата обращения: 14.03.2021).
- Rifkin J. The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism. New York: St. Martin's Griffin, 2015.
- Rockwell D., Giles D. Being a Celebrity: A Phenomenology of Fame // *Journal of Phenomenological Psychology*. 2009. № 2. Pp. 178–210.
- Roose K. Don't Scoff at Influencers. They're Taking over the World / *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/16/technology/vidcon-social-media-influencers.html> (дата обращения: 14.03.2021).
- Rüdij W., Karyotis G. Who Protests in Greece? Mass Opposition to Austerity // *British Journal of Political Science*. 2014. No. 3. Pp. 487–513.
- Runciman W. G. Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth-century England. Berkeley: University of California Press, 1966.
- Senft T. Camgirls: Celebrity and Community in the Age of Social Networks (Digital Formations). New York: Peter Lang Publishing, Inc., 2008.
- Schomer A. Influencer Marketing: State of the Social Media Influencer Market in 2020. URL: <https://www.businessinsider.com/influencermarketing-report> (дата обращения: 14.03.2021).
- Sheffield M. Poll: Most voters say celebrity political endorsements don't matter / *The Hill*. URL: <https://thehill.com/hilltv/what-americans-thinking/448585-poll-most-americans-say-celebrity-political-endorsements-have> (дата обращения: 14.03.2021).
- Sherman L. E. et al. The Power of the Like in Adolescence Effects of Peer Influence on Neural and Behavioral Responses to Social Media // *Psychological Science*. 2016. № 7. Pp. 1027–1035.

- Shevenock S.* Nearly 9 in 10 People Said No Celebrity Endorsement Would Sway Their Vote. But public increasingly sour on celebrities who endorse political candidates they dislike / Morning Consult. URL: <https://morningconsult.com/2020/02/11/nearly-9-in-10-people-said-no-celebrity-endorsement-would-sway-their-vote/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Shorter G. W., O'Neill S. M., McElberron L.* Changing Arts and Minds: A Survey of Health and Wellbeing in the Creative Sector, Republic of Ireland: Inspire/Ulster University [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inspirewellbeing.org/media/9236/changing-arts-and-minds-creative-industries-report.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).
- Sinsky Ch., Colligan L., Ling Li et al.* Allocation of Physician Time in Ambulatory Practice: A Time and Motion Study in 4 Specialties / Annals of International Medicine. URL: <https://annals.org/aim/article-abstract/2546704/allocation-physician-time-ambulatory-practice-time-motion-study-4-specialties> (дата обращения: 14.03.2021).
- Sorokin P. A.* Mutual Convergence of the United States and the U.S.S.R. to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. № 2. Pp. 143–176.
- Stewart E., Ghaffary S.* It's Not Just Your Feed. Political Content has Taken Over Instagram. How Black Lives Matter Finally Pushed Instagram into Politics / Vox. URL: <https://www.vox.com/recode/2020/6/24/21300631/instagram-black-lives-matter-politics-blackout-tuesday> (дата обращения: 14.03.2021).
- Strömbäck J., Esser F.* Mediatization of Politics: Transforming Democracies and Reshaping Politics // Mediatization of Communication. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. Pp. 375–403.
- Sturm K.* Misdiagnosis: The Global Epidemic We Should Be Talking About / The Mighty. URL: <https://themighty.com/2019/01/how-many-misdiagnoses-what-doctors-should-do/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Sunkara B.* The Socialist Manifesto: The Case for Radical Politics in an Era of Extreme Inequality. New York, NY: Basic Books, 2019.
- The demands of the collective black voices at free capitol hill to the government of Seattle, Washington / Free Capitol Hill. URL: <https://medium.com/@seattleblmanon3/the-demands-of-the-collective-black-voices-at-free-capitol-hill-to-the-government-of-seattle-d4aee51d3e47> (дата обращения 14.03.2021).
- Tilly Ch.* Social Movements, 1768–2004. Boulder/London: Paradigm, 2004.

- Twenge J.* Generation Me: Why Today's Young Americans are More Confident, Assertive, Entitled — and More Miserable Than Ever Before. New York: Atria Books, 2014.
- Twenge J. M., Campbell W. K., Gentile B. Changes in pronoun use in American books and the rise of individualism, 1960-2008 // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. № 3. Pp. 406–415.
- Twenge J. M., Campbell W. K., Gentile B.* Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009 // *Self and Identity*. 2012. № 4. Pp. 409–427.
- Twenge J. M.* iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy-and Completely Unprepared for Adulthood-and What That Means for the Rest of Us. New York, Atria Books.
- Twenge, J. M. Campbell W. K. Freeman E. C.* Generational differences in young adults' life goals, concern for others, and civic orientation, 1966–2009 // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. № 5. Pp. 1045–1062.
- Ubls Y. T., Greenfield P.* The Value of Fame: Preadolescent Perceptions of Popular Media and Their Relationship to Future Aspirations // *Developmental Psychology*. 2011. № 2. Pp. 315–326.
- Understanding Your Gen Z Consumer: Insights Into The Next Generation's Values / PSFK Research. URL: <https://www.psfk.com/2019/07/consumer-insights-survey-gen-z-playbook.html> (дата обращения: 14.03.2021).
- Van Such M., Lohr R., Beckman T., Naessens J. M.* Extent of Diagnostic Agreement among Medical Referrals // *Journal of Evaluation in Clinical Practice*. 2017. № 2. Pp. 870–874.
- Vercellone C.* The Becoming Rent of Profit // *Knowledge Cultures*. 2013. № 2. Pp. 194–207.
- Vrābliková K.* Privileged Post-materialists or Excluded Radicals? Different Pathways of Protest Participation in a Case-control Study. Paper presented at the Goethe-Universität Frankfurt am Main, May 26 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vrablikova.info/pdf/vrablikova-privileged-postmaterialists-or-excluded-radicals.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).
- Wang A. B.* Taylor Swift's Endorsement of Democrats Is Followed by a Spike in Voter Registrations / *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/arts-entertainment/2018/10/09/taylor-swifts-endorsement-democrats-causes-spike-voter-registrations/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Was French revolution A Bourgeoisie Revolution? / *Our Heritage Journal*. URL: <https://www.ourheritagejournal.com/2019/>

- 11/was-french-revolution-bourgeoisie.html (дата обращения 14.03.2021).
- Weeks K.* The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics, and Postwork Imaginaries. Durham: Duke University Press, 2011.
- Wenger A.* World After Capital [Электронный ресурс]. URL: <https://worldaftercapital.org/> (дата обращения 14.03.2021).
- Wheeler M.* Celebrity Politics: Image and Identity in Contemporary Political Communications. Cambridge: Polity Press, 2013.
- When stars get political: Jane Fonda, Taylor Swift, Alyssa Milano, Kanye West and more / USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/picture-gallery/life/people/2019/01/03/celebrities-talk-politics-taylor-swift-kanye-west/2471971002/> (дата обращения: 14.03.2021).
- Why are there so many superhero movies made in recent decades? / Stack Exchange Network. URL: <https://movies.stackexchange.com/questions/104365/why-are-there-so-many-superhero-movies-made-in-recent-decades> (дата обращения: 14.03.2021).
- Wittkower R.* Individualism in Art and Artists: A Renaissance Problem // Journal of the History of Ideas. 1961. № 3. Pp. 291–302.
- Wood M., Corbett J., Flinders M.* Just Like Us: Everyday Celebrity Politicians and the Pursuit of Popularity in an Age of Anti-politics // The British Journal of Politics and International Relations. 2016. № 3. Pp. 581–598.
- Zhang G., De Seta G.* Being «Red» on the Internet: The Craft of Popularity on Chinese Social Media Platforms // Abidin C., Brown M. L. (eds.) Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame. Bingley: Emerald Publishing, 2019. Pp. 57–67.

Научно-популярное издание

Давыдов Дмитрий

Посткапитализм и рождение персоналиата

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Шеф-редактор *Павел Костюк*

Ведущий редактор *Ирина Паскеева*

Дизайнер обложки *Андрей Сауков*

Младший дизайнер *Ольга Смирнова*

Компьютерная верстка *Антон Дятлова*

Корректор *Екатерина Абеяни*

В оформлении обложки использованы материалы
по лицензии агентства *Shutterstock, Inc*

Подписано в печать 24.05.2021 г.

Формат 84x108/32. Гарнитура «Garamond». Усл. печ. л. 17,64

Заказ №

16+

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано